

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЛО'

21

ДЕБЮТЫ:

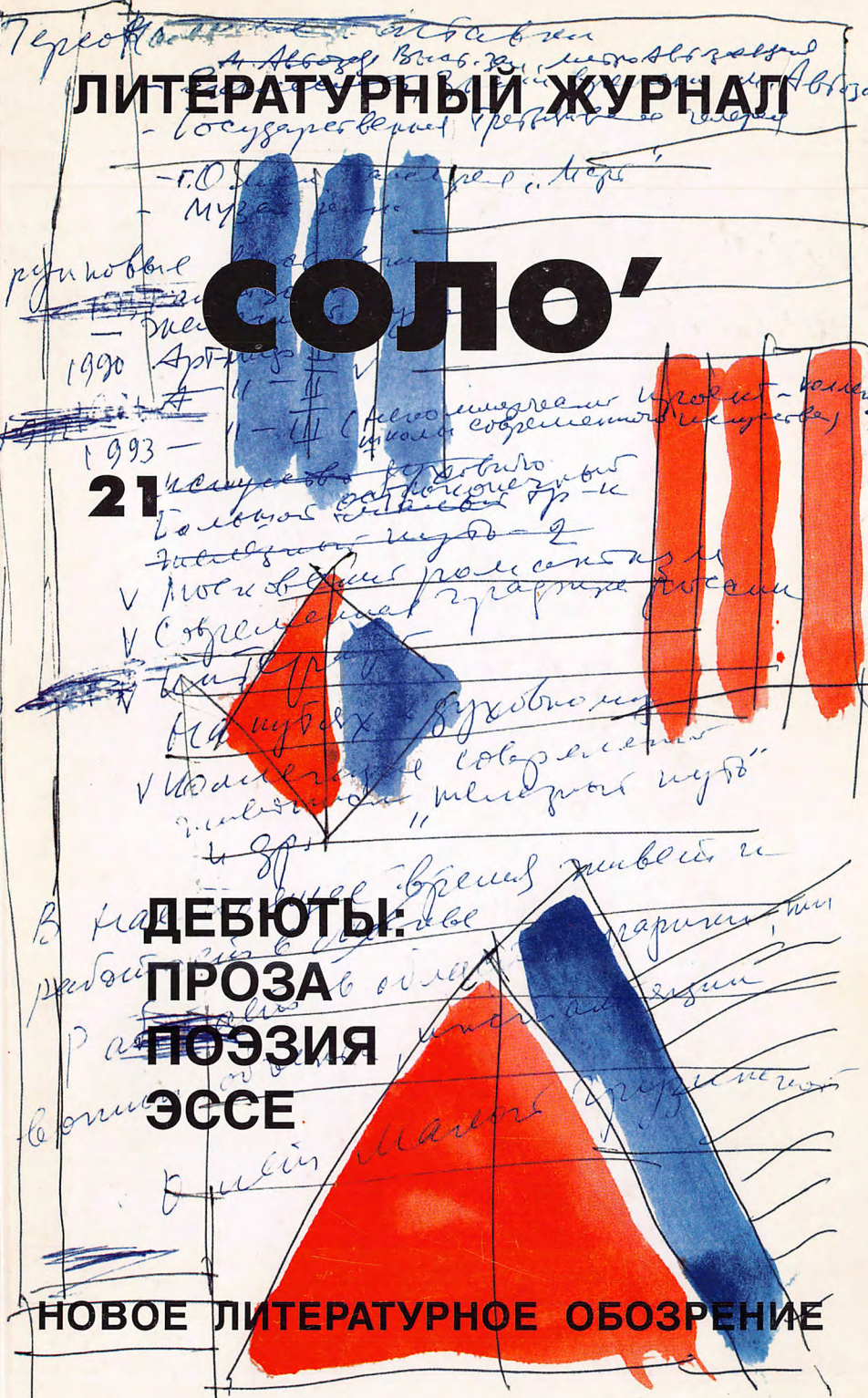
ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ЭССЕ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОЛО' 21

**Журнал литературных
дебютов**

СОЛО'

21

**Новое литературное обозрение
Русский ПЕН-центр
Москва 1998**

Редактор

Александр МИХАЙЛОВ

Редакционный совет

Владимир АБРОСИМОВ

Андрей БИТОВ

Дмитрий ДОБРОДЕЕВ

Евгений ПОПОВ

Художник

Адольф ГОЛЬДМАН

ISSN 0869-6365

ISBN 5-86793-040-8

© «Соло», 1998

© «Новое литературное обозрение», 1998

Содержание

А. МИХАЙЛОВ
От редактора 4

ЗАПОВЕДНИК

ГАЛИНА ШУТЬКО
Степь. Снег (рассказы) 6

ДЕБЮТЫ

ЮРИЙ ГОРЮХИН
Крайний подъезд слева (повесть) 18

ВАЛЕРИЙ НУГАТОВ
Три короба (стихи) 38

ЕВГЕНИЯ ВОРОБЬЕВА
Стихи 45

АЙДАР ХУСАИНОВ
Аждаха (из романа) 47

ВЛАДИМИР ФЕЛЬЗЕНШТЕЙН
Из Членска в Топику и обратно (рассказ) 80

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

ВИКТОР САНЧУК
Стихи из цикла «Картинки на воде» 98

ЕВГЕНИЙ ШКЛОВСКИЙ
Клуб Т. (Хроника одной ночи) 101

МОНОЛОГИ

КИРИЛЛ КУТАЛОВ
Вечное 107

АРКАДИЙ ПАСТЕРНАК
Гимн Крыму 113

КЛУБ им. полковника ВАСИНА

КАТЕРИНА КОСТИКОВА
Хокку 115

Ю. А. НАРТОВ
Нигелла (рассказ) 116

ИГОРЬ СМИРНОВ
Стихи 120

В ГОСТЯХ У «СОЛО»

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ
Сколько «таких Липецков»? 124

АЛЕКСАНДР ГРЕБЕНИК
Стихи 127

ВАДИМ БО
Пиво (пьеса) 130

НИКОЛАЙ ФИЛИН
Сны (стихи) 133

ИННА ДЕВЯТЕРИКОВА
Вот вернется Саша. Розовое небо. Африка (рассказы) 135

ИВАН ПОМИДОРОВ
Философические миниатюры 139

От редактора

Читатель, конечно, не мог не обратить внимания на перемену названия издательства, выпускающего журнал, и на новое красочное оперение после привычной «эстетики нищеты». Что все это значит? Только одно: у «СОЛО» действительно поменялся издатель. Теперь им становится «Новое литературное обозрение», возглавляемое светлой личностью Ириной Прохоровой, хорошо известной и горячо любимой в издательских кругах как здесь, так и там. Не удалось избежать обаяния и магнетизма этой личности и мне, скромному автору этих строк и редактору «СОЛО»: я решил связать свою сиротскую судьбу с «НЛО». А шо делать? — как говорят соотечественники за рубежом. Фонд Сороса принял волевое решение — денег на «СОЛО» больше не давать и полностью сосредоточить свои усилия на спасении наших «национальных достояний» типа «Нового мира». Бывшего издателя нашего журнала АО «Аюрведу» продинамило, сделал госзаказ и не оплатив его впоследствии, наше же правительство. Так что «Аюрведе» теперь не до благотворительности: ей самой надо выкручиваться.

Вот и получается, что сама история дает возможность отзывчивой И.Д. Прохоровой войти в нее (историю) не только в качестве отличного издателя, но и в качестве ангела-хранителя.

Теперь пару слов о будущем. Как уже видит читатель, этот номер по содержанию мало чем отличается от предыдущих — те же рубрики, опять никому в основном не известные авторы. В одной заметке о «СОЛО» я прочел, что журнал свою задачу выполнил и ввел в литературу целый ряд теперь ставших известными писателей и что будет дальше — неизвестно.

Экая глупость! «СОЛО» совсем не для того существует, чтоб кого-то куда-то вводить. Это не приют для бомжей с бесплатным супом, это, блин, художественный проект! И главное в нем — представление об ином, в отличие от «толстых», зацикленных на подборе имен, типе журнала. Нам важнее не автор, а текст или композиция текстов, составляющая единый цельный номер,

который и является главным произведением, самостоятельным эстетическим, так сказать, жестом. Это своего рода представление или спектакль — и недаром выход почти каждого номера «СОЛО» сопровождается его публичным показом, где авторы — актеры.

А если говорить о направлении, к чему строго приучена аудитория, то нет у «СОЛО» никакого направления, кроме все тех же искренности, наивности и жизнерадостности, которые прокламировались с самого начала.

Словом, пока существует «СОЛО», даже у самого последнего литературного аутсайдера остается шанс напечататься. Энергичная, талантливая и искренняя графомания вполне заменит нам профессиональную скучищу литературного мейнстрима. И, чтоб не быть голословным, приведу яркий пример из жизни, отчасти уже известный постоянным читателям журнала.

Живет в Нижнем Новгороде полковник в отставке Васин (Владимир Иванович). Всю свою долгую и трудную жизнь этот выдающийся человек писал стихи или, как он сам о себе скромно говорит, «экспериментировал». В итоге из-под его пера вышли тысячи чеканных строк на любой случай нашей жизни. Собрание сочинений В. И. Васина — это по сути дела «Илиада» и «Одиссея» современности. Но что удивительно: никто так и не напечатал ни одного произведения полковника Васина. Кроме, естественно, журнала «СОЛО»*.

Понятен поэтому некоторый исторический пессимизм Ваших, Владимир Иванович, таких вот строк:

Совесь водит рукою поэта,
тут как в «Гамлете»: быть иль не быть...
И печально, и радостно это,
только лбом той стены не пробить.

Я клянусь Вам, Владимир Иванович, что наш журнал сделает все, что бы пробить эту стену, исправить досадные ошибки истории и дать возможность любому народному таланту засверкать всеми своими гранями. Ну, а если таланта нету, то, как Вы справедливо пишете:

Закон Природы мудр. Во всей природной гамме
он красную выдерживает нить.
И жизнь идет железными шагами,
сметая по пути все, что мешает жить.

Слава богу, что в этом номере есть и другие строки такого же уровня**. А сколько их еще, конгениальных, пропадает втуне по всей необъятной. Присылайте, друзья!

А. М.

---

* См. «Соло» № 12.

** См. стр. 6—140.

ЗАПОВЕДНИК

ГАЛИНА ШУТЬКО

Степь

Анна шла по степи, полускрытая травами, которые доставали ей до пояса. Сухой жаркий ветер бил прямо в лицо, вздымая темные кудри надо лбом и заставляя прищуривать глаза.

Большая черная птица, широко раскинув крыла, летела ей навстречу, высматривая добычу. Пахло теплой землей, полынью, тысячелистником. День, вызолоченный августовским солнцем, — пылинка в масштабах времени и пространства — тем не менее имел в них свои координаты. Был полдень 2 августа 1965 года.

Анна подошла к дороге, сизой стрелой летящей к горизонту, и, прежде чем ступить в клейкую асфальтированную колею, присела рядом с ней под невысоким деревом, почти не дававшим тени.

Никто не догонял и не преследовал ее — ни рыжий похотливый самец, которого она должна была называть Александром Александровичем, ни хулиганистый, непредсказуемый Юрка, ни старая директриса, с ее подозрительным взглядом — было уже или еще не было?

Анна закрыла глаза и прислонилась к тонкому шершавому стволу. Что скажет она матери, когда явится домой? Как объяснит свой уход из лагеря, где должна была оставаться еще несколько дней? То, что случилось с ней, было нелепо и стыдно одновременно. Только он и она будут знать подробности вчерашнего вечера. Только он и она. Пусть только он проговорится, пусть только...

Пальцы Анны сжались в кулаки, и она застонала от гнева, бессилия и невозможности ничего изменить.

Она заставила себя подняться и пошла по дороге в сторону, противоположную югу, к большой, ленивой и сильной реке, через которую когда-то ходил паром. Заслышав шум мотора, Анна уходила с дороги и пряталась в негустой поросли, тянувшейся до самого берега. Три маленьких озера с темной, жутковатой водой,

поросшие желтыми кувшинками, предвещали близость конца ее пути. Ключи били на их дне, и поэтому вода в озерах была всегда холодной, почти ледяной, несмотря на любую жару.

На берегу реки, песчаном и пустынном со стороны степи, кроме нее никого не было, и ей долго пришлось ждать катера.

Противоположный берег был крут и высок. В густой зелени садов здесь и там виднелись крыши невысоких домов. Улицы начинались от самой воды и терялись где-то высоко, за холмом. Небольшая каменная церковь, выбеленная белоснежной известью и увенчанная высокой колокольней с крестом, гармонично вписывалась в окружающий пейзаж. Рядом с оградой ее, почти у самой воды, был виден большой старинный дом, служивший когда-то почтовой станцией. Стены и крыша его когда-то служили приютом великому Пушкину.

Впервые за время пути губы Анны сложились в улыбку, глаза потеплели и из холодных стальных стали просто серыми. Анна была молода, и молодость ее была тем козырем, который бил любую черную карту.

Сумерки обволакивали окрестности дымчатой пеленой, и сады казались гуще и темнее, когда Анна подошла к своему дому и ступила на теплые, отполированные ногами плиты, которыми был вымощен двор.

Дома было тихо и прохладно. Сквозь полузакрытые ставни проникало так мало света, что в комнатах царил полумрак. Полы были вымыты, в проемах окон едва шевелились белые накрахмаленные занавески. Анна с удивлением заметила, как хорошо и уютно стало в доме.

Из беседки за домом были слышны голоса, значит, мать была не одна и можно было не опасаться длинного нравоучительного разговора.

— Пронесло, — с облегчением подумала Анна, — слава богу, пронесло.

В беседке, увитой виноградом, за столом, уставленным закусками, сидели мать и незнакомый Анне смуглый, черноволосый мужчина, похожий на цыгана. Возле начатой бутылки вина стояли два пустых стакана. Мужчина курил, а мать смотрела на него такими влюбленными глазами, что Анне стало не по себе.

— Анечка, познакомься, доченька, — это дядя Петя, — сказала мать, ничуть не удивившись ее появлению.

Дядя Петя встал, протянул Анне сильную загорелую руку и крепко пожал ее маленькую ладошку.

— Ты не сердись, дочка, — сказал дядя Петя, подвигая Анне табуретку, — мы тут с твоей матерью решили, что мужчина в доме вам никак не помешает. Да и любовь у нас — давняя любовь, — усмехнулся он.

Мать, смотревшая на него, покраснела и отвела глаза в сторону.

Обильно политые теплой водой, пахли петунии, склоняли красивые, гордые головы георгины. Белыми, фиолетовыми, красными пятнами казались астры на темно-зеленом фоне влажных листьев.

Рядом с первой яркой звездой появилась вторая, потом третья, и еще, и еще одна.

День второго августа 1965 года закончился, подходил к концу и вечер этого дня, дня, который Анна провела в пути. Дня, который сделал ее взрослой.

В винограднике, посаженном отцом Анны, на железной кровати, поверх досок, застеленных ватным одеялом, спали теперь дядя Петя и мать. Анна и ее бабушка — семидесятилетняя, слегка сгорбленная, но на удивление фигуристая старуха, с крючковатым носом и вредным характером, спали в доме.

И мать, и отец Анны были несчастливы в браке, расходились несколько раз, затем сходились опять, мучая и себя, и Анну, любившую их обоих.

Отец Анны, высокий, худой, горбоносый мужчина, вернулся с войны с многочисленными рубцами от ран на теле и орденом Красной Звезды на застиранной гимнастерке. Был он вспыльчивым, нервным, буйным во хмелю, но балагуром и весельчаком одновременно. Пил так, что глаза становились стеклянными и бесцветными, не узнающими ни жену, ни дочь. Умер отец Анны от рака желудка, страшными муками расплачиваясь за выпитые стаканы водки и выкуренные папиросы. Перед самой смертью успел достроить дом, в котором жили сейчас Анна с матерью, и посадить возле него виноградник на жесткой, глинистой, красноватой земле.

Дядя Петя и мать Анны работали вместе на одном заводе.

Высокий, видный, с огненными черными глазами и пустой штаниной, заправленной под ремень, он ходил по дому, опираясь на костыль, а мать не сводила с него глаз.

— Люблю я его, — говорила она Анне, и столько выстраданного было в этом «люблю», что Анне становилось жутко. Разве она такая — любовь? И как можно любить в их возрасте, когда обоим далеко за 40?

В сентябре, когда стали желтеть и осыпаться листья, мать и дядя Петя перешли жить в дом, и шестнадцатилетней Анне, и старой бабе Дуне, да и им тоже, стало неуютно и тесно в маленьком двухкомнатном доме.

Так прошла зима, и весна, и наступило новое лето.

И мать уже не говорила «люблю его», а все больше молчала. Все чаще уходил куда-то дядя Петя, иногда не показываясь в доме по нескольку дней.

А у Анны была своя жизнь. Она заканчивала школу, и первая, детская любовь ее, которую и любовью-то можно было назвать с

натяжкой, так как любила она, а он или не замечал ее любви, или не хотел и не мог на нее ответить, тоже заканчивалась. И ей становилось тревожно иногда — что с нею будет дальше, как она будет жить в этом огромном, пугающем, неизвестном мире. Она стала задумываться о жизни и смерти, и однажды ночью впервые ужаснулась, что ее когда-то не станет, что она умрет, как умер ее отец, и некому будет вспоминать ее.

При всей любви к матери Анна не была с ней откровенна, и все, что ее мучило в те дни, носила в себе.

Потом наступил июнь с его теплыми дождями, цветущими травами и дивно пахнущими розами — белыми, дикими, облепившими колючие ветки.

Наконец Анна получила аттестат, в котором были почти одни пятерки. И была она золушкой на школьном балу, в своем скромном белом шелковом платье, сшитом ею самою, в окружении таких же золушек. Из всех выпускных классов ее класс ей казался самым лучшим, самым замечательным. Рассвет она встречала на мосту над Доном рядом с бездействующим паромом и причалом с едва различимым в тумане катером возле него. Катером, привезшим Анну из степи год назад.

Весь июль Анна учила немецкий, так как решила стать переводчиком. Ей хотелось много путешествовать, узнать иной мир, иных людей. И «немка», узнав о том, что Анна поступает в Иняз, очень удивилась, так как не находила, что у Анны есть большие способности — на уроках Анна явно не блистала.

В конце июля Анна уехала в Таганрог сдавать экзамены. Ходила на консультации в институт; сидела у моря, не похожего на настоящее море, заросшего водорослями, покрытого тиной и дурно пахнущего у берегов. А сердце ее ныло и ныло, и рвалось куда-то, и несло бешеными скачками.

В сумерках, перед первым экзаменом, Анна села в электричку и поехала домой, по степи, залитой вечерним светом. Что гнало ее туда, домой, ведь завтра начинались экзамены и решалась ее судьба? Рок — скажет она потом.

Была ночь. Небо было черное, без звезд и без луны, так по крайней мере ей запомнилось. Было тихо на улице и во дворе. В комнатах было мрачно и душно. Баба Дуня спала на кровати возле печки. Из-под другой кровати, в передней комнате, послышался стон, и Анна увидела на полу безжизненно откинутую руку, белую и бескровную. Анна наклонилась и увидела мать — полумертвую, с закрытыми глазами. Она стала поднимать ее, но тело матери было тяжелым, обмякшим и горячим, как кипятик. Анна бросилась на улицу и увидела дядю Петю.

— «Скорую», «Скорую!» — выкрикнула она и побежала обратно в дом, где уже задыхалась ее мать.

— А... А... — вырвалось из ее посинелых губ.

Что она хотела сказать Анне? Что она хотела сказать ему, человеку, стоявшему возле кровати на костылях и отводящему взгляд от ее распластанного беспомощного тела?

Когда врач «Скорой помощи» сделал укол, из крошечного отверстия на руке вместе с лекарством потекла струйка темной, почти черной крови — тело умирающей больше ничего не принимало.

Мать Анны умерла утром, в семь часов, когда уже поднялось солнце и заглянуло в окна, как в пустые глазницы. Она выпила клей, которым на заводе склеивали детские игрушки, сразу после отъезда Анны.

А через два дня были похороны. Было жутко и тихо во дворе. Толпы людей заполнили улицу. Потом гроб подняли, понесли, и Анна закричала так, что заплакали все женщины, и мужчины вытирали глаза, не стесняясь. Кого им было жальче — мать ли, ушедшую так рано и так нелепо, дочь ли ее, осиротевшую окончательно, или старую бабу, гладившую внучку по голове и все зовущую: «Вставай, доню...»?

Были там, в толпе провожающих, и дядя Петя, и он, тот мальчик, ее первая любовь, жалеющий ее сейчас больше других, но который ничем не мог помочь ей сейчас, в эти минуты. И были там все, кого она помнила с пеленок, — и одноклассники ее, и преподаватели. Много, много людей, никто из которых не мог ей помочь.

— Да разве такая она, любовь? — спрашивала себя Анна и не находила ответа. Только губы матери на спокойном, умиротворенном лице, казалось, были сложены во всезнающую улыбку.

Через два дня Анна, одетая в черное, была в институте, и какая-то женщина все повторяла ей, что экзамены уже идут и что ради нее, Анны, комиссию собирать никто не будет, и что пусть она приезжает на следующий год, если еще не передумает.

Анна вышла из института, чтобы никогда уже туда не вернуться. Она не станет переводчиком, не станет и учителем, как мечтали ее родители. Нелегким трудом она будет добывать свой хлеб, хлеб, на который так часто у нее не будет хватать денег. У нее будет своя дорога, не такая прямая и ровная, что летела стрелой через ту, августовскую степь. Ее дорога будет такой длинной и извилистой, что в конце ее, оглянувшись, Анна уже не увидит ее начала.

Снег

Четвертый день шел снег. Большие белые хлопья его то кружились, подхватываемые ветром, то летели тихо и спокойно, и тогда небо слегка светлело и становилось яснее очертания гор, белоснежных и величественных, и казавшейся игрушечной по сравнению с ними

долины, в середине которой протекала река с темными, но прозрачными водами.

Анна стояла у окна за густым тюлевым занавесом. Большие светлые глаза ее, полускрытые длинными ресницами, оживляли смуглое тонкое лицо, обрамленное темными, слегка выющимися волосами. Большой серый платок из козьего пуха, накинутый поверх ночной рубашки, укрывал высокую, по-девичьи тонкую шею, плечи и маленькие руки, такие же смуглые, как лицо.

Ничто в доме не нарушало тишины. Часы тикали надоедливо и монотонно, как капли, падающие в воду: тик-так, кап-кап...

За пять лет, которые Анна провела в этом доме, она так и не смогла привыкнуть к этому прекрасному, но чужому для нее уголку земли, давшему ей приют, к крыше и стенам, укрывавшим ее от снега и дождя в непогоду, к людям, и говорившим, и мыслящим по-иному, чем она.

Ей было тридцать два года, когда Георгий привез ее сюда, в свой заснеженный Долинск. Она помнит настороженность, с какой ее приняли здесь, в этом доме, и оценивающие взгляды мужчин, и любопытные — женщин: кто она, чем так покорила их Георгия, почему всем девушкам, которые бы с радостью ответили ему согласием, он предпочел эту молодую русскую женщину, ничем не примечательную, с неизвестно каким прошлым, у которой и приданого всего-то чемодан белья.

Потом интерес к ней постепенно пропал — столько в доме своих забот! — и к Анне привыкли, как привыкают к деревьям, покрывающим горные склоны, к траве, зеленой и сочной весной и бурожелтой осенью. Люди ко всему привыкают, даже к тому, к чему не лежит у них душа.

Георгий был невысоким, но красивым мужчиной. То пылким и горячим, то тоскующим без причины и рвущимся неведомо куда, — таким запомнился он Анне. Он привез ее сюда осенью, а весной, едва только сошел снег и обнажились горные склоны, рассчитавшись с работы и оставив ей этот большой старый дом, сложенный из серого камня, уехал в чужую, такую же горную, как его родина, страну, где шла война. Уехал и не вернулся. На все запросы, посылаемые Анной, ответ приходил один и тот же: пропал без вести. Никто больше не видел его ни живым, ни мертвым.

Четыре года ждала его Анна, безропотно снося свое одиночество. То ли мужняя жена, то ли вдова, она не одевалась в черные одежды, не оплакивала его, не поминала в молитвах как умершего.

Снег, снег, куда ни глянь — всюду снег. Пятая длинная зима... Длинная, длиннее не бывает. Она перестала ждать Георгия уже прошлой зимой — и какую бесконечно долгой была та зима! Но тогда еще была хотя и маленькая, но надежда, а сейчас сердце ее молчало, и ничего не предсказывало ей, и ничего нельзя было раз-

глядеть за этой снежной пеленой — ни прошлого, ни будущего. Снег покрывал долину, как белым саваном, а вместе с ней и ее, Анну, тридцати шести лет от роду.

Звук открываемой двери заставил ее вздрогнуть и отойти от окна. Послышались тяжелые грузные шаги за стеной и шум сбрасываемых дров возле печки — круглой металлической голландки, половина которой обогревала ее большую комнату с тремя узкими окнами. Двухспальная кровать возле стены, завешанной тяжелым красным ковром, с льняными простынями на ней, напоминала большой белый айсберг. Стол и несколько стульев стояли в простенках между окон.

Свекор появился в доме недавно, осенью, после того, как ушел от второй жены. Мать Георгия умерла рано, а мачеху свою он не любил, поэтому Анна видела ее только один раз, в этом доме, в тот самый день, когда она приехала в Долинск. Старики жили в другом поселке. Какая черная кошка пробежала между ними и Георгием, Анна не знала, но больше к молодым они не заглядывали.

За все годы, что Анна жила одна, свекор заходил сюда всего несколько раз — нарубить дров осенью. О Георгии он ее не спрашивал, словно точно знал, что сына нет в живых... Анне, вначале обрадовавшейся, что в доме есть еще одна живая душа, становилось все труднее жить со свекром под одной крышей.

Отец Георгия был пожилым, но крепким еще мужчиной. В дом он вернулся хозяином, и теперь Анна чувствовала себя неудобно под колючим, цепким взглядом свекра. Вернувшись с работы и приготовив ужин, она звала его к столу, а помыв посуду, старалась уйти скорее в свою комнату. Сквозь тонкую перегородку ей было слышно, как он подкладывает в печку дрова, а потом долго ходил из угла в угол. О чем он думал длинными осенними вечерами, Анна не знала. Потом в доме все стихало. Раздевшись, Анна ложилась в широкую белую постель и долго лежала с закрытыми глазами, мучительно стараясь уснуть.

— Отче наш, иже еси на небеси, — повторяла она слова молитвы, запомнившиеся с детства. Слышал ли Он ее? Наверное слышал, потому что, прошептав последние слова, Анна всегда успокаивалась и погружалась все глубже и глубже в черный омут, называемый сном. Иногда ее мучили сновидения — странные, очень похожие на явь. Сон обрывался внезапно, со звуком будильника, и она возвращалась из небытия, из фантастического, несуществующего мира, где скиталась бесплотной тенью между другими, такими же тенями. Это была репетиция смерти, и она повторялась так часто, что сама смерть уже не так пугала ее, как в юности.

Свекор, поднимавшийся раньше Анны, за стеной растапливал печь, и, когда она выходила умываться, чайник уже закипал на веселом огне, приветствуя ее тонким свистом.

Анна раздвигала занавески на окнах и смотрела, как таял диск луны в голубом уже небе. Был он прозрачно-белым и еле светящимся. Оранжевая ослепительная полоска на горизонте становилась все шире, пока наконец из нее не показывался диск солнца. Сначала был виден верхний полукруг его, затем и весь он, освобожденный от розового плена, как бы отталкивался от своего пьедестала и поднимался все выше и выше.

В восемь часов Анна была в санатории, где работала медицинской сестрой в кабинете физиотерапии.

Струйка песка бесшумно пересыпалась из одной стеклянной колбы в другую; входили и выходили люди, то здороваясь, то говоря: «До свидания!» И Анна отвечала им вежливо «Здравствуйте» и «До свидания», занося их фамилии в книги, кого-то запоминая, кого-то нет. В те редкие минуты, когда в кабинете никого не было и она оставалась одна, Анна подходила к окну и опять видела лежащую внизу долину, и поселок за рекой, как бы в туманной дымке, с игрушечными домами, каменными, за каменными оградами; и горы вдали — то зеленые и голубоватые, то черно-белые, в зависимости от времени года.

Весною долина внизу, по эту сторону реки, становилась нарядной. Желтые и красные квадраты, обведенные голубыми полосами, были не что иное, как поля нарциссов и тюльпанов, окруженные голубыми елями, которые выращивали для продажи, вывозя их по ту сторону гор. Молочно-белые, дивно пахли яблоневые сады в апреле, яблоки в которых тоже в основном предназначались для продажи.

Местные жители, за редким исключением, были мусульмане и жили по своим законам. Не в диковинку было здесь и многоженство, которое запрещалось официально, но запреты эти умели обходить столь искусно, что никакого шума вокруг этого не возникало. Бунтовала, да и то недолго, первая, старшая жена, с которой муж, перед тем как привести в дом молодую, официально разводился, но которая оставалась жить в одном дворе с «молодыми», обихаживая и своих, и чужих. Анна видела однажды, как плакала немолодая уже официантка Роза — черноглазая, высокая женщина с черными, тяжелыми косами, в которых еще не было ни одного седого волоса. Ее подруги стояли рядом, говоря гортанные непонятные слова на языке, на котором Анна говорить так и не научилась. Около месяца Роза ходила с заплаканными глазами, хмурая, а посуда так и валилась из ее рук. Затем лицо ее просветлело, мешки под глазами разгладились, и можно было увидеть улыбку на ее губах, свежих и розовых, не знавших помады.

Ни друзей, ни подруг за годы жизни в Долинске Анна так и не приобрела. Знакомые, сослуживцы, соседи, мужчины, которые делали ей иногда гнусные предложения или отпускали ничего не значащие комплименты, — что знали они об Анне, о ее прошлой и на-

стоящей жизни? Каким холодом веяло на нее от белых каменных стен, от гор, покрытых снегом! После работы Анна заходила в магазин и шла затем по узкому навесному мосту в поселок, обдуваемая ветрами или запорошенная снегом.

Заболела она внезапно, в самом начале зимы, когда и морозов-то еще не было. Сначала ей было холодно и зябко, потом жар опалил ее маленькое тело и голову. Сумерки все сгущались и сгущались и давили на нее, и не было сил пошевелиться и сказать что-либо. Молодая незнакомая женщина, вся в белом, иногда склонялась над нею и холодными тонкими пальцами касалась пылающего лба. Потом сознание ее прояснилось, жар спал, но тело оставалось таким же тяжелым, как раньше. С трудом Анна поворачивала голову к окну, смотрела на густую снежную пелену, и смотрела так долго, пока слезы не скатывались из уголка воспаленного глаза на кружево сорочки, мятое, в мелких дырочках и узорах, вышитых гладью.

Свекор входил, грузно ступая, и садился у изголовья кровати на стул, который жалобно скрипел под его телом. Он приподнимал худенькое тело Анны над подушкой и усаживал ее поудобнее, начиная кормить, как маленькую, медленно и терпеливо поднося ложку с бульоном или стакан с молоком к розовым, в коричневых корочках губам. Потом отбрасывал одеяло и, подняв на руки ставшее невесомым тело, опускал Анну на ведро, стоявшее рядом с кроватью, и ничего мучительнее, чем чувство стыда, которое она при этом испытывала, Анна не знала. Потом она снова лежала в постели, заботливо укрытая стеганым одеялом до самого подбородка, и тяжелый сон смеживал веки, унося ее в небытие. А ходики на стене все тикали и тикали, отсчитывая отпущенное ей время.

Через две недели Анна могла уже вставать и делать несколько шагов по большой, кажущейся незнакомой комнате. Еще через несколько дней сил у нее значительно прибавилось, и любимым занятием ее стало сидеть у окна, укутавшись в теплый платок. Мысли ее были созвучны круженью снега за окном, и то летели по кругу медленно и плавно, то смешивались вдруг в один клубок, подхваченные непонятным, тревожным вихрем.

Решение уехать, вырваться из этого белого плена не было неожиданным. Горы, прекрасные горы, то острогрудые, то волнистые ближе к долине, утомляли Анну своим величием.

Однажды, с Георгием, они поехали вглубь их, туда, где сужалась долина, превращаясь в узкий каменистый проход, сжатый с обеих сторон каменными истуканами. Едва заметные тропы бороздили отвесные склоны, покрытые изумрудной травой там, где на камнях сохранился слой почвы. У подножия склонов, по берегам реки, стиснутой каменным ложем, росли кусты кизила и боярышника, и других, незнакомых Анне растений. Еще выше поднимался лес, оплетая подножия гор ветвистой темно-зеленой сетью, угру-

мый и мрачный лес, посреди которого Анна с удивлением увидела стены и купола каменного храма, давно заброшенного и покинутого. Кто и как его построил в таком недоступном месте и когда он был покинут людьми, Анна так и не узнала, да и Георгий, родившийся в этих местах, об этом не знал.

Потом они стояли в кругу мужчин, охранявших туристическую базу, на которой почти не было туристов, так как до лыжного сезона было еще далеко, и Георгий вел непонятный для Анны разговор все на том же гортанном языке. Иногда кто-нибудь из мужчин вежливо обращался к Анне по-русски с ничего не значащей фразой и, внимательно выслушав ее ответ, снова возвращался в неторопливый круг разговора.

Ночевали они здесь же, на турбазе, в узкой, длинной комнате, кое-как уместившись на односпальной кровати, потому что спать отдельно Георгий Анне не позволял даже тогда, когда она болела по-женски и нуждалась в покое. Он клал свою тяжелую ногу на ее узкое бедро, охватывал шею руками, поправив размятавшиеся после любви волосы, и засыпал быстро, оставляя Анну лежать одну в темноте, наедине со своими мыслями, непонятными, а может, и неинтересными ему. Его привязывала к Анне чувственная сторона их отношений, и духовного мира ее он не касался.

От Георгия пахло вином, травами и еще едва уловимым, одному ему присущим запахом. Он редко целовал ее в губы, а если целовал иногда, то поцелуи его были быстрыми, неумелыми, отбивавшими охоту отвечать на них. В ласках же Георгий был ненасытен и мог любить ее всю ночь, доводя до изнеможения и себя, и Анну. Она насытилась им и не хотела другого мужчину. Пять лет после отъезда Георгия Анна жила одна, но в этот шестой год ее одиночества маленькое горячее тело вдруг напомнило о себе. Груди наливались, но некому было целовать их, тянуло в пояснице и внизу живота, чего раньше с ней не случалось.

Болезнь обессилила ее, но выздоровление приближалось, и надо было что-то делать с собою и со своей остановившейся жизнью, дать ей какой-то толчок.

Анна отошла от окна, взяла книгу с полки и легла на кровать, пристроив подушку повыше. Читала она долго, пока сумерки не начали вползать в комнату сквозь стекла, зарешеченные тюлем.

Света почему-то не было — электроэнергию отключали в поселке довольно часто. Вошел свекор и принес подсвечник со свечой и поднос, на котором Анна увидела графин с напитком, напоминавшим цветом кровь. Сыр, овощи и тушка цыпленка лежали на белом фарфоровом блюде рядом с кусками свежее испеченного каравая.

— Давай, дочка, выпьем за твое выздоровление, — сказал свекор, протягивая Анне чашку с вином. — Пусть никогда больше болезнь не тронет тебя.

— Спасибо, — сказала Анна, — но, может, мне нельзя?

— Пей, пей, вино даст тебе ту силу, которую ты потеряла.

Анна выпила ароматное, тягучее, пахнущее травами вино маленькими глотками, постепенно чувствуя, как оно зажигает ее кровь и ударяет в голову. Цыпленок и хлеб были еще теплыми, а сыр душистым и жирным, как масло.

Мерцала свеча в темноте, освещая пространство возле кровати и поднос на табурете возле нее. В прямоугольнике окон, с едва намечившимися узорами, похожими на оперение диковинных птиц, летел и летел снег, то приликая к стеклам, то скользя по ним вниз. Торопились редкие прохожие, оставляя цепочки следов на белом и чистом ковре, расстеленном вдоль всей улицы. Лаяли собаки, встревоженные скрипом снега или звуком голосов. Все это осталось там, за стеной. А в комнате, на широкой двуспальной кровати лежала тридцатисемилетняя женщина, еще молодая и крепкая, и плакала так, как плачут в детстве — громко, навзрыд, не стесняясь, уткнувшись лицом в мокрую от слез подушку. Грузный мужчина, доводившийся ей свекром, торопливо натягивал на себя брюки, стараясь попасть в штанину волосатой ногой. Из опрокинутой чашки на поднос стекала винная струйка, липкая и тягучая, напоминавшая цветом кровь, которая одного цвета у отца и у сына.

«Отче наш, иже еси на небеси...» — вспомнилось вдруг Анне, и она дико захохотала, испугав свекра еще больше, чем своим плачем. Он вышел, плотно закрыв дверь, и Анна слышала, как он одевается, как потом заскрипел снег под его ногами.

Стучало в висках, и ворот душил так, что хотелось разорвать его. Анна сняла ночную рубашку и надела свою лучшую кофточку, заправив ее в черную, слегка расклешенную юбку, сунула ноги в черные лайковые туфли на каблук-шпильке. Зеркало, висевшее в простенке, длинное, узкое, овальное, смутно отразило ее лицо и фигуру. Анна расчесала волосы, уложив их набок, как в девичестве, заложив маленькие вьющиеся пряди за уши.

Тонкий лаковый поясок, подобранный когда-то в тон юбке и туфлям, коснулся горла, все туже обхватывая его.

Поплыли лица перед глазами — любимые, полузабытые. «Отче наш... — опять вспомнилось Анне, — Отче наш...» — этой молитве учил ее отец, чье лицо увидела Анна так отчетливо рядом со своим, хотя тот и умер больше двадцати лет назад.

Пальцы Анны, подсунутые под ремень и уже онемевшие, напрялись и рванули его с такой силой, что он лопнул и вытолкнул ее из смертельного круга. Время, отпущенное Анне, еще не кончилось.

Маленькая женщина, закутанная в теплый пушистый платок, изпод которого выбивались колечки кудрявых волос, в меховом пальто и высоких кожаных сапогах, медленно шла по улице, занесенной снегом. В руке у нее была большая сумка, с какими обычно ходят

на рынок. В ней было самое необходимое, что требуется человеку в дороге. Через несколько часов поезд увезет ее, Анну, на север, в степи, где она родилась и выросла, где покоится прах ее предков, где снег не такой тяжелый и сугробы не такие глубокие, где из памяти сотрутся, со временем, и крик, и смех ее, еще звучавшие в ушах, где она опять станет сильной и решительной, как в юности.

Поезд отходил от перрона медленно, прощаясь свистком с долиной и горами, окружавшими ее, но Анна не смотрела в окно. Глаза ее были закрыты. Вперед, вперед — стучали колеса. Она не будет оглядываться, она заставит себя не оглядываться на прошлое. Пусть оно покоится, занесенное снегом, в этой узкой долине, которую она никогда больше не увидит.

Вперед, вперед, — прошептала Анна, и крепко сцепленные губы ее впервые за несколько часов разжались, и разгладились морщины возле них.

Время, отпущенное ей, еще не кончилось, и это было сейчас самым главным.

ДЕБЮТЫ

ЮРИЙ ГОРЮХИН

Крайний подъезд слева

Сегодня стемнело так же быстро, как вчера. День был в меру удачен: в моем внутреннем кармане грелась чекушка, в почти новом пакете лежала огромная чуть-чуть надкусанная груша, копченая толстенная сосиска и длинная, наполовину торчащая из пакета французская булка.

Я зашел в свой подъезд, подставил пятку под размашистый удар двери, поднялся на второй этаж и из почтового ящика квартиры номер тридцать семь вынул газету «Известия» вместе с невзрачной, немного желтоватой по углам открыткой. В открытке Елену Анатольевну Дрожжевую поздравлял с днем рождения Витя Тимербулатов и желал ей обилия здоровья, счастья и любви. Я недолго разглядывал вялые тюльпаны, выдавленные в картоне, — бросил открытку назад в ящик и зашагал по ступенькам вверх.

Между девятым и десятым этажами мне встретился незлой жилец квартиры номер девяносто пять, пытающийся пропихнуть в мусоропровод большой полиэтиленовый мешок с опилками.

— Не лезет?

— Залезет — куда денется.

— Тогда, наверное, мусоропровод забьет.

— Может, и забьет, а может, и не забьет.

— Ну ладно.

Я поднялся еще на один лестничный пролет, но жилец из девяносто пятой окликнул меня:

— Петрович!

— Чего?

— Ты на отдых, что ли?

— Да как получится.

— Скоро домофон поставят.

- Угу.
- Всем жильцам ключи дадут от входной двери.
- Угу.
- А ты как же?
- Посмотрим.
- Ну давай.
- Угу.

В лифтовой комнате я поставил в ряд три хлипких ящика, бросил на них телогрейку, сел, налил себе в мятый пластмассовый стаканчик водки, откусил хрустящий кончик булки и развернул газетку.

Водку я выпил быстро, опьянел слабо и долго, с расстановкой и чувством громким шепотом читал «Известия». После чтения я вытер слезящиеся глаза рукавом, вывернул из цоколя на пол-оборота тусклую лампочку, лег калачиком на ящики и, умеренно переживая мировые новости, уснул.

- Вам какой этаж?
- Седьмой.
- Мне пятый.

Миша Смирнов знал, что очаровательно раскосая Люда живет на седьмом этаже, но также знал, что у нее придурковатый абрикосовый пудель Атос, папа, постоянно ремонтирующий под окнами «Москвич» с пробитым глушителем, и мама, которой очень хочется видеть в женихах Люды соседа-летчика, всегда благоухающего коньяком «Белый Аист». Люда тоже знала, что Миша живет на пятом этаже и учится в технологическом институте на специалиста по холодильным установкам, кроме того, к нему иногда приходит высокая белокурая двоюродная сестра Катя, которую Миша, загадочно улыбаясь на распросы знакомых, молчаливо выдает за свою подружку.

С первого этажа по пятый Миша интенсивно думал о том, как бы непринужденно заговорить с Людой так, чтобы она, с одной стороны, восхитилась его остроумием, а с другой — прониклась уважением к его серьезному жизненному настрою. А Люда теребила черненькую пуговичку на маминой старенькой желтенькой кофточке и очень старалась не покраснеть.

На пятом этаже двери лифта открылись, Миша вышел, обернулся и сказал:

- Завтра дождь обещали.
- Да? — удивилась Люда и быстро нажала на кнопку седьмого этажа.

Лифт уехал, а Миша живо представил, как он, обгоняя лифт, легко взбегает на седьмой этаж, встречает Люду и приглашает ее куда-нибудь, где тихо играет музыка, журчат фонтанчики, красивые люди красиво разговаривают друг с другом, официанты в смокингах предупредительны и корректны, мягкий свет располагает к за-

душевной беседе, нежная ладошка тает в мужественных руках, розовое прозрачное ушко внимает горячему шепоту и все укладывается в остатки стипендии за апрель.

Анатолий Григорьевич Щепко вдохнул в себя аромат пяти белых розочек, оглядел глянец начищенных туфель, изящно отстранил от себя коробку с тортом и, заметно волнуясь, позвонил в квартиру сорок пять.

— Проходите, Николай Григорьевич!

— Анатолий Григорьевич.

— Да, да, конечно. Не обращайтесь внимания — у нас кругом беспорядок, — Антонина Васильевна повела рукой, показывая на аккуратные, закрытые на ключик шкафчики, выровненные по одной линии ряды обуви и натертый до блеска паркетный пол.

— Ну что вы — у вас так замечательно, — сказал Анатолий Григорьевич и испугался, что его попросят снять обувь взамен на какие-нибудь меховые шлепанцы.

— Какие чудные розочки, Леночка будет очень рада.

Анатолий Григорьевич немного растерялся, потому что замглавбуха Вера Станиславовна говорила, что единственную дочь очень приличных родителей, красавицу и умницу, не оцененную сверстниками, зовут Викой.

— Вера Станиславовна сказала, что это любимые цветы Ви... Лены.

— Верка всегда все перепутает, я хотела сказать... Э-э... Вы проходите, пожалуйста, в зал.

Антонина Васильевна унесла цветы на кухню, чтобы несдержанная на язычок Леночка не прошла по поводу банальности подарка. А Анатолий Григорьевич кашлянул в кулачок и зашел в зал, где по телевизору показывали захватывающую мыльную оперу, но никто ее почему-то не смотрел.

В лифте Петухов Дима забеспокоился еще больше:

— Костик, а они ничего?

— Да ничего.

— А вдруг я им не понравлюсь?

— Понравишься.

— А если у них там кто-нибудь есть?

— Видно будет.

— А ты презервативы взял?

— Взял.

— А вдруг они не будут пить белебеевскую водку?

— Они все пьют.

На восьмом этаже, полностью отведенном под общежитие кондитерской фабрики номер два, Петухов Дима с Костиком вышли

из лифта и, толкнув незапертую обшарпанную дверь, окунулись в коктейль коллективных запахов.

— Костик, чего теперь?

— Спокойно.

Из комнаты 234 выплыла плотненькая девушка в застиранном халатике, бигудях и с тлеющей сигареткой во рту. Девушка волнуяще близко подошла к Диме и пустила ему в лицо облачко дыма:

— Чего надо?!

Дима оглянулся за поддержкой к многоопытному Костику, но Костик исчез в комнате 235 и как будто кого-то там уже щекотал.

— Я с Костиком.

— А мне хоть с Майклом Джексонном.

— Да?

— Чего надо?!

— Костик! — нервно позвал Дима и сделал шаг к выходу. В пакете Димы легонько звякнули бутылки, Дима покраснел, а девушка вдруг пустила струйку дыма в направлении пакета:

— Ты в гости, что ли?

— Нет, то есть да.

— Угощаешь, что ли?

— Угощаю.

— А чего стоишь, мнешься?

— Да как-то так.

— Проходи, там Снежанка и Валька, я сейчас.

Дима робко вошел в комнату и сказал: «Здрасьте». В комнате было душновато и грязновато, на тумбочках валялся хлам дамских сумочек, на бельевой веревке висели выстиранные полиэтиленовые пакеты, а на холодных батареях призывно белели предметы женского туалета, будоража кровь и вселяя надежду, что, возможно, вечер будет убит не зря.

Валька подняла голову с подушки и сказала: «Снежанка, к тебе».

Снежанка надула из жевательной резинки шарик и спросила: «Юрик, а чего ты сбежал в прошлый раз?»

Вернулась плотненькая девушка без сигаретки, но со свежесвзбитой прической, равнодушно скинула халатик, натянула джинсы и футболку:

— Девчонки! Нас Валерик угощает! Снежанка, вымой стаканы.

— Я Дима.

— Я не буду пить, меня Гоги на дискотеку пригласил.

— Валька, ты вечно от компании откалываешься, а твой Гоги, между прочим, уже со всеми перескакал на дискотеке в соседней комнате.

— Да ладно!

Снежана принесла стаканы и, взъерошив Петухову Диме волосы, ласково приказала:

— Разливай, Юрик.

Дима суетливо открыл бутылку и, произвольно выдерживая дозировку, разлил по стаканам.

— Что-то у тебя плохо с глазомером, Валерик.

— Ничего! За знакомство, девчонки!

— Димон! А ты чего здесь? Я тебя, как дурак, в соседней комнате жду — а ты здесь!

Тетя Соня долго рассматривала в глазок Лену и Женю, а потом спросила тоненьким голоском:

— Кто там?

— Квартира пятьдесят три?

— Ну и что?

— Мы по объявлению.

— Какому объявлению?

— Вы комнату сдаете?

— Ну и что, что сдаю?

Женя с Леной переглянулись и оба разом приснули, потом Лена вытянула губки, а Женя чмокнул их и нежно обнял Лену.

— Ты с ума сошел!

Тетя Соня приоткрыла дверь и высунула свою маленькую, прилизанную головку:

— Вы комнату пришли снимать или разворотом заниматься?

— Сначала комнату.

Лена ткнула Женю в бок и опять приснула.

— Дети есть?

— Пока нет.

— Нет, не сдам — не успеешь глазом моргнуть, как настрогают и будут кругом пеленки висеть да карапузы ваши по ночам орать.

— А комнату можно посмотреть?

— Смотрите, за просмотр денег не берут, хотя зря, что не берут.

Лена и Женя зашли в просторную, светлую, чистенькую комнату с накрахмаленными тюлевыми занавесками и огромным мягким ковром на полу.

Лена ущипнула Женю под лопатку, и Женя сказал:

— Нам нравится комната, и мы готовы платить за нее сногшибательные деньги.

Тетя Соня нахмурилась, но почему-то вдруг вспомнила своего бравого сержанта Володю, ушедшего на фронт в конце апреля сорок пятого и вернувшегося через неделю в конверте с фиолетовым штампом, смахнула с ресниц слезинку и сказала:

— Ладно, живите.

Павел Крендельков стряхнул со шляпы возможную влагу и перedal шляпу жене Свете:

— Опять в глазок не смотришь!

— Я тебя в окно видела.

— Все равно надо смотреть. Как Мосюсечка? Чего делает?

— Днем немного болел живот, сейчас кушает.

Павел снял плащ, посмотрел, не забрызган ли он сзади, и протянул Свете:

— Может быть, надо было вызвать «Скорую помощь»?

Света забросила шляпу на верхнюю полку, а плащ сложила пополам и положила на нижнюю полку:

— У него уже все прошло — наверно, притворялся.

— Плащ лучше повесить на вешалку, а то он изменится.

Света развернула плащ и повесила на плечики под лежащую наверху шляпу.

— Как будто ты спиной стоишь.

Павел недовольно шмыгнул носом и строго сказал:

— По-моему, ты несколько халатно относишься к здоровью нашего Мосюсечки.

Света вытерла руки о передник и ушла на кухню.

Павел переоделся в тренировочный костюм, тщательно вымыл руки, выдавил на лбу прыщик и тоже прошел на кухню, где очень широко улыбнулся сыну, поедающему гречневую кашу с молоком.

— Ах ты мой Мосюсечка!

Мосюсечка открыл такой, же как у отца, непропорционально большой рот и отправил в него столовую ложку каши. Половина каши вывалилась обратно, и Мосюсечка стряхнул ее маленькой ручкой на пол.

— Дай шоколадку!

Павел опять расплылся и погладил сына по голове:

— Сегодня тебе нельзя шоколадку — у тебя живот болел.

— Дай шоколадку!

— Ну потом, сначала кашу доешь.

— Дай шоколадку!

Павел вздохнул, поцеловал Мосюсечку в двойную макушку — явный признак высокого предназначения сына — и протянул ему шоколадку.

— Только чур сразу не разворачивать.

Мосюсечка бросил ложку в тарелку с кашей, разодрал блестящую фольгу шоколадки и, сильно пачкая руки и щеки, стал ее быстро есть.

Валентина глубоко набрала в грудь воздух и, заметно перевирая мотив, затянула протяжную татарскую песню о несчастной любви. Тагир Микхатович уронил тяжелый мужественный подбородок на широкую грудь и заплакал. Станислав Ковров с шестой попытки подцепил скользкий опенок на вилку, выпил пузатую рюмку водки, закусил грибочком и сказал:

— Плачь, Тагир, плачь — настоящие мужчины всегда плачут.

Тагир Микхатович высморкался в салфетку и обнял Станислава:

— Стас, ты один меня понимаешь!

— Брось его, Стас, он сейчас будет реветь до утра.

— Заткнись, дура!

— Это я дура?! Ах ты козел! Я весь день пашу на работе, потом дома, кормлю, обстирываю — и я же дура! Стас, ты только глянь на него!

Станислав Ковров протянул Валентине тарелку и попросил положить ему холодец.

— За козла ответишь, мымра!

Станислав Ковров поднял рюмку водки, влил ее из своих рук в готовности открытый рот Тагира Микхатовича, промокнул его губы салфеткой, подцепил добрый навильник квашеной капусты и настойчиво предложил Тагиру Микхатовичу ее сжевать.

— А за мымру я тебе знаешь что сделаю?!

— Ну хватит, Валь, чего вы ругаетесь? Такой вечер хороший.

— Ну и чего ты мне сделаешь?!

— Тагир, возьми себя в руки. Валь, спой еще песенку, а?

— Только для тебя, Стас. Этот пусть заткнет уши.

Валентина опять запела протяжную татарскую песню о несчастной любви. На третьем куплете Тагир Микхатович захлюпал носом и ткнулся лбом в плечо Станислава Коврова.

Все передачи закончились, телевизор зашипел и стал показывать зигзаги черных и серых полос, а Игорь все смотрел на экран и крутил в пальцах спичечный коробок. Его жена Ирина несколько раз раздраженно прошла мимо Игоря, потом встала перед ним и спросила:

— Очень интересно?!

— Да, очень.

Игорь достал из брошенной на пол пачки сигарету и закурил.

— Не кури в комнате!

Игорь выключил телевизор, накинул на плечи засаленный на локтях пиджак и вышел на лестничную площадку. Ирина открыла форточки, расстелила постель и ушла в ванную чистить зубы.

Абрикосовый пудель Атос резво взбежал по ступенькам, остановился около Игоря и тщательно того обнюхал.

— Атос, ко мне!

Атос услышал голос хозяина, уверенно завил хвостиком и залиvisto обляял Игоря.

Игорь равнодушно стряхнул на пуделя пепел и тихо сказал:

— Пошел ты!

Вынырнувший из темноты нижних этажей папа Люды прикрикнул на пса:

— А ну тихо! Мерзавец! — и замахнулся коротким кожаным ремешком на поджавшего уши и хвост Атоса.

Ирина распахнула дверь и, сжимая в побелевшем кулачке ворот халатика, попыталась спокойно сказать:

— Имей совесть — кругом все спят!

— Да ваш муж тут ни при чем — это мой дурак, — папа Люды жизнерадостно улыбнулся Ирине и показал ремешком на притихшего Атоса.

— А я думала мой! — зыбкое самообладание покинуло Ирину, и она со всей силы впечатала входную дверь в косяки.

Игорь сплюнул на пол, швырнул окурок к мусоропроводу и зашевелил губами, тихо рождая короткие, емкие слова.

— А вот мусорить, молодой человек, не стоит, какое бы настроение у вас ни было.

— Пошел ты!

Атос зарычал и опять звонко залаял на Игоря, папа Люды вздохнул, цыкнул на пса, крепко взял его за ошейник и потащил по лестнице вверх. Игорь подошел к захлопнутой на замок двери и стал гулко стучать в нее кулаком.

За Людой зашли два Виталика, Юсупчик, Антон и Фазлыяхметов, чтобы вместе пойти к классному руководителю Дим Димычу, который должен дать всем последние инструкции перед однодневным организованным походом на озеро Кандрыкуль.

Антон сказал, что лифт не выдержит шести человек и обязательно застрянет. Юсупчик сказал, что надо подпрыгнуть в лифте и только тогда он застрянет наверняка. Два Виталика тут же стали изображать прыжки. Люда сказала им, что они дураки, и ребята дружно загоготали. Люда тоже усмехнулась сверстникам и многозначительно загрустила — какие они глупые, невзрослые, бестолковые и дурашливые, в отличие от загадочного, умного, уверенного, надежного и немного строгого студента Миши с пятого этажа.

Миша Смирнов отложил в сторону недостроенную модель самолета «F22» — настроение творить пропало. Он видел из окна своей комнаты, как очаровательно раскосая Люда с веселой, шумной ватагой одноклассников вышла из подъезда и куда-то отправилась. Миша быстро убедил себя в том, что эти молокососы обманом заманили Люду на вечеринку, где накачают ее шампанским, в которое — подонки! — чего-нибудь непременно подсыпят и будут потом, плотно прижимаясь, по очереди танцевать с ней, а когда она обессиленно обмякнет на руках главного зачинщика и беспомощно захлопает глазами, полными слез, тот затащит Люду в спальню и на пошлой прокуренной тахте начнет срывать с нее вещи. Миша так долго, в подробных деталях представлял, как негодяй срывает с Люды вещи, как трогает ее нежное тело грубыми руками, что чуть

не забыл представить свою месть главному мерзавцу и всем другим мерзавцам, которые, наверно, тоже воспользовались бы ситуацией, если бы Мишу не позвала мама пить чай с блинчиками и свежим медом, привезенным гостившим у них вторую неделю внучатым племянником двоюродного брата папы.

— Располагайтесь, Анатолий Григорьевич. Леночка сейчас выйдет.

Антонина Васильевна исчезла за двусторчатой дверью в спальню, оставив Анатолия Григорьевича с кипой журналов «Cosmopolitan» на коленях и недовольно зыркающим Барсиком в кресле напротив. Анатолий Григорьевич вытер вспотевшие ладони о брюки, вяло полистал журнальчики, задерживаясь на страницах с загорелыми девушками в белом кружевном белье, сказал Барсику: «Пысс!» — и немного заскучал. Барсик с отвращением зевнул, спрыгнул с кресла и с достоинством полновластного хозяина вразвалку прошел на кухню погрызть Kitiket из пластмассовой мисочки.

Анатолий Григорьевич отметил, что большие старинные часы на стене идут на пять минут быстрее его тайландского «Ролекса», нащупал большим пальцем правой ноги в новой туфле остренький камешек, сосредоточенно погонял его там, потом, здраво рассудив, что Леночка с Антониной Васильевной выйдут нескоро, развязал шнурки, вытряхнул камешек и обнаружил, что на пятке только что купленного носка уже образовалась маленькая дырочка. Анатолий Григорьевич сказал:

— Черт!

В это время зашли Леночка с Антониной Васильевной и попытались сделать вид, что не замечают, как зарумянившийся Анатолий Григорьевич пытается быстро впихнуть ногу обратно в туфлю. Барсик же, вдруг почувствовав новые волнующие запахи, подбежал к ноге Анатолия Григорьевича, призывно мурлыкнул и стал недвусмысленно тереться об нее своей мордой. Антонина Васильевна вежливо оттащила Барсика от пятки Анатолия Григорьевича, взяла на руки и с укоризной погладила:

— Барсик, как тебе не стыдно — ты порвал Анатолию Григорьевичу носок.

Поджавшая было губы Леночка неожиданно встрепенулась и тут же заботливо предложила Анатолию Григорьевичу снять носок и отдать ей с мамой в починку. Анатолий Григорьевич растерялся, зарумянился еще больше и на всякий случай сказал:

— Я сам...

Тогда Леночка пожала плечами:

— Ну, как хотите, Григорий Анатольевич, — посмотрела в программу ТВ, отметила карандашом какую-то передачу и вышла из зала. Барсик с удовольствием расцарапал ладонь Антонине Васи-

льевне, она попросила кота не нервничать и вместе с ним вышла вслед за дочкой. Сквозь неплотно прикрытые двери Анатолий Григорьевич отчетливо слышал громкий шепот:

— Мама, кого ты ко мне привела?! Неужели мои дела настолько дрянь?!

— Леночка, он совсем не так плох, как тебе показалось, — первое впечатление всегда обманчиво.

Костик протанцевал с Викой Кучумовой вокруг стола, мимо тумбочки и самопроизвольно раскрывающегося шкафа к скрипучей кровати, где нечаянно спотыкнулся и упал вместе с партнершей в пыльные объятия свалявшихся подушек и одеял. Пружинный матрас крикнул, Вика, воспитанно взвизгнув, захихикала, Костя скользнул рукой по гладкой спине Вики и после небольших усилий протолкнул пятерню за тугой ремень ее шифонных брюк.

Вика осуждающе сказала:

— У-у...

Костик спросил шепотом:

— Дай животик поцелую?

— Не-а.

Костик нежно пригрозил:

— Я убью тебя, сука!

— Убивай.

Пережатая тугим ремнем, рука Костика затекла, он почувствовал, как по ней поползли неприятные мурашки, и вдруг вспомнил, что обещал сегодня встретить на вокзале сестру Риту с кучей тяжелых сумок, чемоданов и двойняшками Сеней и Маришкой. Костик расстроился, перестал мять упругие ягодицы Вики Кучумовой, вытнул руку из-под ремня и спросил:

— Сколько время?!

— Какая разница.

Костик некоторое время поразмышлял, потом, решив, что в ответе Вики присутствует здравый смысл, снова протолкнул пятерню за Викин ремень и бархатно шепнул:

— Я убью тебя, сука, то есть дай животик поцелую?

Лена осталась у подъезда караулить бабушкин торшер, этажерку, швейную машинку «Зингер» и пузатый желтый чемодан на колесиках. Взмокший Женя в третий раз забил лифт вещами, втиснулся сам и по упрямому настоянию тети Сони проехал на этаж выше, чем нужно. Тетя Соня встретила Женю, приложила палец к губам и суетливо зашептала:

— Скорее давай!

— Да что такое?

— Соседи заметят и донесут в милицию — вот что!

— Так вы же через агентство официально сдаете.

— Много ты понимаешь! Неси скорее.

Женя, чертыхаясь, перенес вещи в квартиру и, отказавшись от глоточка тети Сониного чая с заговоренными травами, опять сбежал вниз к ожидающей Лене.

— Хозяйка совсем спятила — заставляет от соседей конспирироваться.

— Ладно, она же старенькая.

— Старенькая, конечно, но тащить барахло лишний этаж удовольствие тоже небольшое.

— Ничего, я потом тебя покормлю, сделаю китайский массаж, уложу спать и расскажу сказку со счастливым концом.

— А супружеский долг?!

— Какой ты хулиган, — Лена увернулась от поцелуя Жени и всучила ему в руки этажерку.

Женя занес в лифт этажерку, швейную машинку, чемодан на колесиках, торшер, хотел занести и Лену, но она сказала, что Женя балбес.

Тетя Соня вытащила из лифта этажерку и сказала, что пойдет первая. Женя надул щеки, встал на цыпочки и, ступая по-журавлинному, зашагал за тетей Соней. Лена спряталась за спину Жени и, чтобы не рассмеяться, зажала рот ладошкой.

Соседка тети Сони, Клавдия Ивановна, не снимая цепочку, открыла дверь и улыбнулась в щелку:

— Что, Софья Афанасьевна, новых жильцов впускаете?

Тетя Соня что-то забурчала под нос, Женя округлил глаза и громко вздохнул:

— Застукали.

Лена легонько ударила Женю торшером по затылку:

— Перестань.

Павел Крендельков выключил на кухне телевизор, выпил согретый до комнатной температуры ежевечерний кефир, чуть не вымыл за собой стакан, но, вовремя вспомнив о разделении семейных обязанностей, бодро прошагал в ванную комнату. В ванной комнате Павел почистил зубы, умылся, высморкался, тщательно расчесал волосы перед зеркалом и расстроился заметному прогрессу залысин, несмотря на постоянные втирания корней лопуха, хлебного мякиша с какой-то загадочной вонючей голубоватой жидкостью из таинственного Китая. После ванной Павел позвонил маме, спросил о здоровье, настроении и впечатлениях от прожитого дня. Покивав пятнадцать минут в телефонную трубку, Павел сказал: «Непременно», зашел в спальню и заставил себя нахмуриться:

— Завтра утром позвони моей маме — она расскажет, как лечить Мосюсечку.

Света закатила глаза и тихонько вздохнула:

- От чего лечить?
- Что значит от чего?!

Света замолчала, а Павел поменял махровый халат на теплую байковую пижаму.

- Паш...
- Чего?
- Ты Мосюсечку забыл поцеловать.
- Да? Извини, то есть ничего я не забыл.

Павел шумно прокрался в детскую и слюняво чмокнул диатезную щечку по-взрослому похрапывающего Мосюсечки. Мосюсечка заворочался, выпустил из правой руки огромный пластмассовый пистолет, а левой плотнее сжал горло плюшевому медведю. Павел подоткнул Мосюсечке одеяло и с хорошим настроением выполненного долга заботливого отца вернулся в спальню.

Павел лег под одеяло, включил со своей стороны бра и взял с тумбочки увесистую книгу «Учет и анализ финансовых активов».

- Читать будешь?
- Да, надо.
- Я соскучилась...
- Сегодня тяжелый день был, а завтра будет еще тяжелее.
- Да, конечно...
- Что конечно?! Я что, плохо забочусь о семье? Если бы не я,

между прочим!..

- Я ничего тебе не говорю.

Настроение у Павла испортилось, он без удовольствия прочитал главу «Анализ финансового состояния эмитента по данным бухгалтерского баланса», громко захлопнул книгу, выключил свет и, отвернувшись от жены, обиженно засопел.

Тагир Михатович тяжело встал из-за стола и предложил Станиславу Коврову покурить на кухне.

- Стас! Да курите в комнате — вон пепельница.
- Жена! У нас мужской разговор — отстань!

Станислав Ковров подмигнул Валентине и, отталкиваясь от стен, двинулся с Тагиром Михатовичем на кухню.

— Представляешь, Стас, на прошлой неделе вернулся из командировки.

- Не представляю, Тагир.
- погоди, Стас, не отвлекай меня. Вернулся я из командировки, выпил рюмку водки и стал из карманов всякие бумажки вытаскивать.

- Для этого не надо было ездить в командировку.

— Стас, слушай дальше. Выложил деньги, квитанции, талончики всякие и, представляешь, абсолютно целую упаковку презервативов.

- Не может быть.
- Клянусь, Стас. И знаешь, так грустно стало.
- Да ладно.
- Неужели прошла жизнь, а?
- Ну что ты, впереди еще глубокая вторая молодость.
- Я серьезно, Стас, а ты!
- Да брось, Тагир!

Тагир Михатович грустно икнул и плюнул в любимый кактус жены:

— Что-то с Валькой тоже ничего не ладится.

Стас настороженно вскинул левую бровь:

— А что такое?

— Да, понимаешь, как-то все не так. Вчера, например, захожу в ванную, а она моей бритвой подмышки бреет. Сказал, конечно, что думаю по этому поводу, она тоже, конечно. Пойми, мне не жалко, но я же щеки там, подбородок, понимаешь, а она подмышки, понимаешь!

— Ну, с ее стороны это, конечно, свинство. Есть же правила гигиены, в конце концов.

— Я то же самое ей и сказал. Говорю: это негигиенично, шлюха кривоногая, тварь подзаборная, шалава небритая!

— Тихо-тихо, Тагир, успокойся, что ты прямо как маленький ругаешься.

Игорь резко открыл дверь на кухню:

— Ну и чего, и кому ты хочешь этим доказать?

Ирина безразлично отвернулась к окну и нарисовала на стекле ежика:

— Ничего и никому.

Игорь сел за стол напротив Ирины, взял из вазочки кружок лимона, макнул его в сахар и бросил себе в рот:

— Хорошо, давай поиграем и в эту игру.

— Давай поиграем.

— Только не забывай, что по правилам переигровки не бывает.

— Дверь закрой, пожалуйста.

— Ты думаешь, что только ты способна на это?

— Если не трудно, заткни тряпкой щель внизу.

— Чего ты там рассматриваешь за окном?

— Ничего.

Игорь взял с подоконника тряпку и стер с запотевшего стекла Ирениного ежика.

— Сегодня полнолуние.

— Да.

— Все врут — ни черта оно не действует на людей.

— Если ты имеешь в виду половую активность, то тебе тоненького месяца с запасом хватило бы.

— А тебе и Юпитера было бы мало.

— Чего тебе от меня нужно?! Оставь меня! Чего ты здесь сидишь — иди погуляй!

Игорь вытряхнул из пачки последнюю сигарету, немного помял ее и понюхал:

— Жалко, курить нельзя.

Ирина закрыла глаза.

— Может быть, все-таки?..

— Нет...

Миша Смирнов вытряхнул ведро с пищевыми отходами в мусоропровод и, беспечно посвистывая, спустился к настезь открытой двери в свою квартиру, где совершенно неожиданно увидел испуганную Люду. Люда тоже увидела Мишу и покраснела, а Миша, пряча помойное ведро за спину, растерянно сказал:

— Вам кого?

— Ой! Извините, к вам мой Атоска забежал.

— Зачем?

— Я не знаю.

Миша немного подумал и решил, что будет вполне уместно предложить Люде зайти в квартиру и поискать там своего пуделя.

— Так его надо поймать, наверное?

— Наверное...

— Проходите, пожалуйста.

Люда робко зашла и громко крикнула из коридора:

— Атос! Атос!

Атос не откликнулся, и Люда, следуя за Мишей, прошла в его комнату, заглянула под диван и пожалела плечами:

— Не знаю, куда он спрятался.

Миша шмыгнул носом:

— Сейчас чего-нибудь придумаем.

Люда, ожидая, когда Миша чего-нибудь придумает, с большим интересом оглядела комнату:

— Сколько у вас самолетов! Вы их сами собираете?!

— Сам, конечно.

— Наверно, трудно?

Миша хотел как-нибудь сострить, но прибежал Атос, сожравший на кухне все, что можно было найти, и тут же попытался мокрым носом определить, к какому полу принадлежит Миша. Миша смущенно закрылся бомбардировщиком «B52», а Люда схватила Атоса за ухо и повернула к себе:

— Где ты был, бандит?! Как тебе не стыдно?!

Атос крутанул головой в обратную сторону и откусил бомбардировщику «B52» хвост.

Люда в ужасе сказала: «Ой!» Миша снисходительно решил не обижаться и соврал, что модель устарела, была неудачной и что он

сам хотел ее разломать при случае. Люда упавшим голоском сказала, что ей все равно очень неудобно и неловко за себя и за этого лохматого гангстера. Тогда Миша достал с полки книгу по дрессировке собак и предложил Люде ее почитать. Люда не стала говорить Мише, что ее тошнит от таких книг, наоборот, она горячо его поблагодарила и пообещала очень быстро прочесть и вернуть.

Анатолий Григорьевич отказался от коньяка, но не стал отказываться от сухого белого вина. Леночка же, напротив, потребовала налить ей коньяк, и не в маленький хрустальный столбик, а в большую сферическую рюмку. Анатолий Григорьевич не смог сдержать улыбки и попытался замаскировать ее бокалом с апельсиновым соком.

— Да, Анатолий Григорьевич, это очень смешно, когда девушка пьет коньяк.

— Лена!

— Я и не думал смеяться. Если есть желание выпить коньяку, то почему бы его и не выпить.

— То есть вам нравятся пьющие женщины? С ними проще, не правда ли?

— Я не говорил, что мне нравятся пьющие женщины, а относительно простоты, то ее привлекательность, по-моему, достаточно спорная.

— Так вам надо, чтобы было все непонятно, запутанно, чтобы каждый подразумевал что-то совсем отличное от высказанного, чтобы все шло на сплошном подтексте, чтобы...

— Я не знаю, почему вы все стараетесь меня спровоцировать. Если я вам настолько противен, скажите, — я уйду и не буду отравлять вам вечер.

— Анатолий Григорьевич! Лена! Перестаньте, пожалуйста. Я сейчас пирог принесу.

Леночка стала молча складывать салфетки в аккуратные треугольники, а Анатолий Григорьевич задумчиво забарабанил пальцами по своей коленке.

— Извините, Анатолий Григорьевич, я не хотела вас обидеть.

— Я не обиделся, Лена, все в порядке.

Антонина Васильевна сказала, что так гораздо лучше, и ушла на кухню за своей кулинарной гордостью — пирогом с рыбой. Леночка встала из-за стола и подошла к магнитофону.

— Какую музыку вам поставить, Анатолий Григорьевич?

— Поставьте, какая вам нравится.

— Я люблю джаз.

— Я тоже люблю джаз.

— Правда?

— Да, у меня большая фонотека дома.

Антонина Васильевна торжественно внесла пирог и поставила на середину стола:

— Уж не обессудьте — какой уж получился у бестолковой стряпухи.

Анатолий Григорьевич съел три больших куска, съел бы и четвертый, но подумал, что это будет неприлично, и искренне сказал:

— Антонина Васильевна, такого пирога я еще не ел.

— Ну уж, Анатолий Григорьевич! Вы мне льстите.

Антонина Васильевна зарделась и на радостях за пирог взяла вместо своего бокала бокал Анатолия Григорьевича и залпом выпила. Анатолий Григорьевич с Леночкой дружно рассмеялись, и Анатолий Григорьевич посчитал момент очень удобным, чтобы пригласить Леночку на концерт приезжающего на один день саксофониста Киреева. Леночка развернула конфетку «Красная Шапочка» и многообещающе сказала:

— Я подумаю.

Дима Петухов крепко поцеловал плотненькую девушку в губы. Плотненькая девушка просунула язык между зубов Димы и лизнула его в нёбо. Дима был не совсем готов к такому акробатическому упражнению и в тревоге попытался загодя распознать бескомпромиссные позы в рвотного рефлекса.

— Подожди!

— Проблемы?

— Нет, то есть да, в смысле нет.

— Тогда помоги мне.

Дима судорожно задергал застёжку бюстгалтера дрожащими пальцами, но потайные крючочки крепко сидели в потайных петельках и никак не выдергивались. Дима тяжело дышал, стал делать глотательные движения и быстро шептать: «Щас — щас — щас», но плотненькая девушка раздраженно отвела его руки, хмыкнула и стянула бюстгальтер через голову.

— Чехлы есть?

— А?!

— Ага! Иди домой!

— В смысле... Вот...

Лифт мягко раздвинул двери: «Вам на какой этаж?» — «Мне последний». Лифт стремительно понесся вверх, готовый разнести вдребезги чердак.

Вызвали с первого этажа — лифт полетел вниз и чуть не вылетел в подвал.

Лифт поехал опять на последний.

Лифт снова вернулся на первый.

Опять последний.

Снова первый.

Последний.

Первый.

Девятый — второй, восьмой — третий, седьмой — четвертый, шестой — пятый, седьмой — четвертый.

Между седьмым и четвертым лифт заметался надолго, потом плавно пошел на десятый этаж, плавно на первый, потом так же, но несколько быстрее, затем еще быстрее и, наконец, очень быстро.

Лифт ткнулся в потолок десятого, судорожно дернулся и распахнул двери, выпустив нетерпеливую веселую гурьбу мальчиков и девочек, которые ринулись звонить и стучать во все двери и которым никто не захотел их открыть.

— Как тебя зовут?

— Сольвейг.

— Как?!

— Мамаша-дура, когда беременная была, книжек обчиталась — зови Олей.

— Ну почему — очень красивое имя.

— Правда?..

— Правда, Сольвейг.

— Поцелуй меня...

— Я не хочу, чтобы письменный стол стоял у окна.

— Но, Женя, все ставят стол к окну.

— А я не хочу быть как все.

— Тебя никто и не заставляет быть как все, но индивидуальность, я думаю, надо проявлять не в расстановке поперек комнаты столов, а в чем-то более значимом.

— Какая ты умная! И как я этого не замечал раньше!

— Ты, наверно, был слишком занят собой.

— Даже так! А я-то, дурак, думал, что я все время занят тобой, но, оказывается, чертежи, задачки, магазины — это все я делал для себя!

— Перестань! Если тебе все это настолько в тягость, мог бы и не делать!

Лена вдруг сморщила подбородок, опустила вниз уголки своего ротика и жалобно захныкала.

— Да, конечно, сейчас мы будем реветь, потому что муж достался мерзавец и негодяй и совсем не принц!

— Имей хоть капельку совести!

Женя в ярости пододвинул письменный стол к окну и стал вышагивать из угла в угол комнаты, мечя по стенам возмущенный взгляд и сводя и разводя ноздри своего вздернутого носа.

Тетя Соня легонько стукнула кулачком в дверь, просунула свою прилизанную головку и приветливо усмехнулась:

— Чего, милые, не поладили? Хотите котеночка подарю? Ну-ка, иди-ка обнюхай их.

Тетя Соня просунула в щелку малюсенького котеночка на дрожачих ножках и осторожно притворила за собой дверь.

— Какая прелесть!

Лена подбежала к котеночку, подняла на руки и прижала к груди.

— Женька, какая прелесть!

— Не задуши животное.

— Женька, какой он мякенький и тепленький!

— Он, наверное, голодный.

— А мне кажется, что это девочка.

— Да уж девочка. Надо молока ему дать.

— Достань, пожалуйста, из сумки пакет с молоком.

Женя налил блюдечко молока, а Лена поднесла мордочку котенка к белой, возможно, еще незнакомой жидкости. Котенок понюхал блюдце, макнул лапу в молоко, мяукнул и попытался опять закопаться в складках мохеровой кофточки Лены.

— Он сытый.

— Она просто еще не умеет пить из блюдца.

— Давай назовем его как-нибудь.

— Ксения.

— Почему Ксения?

— Красиво же.

— Ну ладно, дай я его тоже поглажу.

— Только осторожно — она такая хрупкая.

— Да ладно.

Света осторожно, чтобы не скрипнула кровать, встала, укрыла всегда мерзнувшие ноги мужа пледом, тихонько вышла из спальни на кухню, плотно прикрыла дверь, включила мощный вентилятор, вделанный в форточку, достала из потайного местечка в шкафу с посудой длинную папироску, сладковато пахнущую марихуаной, включила телевизор с видеоманитофоном и, откинувшись на спинку плетеного кресла и положив ноги на стол, стала смотреть фильм про жизнь мужественных героев в коварном мире заокеанских мегаполисов и медленно втягивать в себя дым, уносящий далеко от Павла Кренделькова, его мамы с получасовыми звонками добрых советов о правильном ведении домашнего хозяйства, сопливого и капризного Мосюсечки, осточертевшей манной каши с борщом,

ежедневного реактивного гула пылесоса, сложно программируемой стиральной машины, изматывающих магазинов и всего прочего, сопутствующего счастливой семейной жизни.

— Погоди, — сказал Стас и отстранил Валентину.

— Ну ты чего?

— Не видишь что ли: Тагирка не спит?

— Как же не спит, Стас, когда он храпит?

— Дура ты, Валька, я же вижу, что он притворяется.

— Стас, ты опять напился до галлюцинаций!

— Валентина, ты сильно преувеличиваешь.

Стас ткнулся оттопыренными губами в шею Валентины, крепко сжал ее левую грудь, но опять ему показалось, что Тагир Микхатович, пускающий слюни на подушку соседнего дивана, моргает.

— Погоди.

— Ну что, Стас?

— Давай поговорим.

— О чем?

— У вас что, совсем нелады с Тагиркой?

— Да как обычно все. Вчера, представляешь, ворвался в ванную комнату и стал орать, что я его дрянной бритвой брею подмышки, ну я послала его, конечно, козла этого. Нет, ты только представь — пожалел одноразовую бритву, дешевку эту, которую я же, между прочим, и покупаю, — козел!

— Да, с его стороны это, конечно, свинство.

— Ну его, обними меня.

Стас опять обнял Валентину, лизнул безвкусное округлое плечо и взбил вверх ее плиссированную юбку. Ноги Валентины были белые, полные и гладкие, Стас хотел спросить, бреет ли она их тоже Тагиркиной бритвой, но решил, что это будет некорректно. Валентина тяжело прерывисто задыхалась, Стас стал возиться с пряжкой собственного ремня и когда наконец расстегнул его, ему показалось, что Тагир Микхатович снова ему подмигивает.

— Стас...

— Погоди!

Холодильник мелко затрясся и загудел, погудев несколько минут, он опять затрясся и отключился.

Тяжелая капля медленно вбирала в себя воду, потом сползала на краешек крана, плавно срывалась и летела вниз.

Большой рыжий таракан стремительно пробежал по стене, около полотенца, висящего на гвоздике, остановился, поводит усами и побежал дальше к маленькому вентиляционному отверстию под потолком.

Левая рука Игоря свисала со стола, голова лежала около тарелки с черствым хлебом, несколько крошек впилось ему в щеку.

Ирина упала с табурета и, некрасиво раскинув ноги, лежала на полу.

Четыре конфорки безостановочно гнали в комнату легкий бесцветный газ.

Я плотно скрутил телогрейку, обвязал ее шпагатом и закинул за левое плечо, немного пораздумывал над пахнущими сосной ящиками, но не решился взять их с собой.

На шестом этаже мне встретился запыхавшийся незлой жилец квартиры номер девяносто пять.

— Пешком поднимаюсь — пора уже и о будущем подумывать.

— Угу.

— А ты что же, Петрович, переезжаешь, что ли?

— Угу.

— И куда ты теперь, Петрович?

— В коллектор.

— Ну давай, Петрович.

— Угу.

На втором этаже я протолкнул в почтовый ящик квартиры тридцать семь аккуратно сложенную газету «Известия», а на первом хлопнул входной дверью. Маленькая красная лампочка домофона загорелась, потом погасла.

ВАЛЕРИЙ НУГАТОВ

Три короба

Опережая Ваши мысли,
Предупреждая Ваши просьбы,
Страхуя спросом предложенье,
Союзы множа на предлог,
Неважно, сообщая взялись ли,
Лишь только личный список рос бы,
Деленье херя умноженьем,
А узость тем — длину строк.

Читабельность чужих реляций
Пропорциональна оскорбленью,
Числу пробелов, переносов,
Заносов, взносов — наконец,
Поллюций — дробью — менструаций,
Оккациональных ударений
И некорректности вопросов,
Напр., «как Ваш стул?», «кто Ваш отец?».

Вот место: около, вокруг ли
Пунктировать, под дефисом нычась,
Рядиться в кружева кавычек
Иль в скобок плотное жабо, —
Где были буквы, станут угли,
Попутно сняв вопрос количеств,
Не соблюдая ряд приличий
Под грамматический разбор.

Мечтать не возбраним избранным
И приглашенных тож приветим,

Разделавшись с дурной привычкой
Гостеприимничать зазря,
За не за выполнение плана
Хозяин наш один в ответе,
Который нам не кажет личка
И даже помер, говорят.

Скучать покуда не пристало,
Скорбеть — теплей, но старомодно,
В остатке — гоготать, гундосить,
Грузить, тележить, просто — гнать,
Потом, мотая на начало,
Садиться вновь на уши плотно,
Пока на зарыдает «досыть!»
Покорных слушателей рать.

Так и живем, жуем, потеем,
В частотных словарях пасемся,
Руками разводя на каждый
Вопрос, совет и комплимент,
И «факи» тычем грамотеям,
И скромно шуримся на солнце,
Не задирая честных граждан
И избегая слова «мент».

Но это — про себя, а в голос
И не такого наворотим;
Да что между своими, право,
Кисель на гуще разводить
(Или гадать?! Устроит голость
И немота десятки сотен,
И в общем, рассудивши здраво,
Отвертимся пока, как пить.

Отгадка — сверху, как обычно;
Но вот — от лени размудрились,
Полезли справиться в полн. соче
Невесть какого мудреца,
Ну и разнежились вторично,
Поскольку дюже уморились,
Тасуя выписки, короче —
Скулив весь фимиам поцам.

Пока чернила не просохли,
Есть время взять слова обратно

(Успеть бы заменить на «нежность»
Хоть половину матерков):
«Да будет мой завистник проклят
И обезьяйцен многократно
И четвертован чрез промежность
На ложе из моих стихов!»

Прошу любви, как будто в самом
Деле любовь спасти сумела б,
Дав небольшую передышку
Пред быстрым перескоком в смерть;
Мой плач сверчка среди бедлама
Далек от пеней и от жалоб —
Прервется, неровен час, слишком
Насыщен почвой, чтобы петь.

Уже маячит перекресток,
Куда свернуть — давно известно,
Но за собой поджилки все-тки
Оставят право — хоть на дрожь:
Награды сладостный наперсток
И славы полушубок тесный —
Да скрасит этот век короткий
Их неподкупнейшая ложь.

Лети, струя чернильной драмы,
Пльви, кораблик-рокамболик,
Слепя изяществом аллюра,
Маневренностью и игрой,
Не зачерпнув воды ни грамма,
Не расплескав чернил — тем боле —
Сквозь скал, склонившихся понуро,
Вдали смыкающийся строй.

Я знал, что небо где-то близко
И — рядом потайная дверца,
Я тратился немилосердно
На роскошь боязных свечей
И ласково потемки тискал
и, негой растравляя сердце,
Угадывал почти наверно,
В меня уставлен облик чей.

Не покидай меня, тревога,
Мычи, нервируй, изгаляйся,

Привей бессоницы бациллу,
Замочек порченный разбей —
Я все смекну с пол-экивока
И разозлюсь, как ни старайся
Меня сдержать заслон отсылки
И снегопад сплошных нулей.

Я тет-а-тет с моим бессильем
В попытке досказать не тему,
А что-то типа клятвы: лучший
Отмщенья способ — присягнуть.
Княжну Вранья и всех Ассирий
Фальшивой крою диадемой
И жду, когда ее распучит,
Чтоб полной грудью вонь вдохнуть.

Иссяк источник и программа
Исчерпана, назавтра — праздник;
Засвечиваться не намерен
В постылых рубриках торжеств,
Иду на свет, стою, где яма,
Поэт, беглец и неучастник,
Завсегдатай пустых таверен,
Скрутивший непристойный жест.

Вакханки, плачьте! бог затравлен,
Архангелы в навозных комьях,
Планеты посбивались с ритма,
И души глухо голосают;
И кровь расплещется на лавре,
И сердце ни одно не вспомнит
Ни чудодейственной молитвы,
Ни тщетных иеремиад.

Изгнанник праздный и негордый
Обходит незнакомый город
И, ничему не удивляясь,
Ухмылку прячет за лорнет;
Что жизнь — лишь разновидность спорта,
Раскусываешь слишком скоро
И безвозвратно, допуская,
Что точки в этом месте нет.

Мон-Сен-Мишель

1

Мой дед (в анналах Меровингов
не много ль анонимов?), будем
честны, монастырей не строил
и замков не срывал, а прадед
тем интересен (на крайняк), что
мою прабабку обрюхатил.
Я им обязан, но в долгу ли?
И если будущую бабку
грядущим сыном (чьим-то внуком)
я обрюхачу, сын мой (внук ли)!
не обессудь, ты не одолжен
ни мною будешь, ни мамашей,
ни дедом (не твоим — моим,
который-де дворцов не строил...).

Кого же нам винить?
У моря
и берега — два состоянья:
то берег обручится с морем,
то море разлучится с бреггом,
а мы на мысе, на уступе,
на пяточке, волнам и ветру
навстречу (вопреки) молясь,
мечтаем о веселом предке
с глазами доброго еленя,
с елдою доброго быка.
Нам остаются кровь и камни
(и книги, но они из крови)
и боги (но они из камня)
и небо (но оно вдвойне...).
Валькирий кружевные платья
и рукава над нами реют,
и высыхают капли моря
на свежеумерших стихах.

2

В ложноготической судьбе
таких, как мы с тобой, поэтов —
любви с оттенком *flamboyant*

не место. Но вообще любви
отведены часы меж ленчем
и файвоклоком (по средам
не принимаем, в остальные
дни — по желанию; чьему —
на месте уточним, места
согласно розданным билетам...)
Поэт, такой, как я, и лучше
(но не намного), скуки ради
влюбляется в себя, ландшафт
предпочитая брудершафту.
И вот стоит он, думы полн,
в заплесканных песком штиблетах,
прилива прель вдыхая бодро...
О чем ты думаешь, поэт?
О косенькой пансионерке
в унылых буклях? О краях,
куда забросила судьбина?
Вот, кстати, монастырь...
Лады,
про монастырь чуть-чуть попозже...
Тогда о чем? Какие планы
роятся в голове горячей
(то есть горячечной)? Оставь,
бодун — паренью не помеха!
И стул поправится, гляди,
какие выкрутасы чертит
на хмуром небе эта чайка!
Воскликни, изреки хоть что-то
над зыбью баламутных вод!
Глагол поэта, лирный ор,
перекрывая грохот бури
клозетной, к облакам взовьется,
и, в икарической печали
ладошку лодочкою сгрудив,
поэт большим черкнет кремень, но
из искры не прольется пламя,
ну а прольется — вмиг потухнет.

3

Пусть даже не о чем, пиши,
как я сейчас, в тиши, в глуши,
и тему выбери попроще:

любовь и смерть; вердикт и росчерк.
Слова придут, слова уйдут,
а мы с тобой пребудем тут,
в квадрате голубой страницы.
Пора уж мягче становиться
и пить свой вторяковый чай,
глуша конфетами печаль.
А странствия — к чему, куда?
Где суши нету, там вода,
где моря мало — много суши,
не хуже там, но и не лучше:
под вечер хочется пожрать
и посмотреть в окно на блядь...
Не дрейфь, поэт! пиши стихи
из сора, вздора, чепухи
и пролонгируй в пустоту
свою несвежую мечту.
Мечта облезлая, порхай
среди грозных комариных стай!
На мутном дне пустого дня
мой Бог не разглядит меня.

ЕВГЕНИЯ ВОРОБЬЕВА

В поисках имени

Над мертвою точкой руками беду разведу-ка...
Но солнце — как почка.
И сухо на дне акведука.
Из почки древесной
Рождается сын человеческий...
Они бестелесны, но сыр пожирают овечий —
Бессмертные боги.
И глиняный грач им оракул.
А вышло в итоге —
Графолог и врач их каракуль.
Замкнулось. Не дышит.
Барахталось. Злилось. Рыдало.
Но все-таки пишет —
Тетрадка поверх одеяла.
Ни слова. Ни строчки.
Бессмыслица снежная слепит.
Лишь мертвые точки
Рука механически лепит.
Одну за другой... На листе,
На полу, на обоях.
А глиняный грач — тут как тут. Он питается ими.
Вот боги в окне.
Только вспомнить бы, вспомнить бы имя.
Тогда можно было б прогнать навсегда их обоих.
А что же потом? Что потом?
Сновидения — к черту!
Всех выпущу птиц. Раздарю опустевшие клетки.
Раскроются почки. Из древней, из пыльной реторты
Появятся с криком не боги, а смертные детки.

Вторжение

Купальщик вылезает из пруда
Весь глянцевый, как мокрый кашалот.
Его жена уставилась туда,
Куда другим — стыдливость не дает.
Субботний вечер. Карты. Бадминтон.
Ногой босой наступишь на стекло.
Московская Венера восемь тонн
Кладет на одеяло тяжело.
Она глядит на небо. И давно
Утратила способность понимать.
Ей хочется, чтоб было, как в кино,
Но у нее — скрипучая кровать.
Уткнувши нос в линялую фланель,
Спит облако, раскинув телеса.
И, одурев от запаха «Шанель»,
Садится на красавицу оса.
А та визжит. И губит пастораль.
И визг ея летит куда-то вдаль,
И с губ ея стирается помада.
Выходит бабка в драповом пальто
И разверзает надо всеми то,
Что, вообще-то, разверзать не надо.

Из цикла «Пасторали»

Эти мухи роятся
Над гниющей шагреневою кожей.
Ни к чему нам бояться —
Ведь она уменьшаться не может.
С каждым днем все сильней
Тополь хохлится, пух распуская.
Мокрых, скользких корней
Пресмыкается сонная стая.
В этот странный сезон
Только небо не тронута ленью.
Мой распахнутый зонт —
Эпитафия мировоззренью.
Нет желанья желать
И возиться с шагреневою кожей.
Золотого Осла по российскому гнать бездорожью —
Вот оно, волшебство...

АЙДАР ХУСАИНОВ

Аждаха

Из романа

Часть первая

Степь — дола — шелохнулась, стряхивая последние остатки дня, и рог луны засеребрился в темной пещере ночи. Душный запах трав налетел на малую речушку, всхлипнула вода, и рыбы потянулись к поверхности, к теплу, в легкий сон. Травинки попадали с невысокого бережка, медленно поплыли как бы за угол, поворачиваясь справа налево, пока не застряли на отмели.

Недалеко горел костер, освещая дрожащие на камнях струи, противоположный берег был уже безнадежно скрыт в легком сумраке, казалось, что движется нечто, но воздух ли это, или живое, или игра света — невозможно было бы понять, когда бы кто-то задумался над этим. Но думать было кому — в двух шагах от костерка сидел в полной неподвижности старый человек. Чуб седых волос закинут у него назад, лицо тихо шевелится, он думает. Перед ним разложены мелкие кости животных, скорее всего барана, и видно, что выпали они не совсем благоприятно. Пламя костра, как будто оно дошло до самого лакомого кусочка, затрещало и легко расширило светлое поле. Показался противоположный берег, что-то смутно блеснуло в кустах жирным светом черного серебра и погасло, поглотив этот блеск.

За спиной старика обнаружилась кибитка. Дверной ковер закинут наверх, вышла женщина, легко подошла к старику.

— Мальчик, — сказала она.

— Как? — вздрогнул старик. — Уже?

— Да, — отвечала женщина. Было видно, что она волновалась, очень устала, но теперь ее отпустило. — Хорошо родила, быстро.

Старик с кряхтеньем поднялся, посмотрел еще раз на кости, лицо его сморщилось.

— Пойдем, поглядим, — сказал он и медленно пошел в кибитку.

Ночь засвистела, что-то тенькнуло, крикнула другая птица, костер умерил свой пыл и теперь только потрескивал. От нехватки освещения и кости как бы образовали другой узор, но человека возле них уже не было. Но тьма набирала силу, казалось, что сам воздух густел на глазах, противоположного берега речушки уже не было видно, не слышно было и журчания ее струй, только в кибитке слышался крик младенца.

Раздались голоса старика и женщины, роженица слабо им отвечала. Она лежала, едва различимая во тьме, после трудной своей работы. Все заботы были позади, оставались мелкие дела.

Вдруг повитуха слабо вскрикнула. В неверном свете очага показалась головка ребенка, на затылке, спускаясь на спину, росла длинная прядь волос.

— Ой-бой! — сказал старик, принимая младенца.

— Отродье Косматого! беда-то какая! — запричитала повитуха.

— Смотри, Муйнак-карт, какие густые волосы!

— Да, — вздохнул старик, он уже рассматривал младенца и теперь прижимал к груди как бесполезную вещь. — Да! Косматому нужна новая голова.

— А сколько их у него? — любопытство повитухи пересилило и страх, и усталость. Казалось, что все отступило прочь, никакого беспокойства не было, как не было уже ни измученной матери, ни младенца, притихшего на широкой груди старика, ничего. Никакой опасности. Сейчас вот пойдем и пустим ребенка по волнам, по слабым струям речной воды. Пусть встретит его Косматый и сделает с ним то, что ему и заповедано делать отроду.

— Трижды девять без одной, — сказал старик, и столько смысла оказалось в его словах, что повитухе стало тесно в плечах, она присела к очагу, переживая эти минуты рядом с огнем.

— Муйнак-карт, — сказал сам себе старик и опустил на большой сундук, скрытый покрывалом. Оно сбилось под принятой тяжестью и открыло угол сундука, старое потрескавшееся дерево, красное в неярком свете очага, крупные щели пересекали его, скрываясь в темноте. Так он сидел, и глаза его ничего не выражали, и повитуха, которая прибиралась в полутьме у постели роженицы, вздрагивала всякий раз, когда взгляд ее падал на старика. Тихая, очень тихая мгла слегка касалась его плеч, и там, где тело было обнажено, — на руках, на широкой груди, видневшейся в прорези рубахи, разгоралось белое свечение, как бывает вечером, когда последние лучи солнца втянутся за горизонт и в сине-черном небе вздрогнет искорка, другая, пока вся Лебединая Дорога не замерцает светом небес.

— Ой-бой! Что это? — сказала наконец повитуха. — Что у тебя с руками?

Старик наконец очнулся, опустил голову и посмотрел на женщину.

— Что?

— Смотри, ребенок-то светится!

— Айе, айе! — живо ответил старик, он приподнял младенца и стал его рассматривать с самым живым любопытством. — Какой батыр! Видишь, на плече царские отметины.

Голубоватое сияние, исходившее от ребенка, словно притянуло дым очага, он отклонился от прямого пути вверх и полукольцом прикоснулся к малому личику.

Ребенок закашлялся и закричал. Его голос пробудил старика, он засуетился, отошел от очага.

— Смотри, какой он гладкий, сильный телом! — продолжал он. — Дадим ему имя Муйтан, он ничем не хуже нашего прародителя. Ничем, ничем, тот тоже родился в сиянии. Нет, Косматый, ты не получишь нашего Муйтана, нет.

Возбуждение старика росло. Он схватил широкое полотно, которое повитуха уже протягивала ему, и стал заворачивать в него ребенка.

— Беги, разбуди всех, — говорил он повитухе. — Пускай никто не спит, пусть все шумят как можно больше. Каракулумбет и Канбулат пускай зарежут барана, того, что прихрамывает на левую заднюю ногу. Сегодня будет байрам.

Повитуха, обрадованная исходом трудного дела, выскочила за порог, и старик услышал ее голос: «Люди, усергены, суюнсе! Услышьте радостную новость! Муйтан родился!» Послышалось недовольное бормотание, сонные голоса спрашивали, что случилось, не напал ли кто, не набег ли это — барымта — и почему их тревожат в столь ранний час боевым кличем племени.

Посередине этого шума, доносящегося со всех сторон, что-то изменилось в кибитке. Очаг затрещал веселей, освещая кучу одеял, на которых спала роженица, старика, который не выпускал из рук спеленутого младенца, тот растерянно моргал и скашивал глаза, пытаясь на чем-нибудь сосредоточить взгляд.

Наконец он остановился там, где темное, густое, как шерсть, как присутствие силы, медленно таяло, втягиваясь вовнутрь. Младенец что-то увидел, он шире раскрыл глаза и с любопытством наблюдал за исчезновением. На миг появилась тонкая серебристая нить в воздухе кибитки как нечто запредельное, что чувствует человек, и, видимо, поэтому старик обернулся. Все исчезло, и струйка дыма переменяла цвет — где-то высоко первый луч солнца уже перешел дорогу ночи.

* * *

Они шли дорогой травы, желтеющей на глазах. За спинами она уже сморщилась и опала, обнажив неровную землю, в которой с

таким трудом сохранились луковичы растений и полувисохшие корни их. Когда они перебирались с пологого берега встречной речушки на крутой через слабое русло, еле удерживающее воду, то было видно, как стояли в толще земли корни растений, как своими мертвыми телами они держали в железных объятьях каждую крупинку земли, не давая ей улизнуть от святого дела.

Дело-то было не простым — по весне, только растают могучие сугробы и вода пойдет разъяренной толпой по контурам рек, когда все, что лежит на земле, в мертвых объятьях корней, оживет и выбросит свой побег навстречу солнцу и когда трава встанет на дыбы и покроет землю, как густая шерсть, спасающая от жары и от холода, только тогда появятся степные блохи — лошади и степные вши — люди. Вот они идут, почти не разбирая дороги, — десятка два человек гонят лошадей, коров, овец. Сколько помнит себя земля, всегда они так, и всегда забота у людей одна — переждать зиму, продержаться и весной выйти в степь, показать — вот они мы, живы-здоровы, а что коров пасем да на лошадях ездим — так то к зиме готовимся. Но жестокое в самой середине земли солнце выжигает траву, а вода, которая могла бы умерить пыл огня, уже далеко, омывает другие берега и не может помочь, разве что редко-редко прольется дождем, но когда это еще будет? И поэтому люди идут за травой, туда, где она полна силы и стоит выше, чем они, в горы, где берут начало ручейки и реки, где растут деревья, где живет хозяин этих мест.

Когда земля отходит на покой, в вечеряющем воздухе можно видеть тонкие переливающиеся нити, редко-редко расставленные над землей. Это корни воздушных растений, они держат воздух, чтобы было чем дышать людям, их лошадям и коровам, траве, потому что и трава могла бы вырасти до неба и поглотить его, если бы ее не держали в узде.

— Скоро мы приедем на яйлау — горное пастбище, — думал старик Муйнак, сидя на своей лошади. Она медленно перебирала ногами, старик сидел прямо, привык уже давно, с трех лет, когда его отец Котор-батыр впервые посадил его верхом и прошел круг, держа коня под уздцы. Муйнак-карт ехал в окружении своего рода: его сыновья Каракулумбет и Канбулат, невестки Уркуя и Айсылу, Старуха Тулуа, Умбет-батыр, Сура-батыр, Кук Кашка-батыр, их жены и дети. Чувствуя приближение того, что он называл аушылык, что так же называли и отец его, и отец отца, и дед его деда, он повторял, чтобы не забыть, когда очнется, чтобы сразу вспомнить себя: «Я — Муйнак, мое племя — усерген, наше дерево — рябина, наша тамга — перекрещенные стрелы, наш клич — Муйтан!»

В человеке есть лишняя сила. Она заставляет его скрежетать зубами во сне, видеть чудовищ и прозревать будущее. Человек

раздирает покров травы и с удивлением видит нечто, что через минуту он называет землей, почвой, чем хотите, и начинает рыться в этом. Вырыв почтенную яму, он находит камень, он уже назвал его так, и вперяет в него свой взор. Камень молчит. Человек думает. Он не дурак, он понимает, что смотрит на камень, и понимает, как это нелепо. Но камень он все-таки разбивает, и тот, кто с трех раз угадает, что сделает человек с осколками камня, достоин тихой жизни на одной из отдаленных планет. Аминь.

Когда приходит забвение — аушылык, человек не может с этим ничего поделаться. Он не помнит себя, но и мир вокруг него изменяется, как будто все совершается при убавленном свете. Ветер сбивает скорость передвижения, трава выпрямляет костяки, кузнечики в траве ленивее прыгают в горячий воздух и, даже попав на губу жующей коровы, успевают отпрыгнуть в неизвестность. Никто не помнит себя.

По еле различимой тропе, скорее просто по направлению на восход солнца, едет маленький род. Жара полудня миновала, лошади чуть резвей перебирают ногами, делать нечего, и вот ты едешь и едешь, дорога то шелестит, то пылит, день бесконечен, и все, что отражается в глазах, — только тень, тень мысли, тень того, что могло быть, но не стало, потому что сила улетучилась, вернее, была схвачена, ее утащили за горизонт. Широкая полоса ветра настигла их и взъерошила, как птиц, не успевших спрятаться под защиту кустарника или леса, уже видневшегося невдалеке. Послушно они продолжали двигаться. Лошади храпели, люди укрывались рукавом от ветра, выюки болтались, грозя упасть на землю, но что было делать? Такова жизнь.

Медленно в темном воздухе проступали струи небесной воды. Сперва их было очень мало, как падающих звезд, — чиркнет одна, другая, заметные лишь боковым зрением, и казалось, они летели к земле с какой-то неясной целью и исчезали, разочаровавшись в ней. Наконец дождь полетел чаще. Крупные капли пометили крупы лошадей, мгновенно поменяли цвет одежды у всадников — она как бы выцвела, набухла, и в ней не осталось яркого цвета дня. Канбулат, сын старика Муйнака, стащил с головы меховую шапку, и дождь весело застучал по его почти облысевшей голове.

— Пляш-баш! — завопил он в приступе беспричинного восторга и, пришпорив лошадь, помчался к недалекой уже кромке леса. Дождь застучал сильнее, воздух прорезали белые капли, ярко видневшиеся на фоне мокрых деревьев.

Наконец они въехали в лес, и дождь, как бы дожидавшийся этого, утих. Капли дождя повисли на листьях деревьев, и все стало зыбко от солнечных лучей, заигравших в них. Жмурясь, прикрывая глаза, всадники медленно ехали по дороге, переговариваясь, выжимая одежду, уже думая о привале.

Показалась полянка, света стало больше, и показалось, что им навстречу выплеснулась сама душа леса, что-то необъятно радостное, лишнее, а сам лес сморщился, стал меньше, как все, что лишается души. На полянке горел костерок и было сухо, дождь прошел стороной.

На большом камне спиной к подъехавшему Канбулату сидел человек. Его большая голова со всклокоченными рыжими полуседыми волосами торчала над хилым торсом, закутанным в шкуру настолько вылинявшую, что было непонятно, что за зверь поплатился своею жизнью и куда улетела его радость, составлявшая его душу. Старик (это был старик) сидел спиной к костру, но живо повернулся и посмотрел на Канбулата. Тот вздрогнул от прикосновения больших голубых глаз, было такое чувство, что он вышел из-за дерева и столкнулся с человеком, которого надо бы избегать. Канбулат зачем-то потрогал широкий браслет с красными глазками на правой руке, повернул его и наконец сел и стал снимать промокший насквозь халат.

— Кто будешь, бабай? — спросил он, разуваясь и отбрасывая в сторону сабата.

— Авлия, — важно отвечал старик, внезапно оказавшийся меньше ростом и приобретший юркую игривость в движениях. Что-то с ним было не то, или, вернее, он слишком быстро менялся, казалось, что тело его послушно мановению даже ветерка или того, что им двигало.

— Какие новости принес узун-кулак? — спросил Канбулат, между делом проверивший, как его люди спешили и уже разжигали костры, бросая в них то, что лишено уже радости жить.

— Сын мой, — пожевав беззубым ртом и будто став много старше, сказал вдруг авлия. В его глазах промелькнули сухие слабые искорки как бы умирания, и он продолжил надтреснутым голосом:

— Давным-давно, когда не было земли и неба, был туман.

Кони были уже расседланы и жевали горячими губами траву, дети затеяли веселую возню под присмотром стариков, блаженно греющихся под солнцем, хотя было неясно, какое сейчас время суток. Дым от костров поднимался все выше и таял, что не означало, что он исчезал. Он просто становился невидим.

Канбулат посмотрел на старика. Теперь старик казался уже древним, как сама смерть или замшелые валуны возле самых подножий гор, скатившиеся оттуда в незапамятные для человека времена. Камень, тот живет иначе, быть может, для него это было вчера или даже мгновение назад.

— Был туман, а больше ничего не было, — повторил авлия.

Потом он помолчал, то ли обдумывая что-то, то ли желая придать значительность своим словам. Канбулат, который уже обсох

и догрызал мосол, пустая миска из-под варева лежала тут же, переглянувшись с невысоким, ладно скроенным родичем.

Мужчины занимались своими делами, и только двое слушали старика.

— В том тумане появлялись и исчезали тени, слабые тени никогда не живших существ, никогда не бывших созданий. Они появлялись на краткий миг и тут же расплывались, в них не было радости жить. Они проходили туман насквозь, они сами были, да и есть, этот туман. А вот утица серая да селезень однажды встретились в этом тумане и увидели друг друга. И такова была сила взгляда, что они застыли в тумане и сам туман стал застывать вместе с ними. Когда туман немного отвердел, он превратился в воду. Утица и селезень поплыли по этой воде, уже было видно их оперение, и лапки весело двигались, и крыльями можно было взмахнуть.

Когда пришло время вить гнездо, утица и селезень нырнули в воду и принесли в клювах немного земли. Под водой земля быстрее избавлялась от своей тени. Вот так появились на свет вода и земля, а за ними и небо, и все твари земные и небесные.

Костерок уже давно прогорел, появились и исчезли звезды, солнце опалило сидящих возле валуна, что-то происходило, что-то произошло, что-то должно было случиться.

— Кто-то должен держать пуповину земли, чтобы она не превратилась в туман, — сказал старик. Он, впрочем, уже казался бодрым старичком. Пальцы его рук шевелились, будто жили своей жизнью, но под рваным халатом не чувствовалось никакого движения.

— Мы живем на этой земле и делаем ее своей, — сказал Канбулат.

— Пошел по степи слух, что один батыр владеет сокровищем, — старик уже явно помолодел, и в глазах его блестело все сильнее и сильнее нечто ужасное.

— Кому и камча сокровище, — сказал Канбулат, не сводя взгляда с широкого халата старика. Лучше бы назвать его рубищем — такие тряпки хозяйка выбрасывает прочь, держа двумя пальцами, а бывало, оглаживала бережно.

— Тот, у кого сокровище, никогда не спит спокойно и жизнь его полна неожиданных встреч. Мимо никто не пройдет.

Канбулат засучил рукав и обнажил браслет. Широкий, из трех полос древнего серебра, с красным глазом посередине, блеснувшим в лучах заката.

— Возьми, — он кинул браслет старику. Авлия удивленно принял его. Костлявая рука неуловимо обнаружила свою нечеловеческую сочлененность, он опустил глаза на браслет, и тут Канбулат вскинул руку. Стрела негромко свистнула, и железный наконечник пробил рубище. Авлия продолжал спокойно смотреть на браслет, замгавший тревожным светом в его руках, еще одно мгновенье, —

и из горла авлии хлынула бурая каша, и он завалился набок. Браслет уже раскалился добела и легко прошел через рубище. Только туман выполз из-под него и, показавшись на секунду, исчез, стал невидимым.

— Собирайтесь, мы едем дальше, — негромко приказал Канбулат.

Под камнем, когда они уезжали с полянки, был только слабый трепет и блеск, и более ничего. Потом, когда они отъехали на двести или триста полетов стрелы, они долго сидели и говорили о том, что случилось.

— Зачем ты отдал талисман света? — кипятился Каракулумбет. — Наконечника стрелы было достаточно, чтобы убить порожденье тумана. Что теперь, разбрасываться такими вещами? Сколько он нам помог, сколько из беды выручал, и на тебе — снял и бросил, как дырявый колчан какой или как козленок пару шариков навоза.

— Теперь это не больше чем дырявый колчан. Мы не можем сохранить и Муйтана, и талисман. Авлия был прав — это слишком много для нас.

Канбулат пил уже третью чашку с круто заваренной матрешкой, и все еще думал о том, что случилось.

— Муйнак-карт, а правда, что все произошло из тумана? — спросил голос, скрытый в полутьме, куда не добирались языки полупотухшего костра.

— Да, так оно и есть. Когда-то был только туман, и больше ничего. Хвала нашим предкам — Йанбике и Йанбирде, утице серой и гордому селезню с красным оперением. По крохам собрали они землю и отстояли небо. Когда туман увидел, что его владения уменьшились до предела, он появился перед ними во всей своей мощи. Но Йанбике уже успела снести золотое яйцо — солнце. Яркими лучами пронзило солнце туман, и он вынужден был затаиться там, где все подвластно ему.

Но он не успокоился, он шлет и шлет на землю своих рабов, хочет развязать путы, которыми крепится солнце к небу — его гнезду. Тогда его можно будет разбить, и туман поглотит все, и все вернется, время, когда нет времени, место, где нет места, и мы там, где нас нет.

Тот, кого мы встретили, был авлия — посланец тумана. Он хотел забрать с собой Муйтана. Но Канбулат отдал ему талисман света, и авлия вернулся к своему хозяину.

— Да, — сказал Каракулумбет. — Попали мы в переделку. Значит, нам надо мальчишку беречь. Он-то зачем этому авлии был нужен?

— Слышал я от старых людей, что Косматый стережет те золотые путы, которыми солнце привязано к небу. Каждую тысячу лет он улетает за гору Каф, чтобы набраться сил на новое тысячелетие. Го-

ворят, что там до сих пор лежат те яйца, что снесла Йанбике — серая утица. Каждый тридцать лет Косматый забирает по младенцу от всего рода человеческого. Своей головы ему мало, да и сил вместе побольше. А туману выгодно, чтобы аждаха ослабел. Тогда его можно будет взять голыми руками, как новорожденного волчонка.

Ночь прошла спокойно. Погода наладилась, и снова солнце светило как ни в чем не бывало, подсушивая траву, за которой в горы шел маленький род старика.

Часть вторая

Новое время требует от Биглова слов, которые не всегда находятся

Не то чтобы наступала пора опомниться и посмотреть, что же такое творится вокруг, посередине обширного пустого поля. Приходилось долго вдумываться в простые значения слов, которые, выстроившись, вдруг образовывали странную конфигурацию.

— Помнишь, в шестнадцатом веке... — сказал как-то Биглов своему брату и осекся под его настороженно-удивленным взглядом. Так оно и было, вот и пустое поле вдруг возникало в виде не то чтобы вот поля, которое можно перейти или взамен этого прожить жизнь сидя у окна, как это и проделал один стихотворец из соседнего с Еенским района Татарстана, или, как они любили теперь говорить «Штата Татарстан в составе Североамериканских Штатов», жизнь они положили на это, и вот ведь как-то перешли поле, и жизнь в их понимании соединилась с новым названием, и чем это хуже шестнадцатого века, оставалось тайной.

Тайной оставалось и нынешнее положение Биглова, который нигде как бы не работал, но и где-то как бы работал. Это словечко «как бы», соединенное со смыслом новой жизни, диктовало ему стоять на месте. Не дышать, не передвигаться, заходить иногда в кабинет главы администрации района и намекать на свои знакомства и связи в Уфе, которая слабела год от года и уже дошла до такого неприличия в своей политике, что слепо копировала все ходы ближнего племянника, упоминать о которых не то чтобы было грешно, а как-то не принято в среде еенских интеллигентов, служивших большей частью в газете, подвизавшихся в школе и некоторых кочегарках. Этих последних, впрочем, за интеллигенцию не считали даже они сами.

Так все и продвигалось — медленно, со скрипом, или утекало, как вода, или проходило мимо, как жизнь, или просто стояло перед тобой, как поле, в котором можно вернуться назад, пройти вперед, пойти вбок, да все равно еще все успеть, еще ведь не случилось

ничего кардинального, еще не все места были расхвачаны под лунной, которая так же продолжала светить, но все чаще в виде полумесяца на зеленом фоне. Так что все было обратимо. Ни о чем не надо было беспокоиться, ничего не надо было строить, потому что идеи Биглова, их было несколько, могли и подождать, пока они созреют, малость обмаслятся, как любил говорить покойный поэт Озеров, со слов поэта Хусаинова, с которым Биглов как-то выпивал после премьеры спектакля по его роману в национальном молодежном театре в Уфе.

И вот в этом самом обратимом поле, где все можно было подвинуть, переставить, поощущать, даже зайти в кабинет главы администрации с какими-то чудовищными идеями о восстановлении государственности, об организации честных выборов и новой идеологии, стояли какие-то химеры, зыбкие очертания предметов, почти лишенных чувства собственного места. Казалось, что это порождения какого-то чудовищного разума, а разум всегда ограничен, он не додумывает всего, и вот торчат лохмотья, дыры какие-то, в которые спокойно проходят личинки людей, полузародыши, выбираясь наружу на какой-то, в их понимании, свет.

Несколько лет Биглов наблюдал за одним странным местом, которое называлось библиотекой свободных людей. Дело было в Москве, в те странные годы расползания всего на мелкие кусочки. Видите ли, когда плывет вода, это не так страшно, когда ее немного, или даже много, — прошло и кончилось. Но когда плывет бетон, и не простой железобетон, а бетон, сваренный настоящими мастерами своего дела, каменщиками, со всеми приличествующими ритуалами, — это что-то страшное. Это только слова, конечно, ну что уж такого страшного, когда мимо плывет глыба и расползается на мелкие кусочки, ну, можно в это время заниматься торговлей книгами, это было доходное дело, доходное, я вам говорю. Многого нельзя понять, если убрать это слово — доход. Что оно означает, как бедный башкир из Еенского района, Биглов представлял себе, конечно. Ему все время приходилось выворачиваться, чтобы край хотя бы пути, хода, проходил рядом, чтобы можно было задержать в себе частицу небольшую, чтобы просто не умереть с голоду, да и ощущения жизни хотелось, а наибольшее ощущение жизни давал только доход. Слабая, слабая кровь в бетоне давала трещины, не выдерживала вовлеченности в стихию. Что толку лежать на печи, когда вокруг великая эпоха и всякий честный человек может стать всем, чем-то новым, разве наша пластичность заржавела в карманах, в теле, разве хочется сидеть дома со своими женами, не лучше ли пить с друзьями терпкое вино удачи. Хотелось. Хотелось и тем, кто приходил в маленькую комнату в одном из домов позади Елисеевского гастронома, под мрачным московским небом, на втором или третьем этаже бывшего когда-то доходным и готовящегося снова стать

таковым дома. Умом, конечно, Биглов понимал, что пред ним редкая возможность стать миллионером или занять очень прочное место в жизни, но эта мысль как пришла к нему, так и ушла.

Секретарь парткома села Сиптуры вступает в капитализм с его пороками и новым варварством

Гумер Гумеров, писавший в районной газете под псевдонимом Гумер Гумер, был не кто иной, как секретарь парткома села Сиптуры, человек, известный своей принципиальностью в вопросах морали. Так, его стараниями был наложен двухлетний запрет печатать стихи в местной прессе на поэта Мунира, опубликовавшего некое произведение, в котором высказывалась мысль о превосходстве еенского диалекта над прочими. Тем более было удивительно то обстоятельство, что с возвращением в страну капитализма Гумер Гумер не потерялся, а наоборот, еще более пышно расцвел, стал писать одну за другой книги, которые издавал в районной типографии за счет спонсоров, часть которых была из районной администрации, а часть предпочитала оставаться неизвестной, и даже стал отзываться о себе как о писателе. Но и личное, как говорят, благосостояние сего господина несколько не уменьшилось, а наоборот, приумножилось в результате торговли порнографическими открытками, нефтью через подставные фирмы, полиэтиленом высокого давления и некоторого давления на властные структуры. Это обстоятельство просто удивительно, если учесть не только запрет на поэта Мунира, ставшего символом местной интеллигенции, но и на прочих деятелей литературы и искусства, которые не жаловали нашего героя. Он не был популярен в этой среде, и это легко объяснимо. Бесконечные склоки и дразги, из которых Гумер Гумер выходил с незапятнанной репутацией человека высокоморального — уж он-то ничего не совершал, он судил! — в чем разница довольно существенная для окружающего населения и тем более для деятелей местной культуры и искусства. Все это поднимало его авторитет на высоту тем более гигантскую, что каждый чувствовал за собой слабость, до поры до времени известную только ему. Поговорим, поговорим, уважаемый читатель, о государственной идеологии, которая тем более нужна такому молодому государству, как республика Псевдостан, пользуясь выражением господина Набокова, ошетилившаяся границами и кордонами от враждебных областей соседнего государства, внутри которого оно находилось, и тем более от зеркального своего подобия — такого же Псевдостана, так неудачно расположенного совсем рядом. Разумеется, в первую очередь нужна генеральная идея, чтобы механизм государства вращался, чиновники ходили на работу, отмечали 23 февраля и

8 марта с трепетом в груди и ожиданием ласкового чуда хотя бы ближайшей ночью в родной постели под одеялом или на кушетке начальника отдела при неярком блеске видеомагнитофона «Фунай».

Способны ли вчерашние диссиденты, все эти алкаши и злоупотребители служебного положения старшего корректора или младшего корреспондента в районной газете, за короткий невинный трах на подшивках старых газет печатавшие бездарные стихи пожилых поэтов, способны ли они дать такую идею, которая зажжет пламень в груди, боже, как косноязычно приходится выражаться, какова боль и тоска, как тяжело жить, когда вокруг только и думают, что о копейке до зарплаты и пачке конфет уфимской фабрики «Кандей». Боюсь, что у диссидентов этих мечты были весьма и весьма недалеки, а кто вдохновит, кто ободрит и наставит на путь истинный, как не тот, кто это делал не раз — секретарь парткома! Вот кто. Не кажется ли вам, уважаемый читатель, что за тридцать или сорок лет этот господин изо дня в день своей карьеры встречался отнюдь не с передовым опытом человечества, а с негативной его стороной, чем больше он получал власти (а только власть может решить, что можно сделать с теми людьми, что имеют весьма и весьма прихотливые мечты!) Вы видели профессора от литературы, который жил со своей приемной дочерью восьми с половиной, что ли, лет? Он видел. Вы видели министра культуры, которая переспала со всеми членами правительства, включая дворника дядю Ахата? Он видел. Вы видели господина, который днем был священник одной малопривлекательной религии, а по ночам конструировал некое чудовище по образцу своего образца и даже из того же материала? Он видел. Все пороки, вся страсть эпохи прошла перед его глазами, и он просто не мог устраниваться от них. Он бережно лелеял в себе всю скорбь мира, все скрытые желания людей и, как подобает идеальному конформисту, просто выдал их наружу. Он автор всех идей века, нет, он поэт века, что я говорю, астагифирулла! Впрочем, наверно. Есть перечень грехов, придумать новые достаточно сложно. Как говорят опытные психиатры, видимых признаков болезни у вас нет. Нет так нет, и мы живем, и слушаем секретарей парткома, которые сами не предаются ни одному пороку. Им это не нужно. Им важно, чтобы мы их любили, я даже не в силах подумать как.

Багров понимает, что новое время, которого он так ждал, наступило

Собственно, теперь, когда настало новое время, можно было спокойно призадуматься над тем, что существовало уже долгие и долгие годы, не находя выхода ни в чем, кроме как в каких-то неконтрастируемых движениях лица, каких-то странных поворотах тулови-

ща, или ноги, или руки, или даже движения брови — все это были, как теперь понимал Багров, неуловимые для его собственного «я» проявления того, что жило в нем все эти долгие, долгие годы.

«Что же такого изменилось? — задался вопросом Багров. — Что было нового теперь, что давало возможность обратиться к себе и проводить долгие часы за созерцанием своего поведения, своего лица, своей мимики, наконец, на работе, в компаниях, в обществе женщины или женщин?» Впрочем, ответ на этот вопрос лежал на поверхности.

В конце концов, то, что жило в нем все эти долгие, долгие годы и проявлялось именно в неконтролируемых движениях именно потому, что все свои душевные силы Багров отдавал делу обеспечения своей независимости. Он продумывал свои шаги, он организовывал людей и обстоятельства, он создавал идеи, что весьма и весьма немаловажно, и все это отнимало у него силы. Теперь, когда эта самая независимость или суверенитет были завоеваны ценою огромных потерь, разумеется, ибо все на свете завоевывается ценой огромных потерь и разрушений прежде всего в себе, так что бывает, что для жизни остается только то, что взято у побежденного, — его слабая душевная жизнь, не устоявшая под напором, упавшая, однако сохранившаяся где-то под спудом на милость победителя. Так что вот теперь-то Багров и обратился к себе, своим тайным мыслям и обнаружил, что они есть, обнаружил с тем большей радостью, что внешняя его движущая сила иссякла, как мы уже говорили парой строк раньше.

Что же обнаружилось помимо всего, и что заставило Багрова присмотреться к тому зеркалу души, к экрану компьютера, как сказал бы поэт Юнусов? Полное отсутствие женщин как таковых в жизненной плоскости Багрова. Собственно говоря, они были, и было их количество, как говорят те, кто хочет нас подразнить. Но это количество не имело некоторого качества, а именно качества истинно женского, того, что дает мужчине право называть женщину своей и блаженно шуриться где-нибудь в командировке, рассказывая при этом анекдоты об аналогичной ситуации — он-то знает, что его благоверная не такова, поскольку не может рука и нога совершать самопроизвольные движения помимо воли хозяина, или мозга. И теперь Багров с ужасом наблюдал, как по его лицу пробегает мелкая дрожь, быстрый такой танец, сигнализирующий всем встречным женщинам нечто такое, от чего они шарахались во все триста сторон существования собственной души.

Тайная жизнь поэта Мунира

Рассказывая о поэте, о человеке, которого звали поэтом, негоже не упомянуть хотя бы пару строк, сочиненных им. Но справедли-

вость не оставляет нам ни одной строчки, которая принадлежала бы перу этого господина. Как же так получилось, что седые люди называли его «агай», его, сорокапятилетнего мальчишку, и делали это искренне, однако этого не знает, к сожалению, никто.

Небольшая потаенная жизнь села Сиптуры требует своего рассказчика, человека, который проник во все поры ея и составил отчет об этом, не столько об увиденном и услышанном, о том, что было, чего не было, но о том, что происходило одновременно во многих, может быть, местах, и как все это объединялось в нечто целое и, может быть, угодное Аллаху, так зовут господина этих мест. И очень трудно приступить к фактическому изложению дела, к эпизодам, к фактам, в тяжелом, можно сказать, дурном настроении пребывая, вспоминая то, чего никогда не видел, вспоминая того, кого не увидишь никогда и кого очень и очень мало знал.

Должно быть, речь идет о человеке очень дорогом еенской интеллигенции, которая сама совсем недавно приехала в район из Баш. Ургинки, из Ибраево и других окрестных деревень, там живут их престарелые родители, а у многих родители уже умерли, они сами стали бабками и дедками, стариками со всем вытекающим отсюда веществом. В жизни, особенно когда приезжаешь из глухой деревни в некоторое подобие цивилизации, где люди знакомы только со своим кругом и не более того, хотя до главы администрации, к примеру, всего одно знакомство, я сам знаком с человеком, который близкий друг его, а мой отец так видится с ним в неделю раз или два, так вот в жизни значение имеет некоторого рода умение вцепиться в тот кусок хлеба, который у тебя есть, и не отпускать его, и тем более не отдавать никому.

И что же тогда можно сказать о поэте Мунире, который в жизни не преуспел настолько, что это теперь воспринимается как чудо, как жертвенность, равная богам или хотя бы одному из них.

То, что сегодня воспринимается как сумасшествие, под волшебным лучом воспоминаний, уже лишенных сетью нейронов привкуса отрицательных эмоций, представляется сладостной сказкой, уже невозможной в настоящее время, и вот оно превращается в предмет особой гордости, в то, что дает этой жизни смысл, делает ее бессмертной практически, потому что и правда — ведь не потащишь в загробную жизнь диваны, которые продавал своим жирным телом, горы конской колбасы «казы», которую превратил в дерьмо, пропустив через себя, да и самая жизнь, обращенная в инструмент под названием власть, так быстро уничтожается, что жалеть о ней не приходится в голову вообще никому, а Флюиды власти, которые так сильны на расстоянии руки, уже за дверью почти прекращают свое фантазмагорическое действие, и только горы, и степь, и рассвет над степью, и далекий горный лес овладевают душой человека, рожденного, собственно, неизвестно зачем.

Некоторое понимание особенностей восприятия времени

Любое слабое изменение течения времени приводит к провалам памяти, тем более очевидным для тех, кто отсутствовал в этих местах достаточно долго, чтобы сохранить идеальное воспоминание, не слишком отличающееся от реальной картины.

Подросток Хусаинов ранним утром отправляется в школу

Раннее утро. Село Исянгулово просыпается в белесом свете, идущем к нему от горы Усманки в пяти или шести километрах на восток. Самолеты, бывает, бесцельно кружатся над ней, у них отказывает компас из-за устойчивой радиации, оставшейся еще со времен первого ядерного испытания в башкирских степях возле Оренбурга. Уже осень, и прохладный воздух кусает щеки подростка Хусаинова, бодро идущего по дороге в школу в класс то ли седьмой, а может быть, и весь девятый. Огромный портфель, вмещающий массу книжек, в основном почитать на перемене за партой, шашки вместе с доской, большие же кеды, небось урок физкультуры сегодня, дневник, полный четверок и пятерок, а также всякую дрянь, которую носят молодые люди в школу, о которой забывается надолго, если не навсегда.

Если быть достаточно честным перед собой, что не всегда получается у Хусаинова, то он не знает, зачем он идет в школу, которая полна для него всяких неприятностей и гадостей куда полнее, чем его портфель. Мы, с высоты уже прожитых лет, и того, что называется жизненный опыт, уже можем сказать, как оно обстоит и куда следует лезть, а куда не следует, и все такое, чисто павловские рефлексы, помноженные на бюргерскую тягу к покою и теплому женскому рядом совсем. А подросток Хусаинов просто затерт в общую такую массу времени и пространства, бегаем там что-то чуть выше среднего роста для этих лет, ну и пусть оно бегаем, кому какое дело. Взрослый мир полон своих забот, ему надо решать свои проблемы, о которых не место здесь, совсем не место.

Хусаинов приходит в класс и говорит привет тем, кто ему откликается, без всякой злобы со стороны остальных, какая такая злоба в те же пятнадцать—тринадцать лет, и ждет учителя, который входит в класс и задает всем контрольное задание. Не помню, что за урок, откуда мне знать, хотя, конечно, можно заглянуть в уже реликтовые учебники Советского Союза и выцепить, где же это говорилось, значит так.

Контрольная, четыре или пять вопросов, на которые ответить для Хусаинова проще пареной репы. Помнится, в классе шестом

он целый урок один отвечал на все вопросы, которые сам же и задавал, причем ни учитель, ни сверстники понятия не имели, как на них отвечать. Вошло в поговорку, что Хусаинов отвечает на вопросы, которые сам же и задает. Есть в этом что-то такое, забавное, я бы сказал.

Быстренько ответив на три вопроса, никто не сможет придаться к его ответу, сочиненному тут же, без всякой подготовки, молодой Хусаинов переходит к четвертому, который он не может понять с первого раза. «Что такое метафизика?» — медленно перечитывает он и впадает в транс, не сразу прерываемый звонком на перемену.

Дети села Сиптуры едут играть в баскетбол

Жил в селе Сиптуры удачливый заместитель главы администрации Еенского района. Звали его Ахмет Мухаметов. Происходил он из старинной семьи, в которой были и купцы, и муллы, а один из предков даже совершил хадж в Мекку. После революции 1917 года и гражданской войны часть предков Ахмета Багаутдиновича попала неведомыми путями в Турцию и вместе с Заки Валидовым вынашивала планы возвращения на Родину, в столь любезное им Отечество, а другая часть осталась в Башкирии, но переехала как раз в Еенский район.

Разумеется, самого Ахмета Багаутдиновича еще на свете не было, и даже не было его отца с матерью, впрочем, отец уже был, он лежал на руках у своей собственной матери, бабушки Ахмета, и громким голосом приветствовал вступление уцелевшей части семьи Мухаметовых в село Сиптуры. Чудесное зрелище представляет это село, если вступать в него со стороны Оренбургских степей, когда сами степи уже за спиной, а впереди виднеются синие горы — не очень высокие, но внушительные — это южные отроги Урала! Перед ними лежал большой брод через реку Ик, а за ним на невысокой горе и само село Сиптуры — обитель райского блаженства.

Проезжали через него белые — выпороли двух смутьянов, проезжали красные — повесили пару местных богачей, тем дело и кончилось. Да еще в тихую ночь взорвался каменный мост через реку, все перепугались, но дело также кончилось миром — никто не пострадал, остатки моста потихоньку съехали в реку и использовались местной детворой по прямому назначению — на них загорали, с них удили рыбу, эти же камни вспоминали многочисленные выходцы из Сиптуров, достигшие в государстве Башкортостанском чинов немалых.

Багаутдин же Мухаметов, не чинясь своим высоким происхождением и недюжинным умом, поступил работать на конюшню райисполкома, где в скором времени снискал почет и уважение всего

начальствующего состава. Всегда у него были готовы к походу красавцы кони, всегда они дышали ровно, важно, ожидая своих седоков. В конюшне было чисто, стоял тот неповторимый запах, достоинства которого оценят только знатоки. И даже сам первый секретарь райкома товарищ Белов, суровый, с глазами навывкате, чем-то напоминавший известного артиста Михалкова господин, бывало, придет на конюшню и скажет так задушевно — вот ведь, подлец, как за конями ухаживает, а, Бугудин?! Тем дело и заканчивалось, а «Бугудин» продолжал ухаживать за лошадьми, используя все семьдесят восемь слов башкирского языка, связанных с оным занятием.

Но время шло, и через некоторое его течение господин Белов попал в немилость и был отправлен в ссылку в Сибирь, когда не расстрелян, половина райкома с райисполкомом отправились вслед за ним, а Багаутдин стал директором школы, из которой вскорости вышло много отважных защитников Родины и даже один Герой Советского Союза. Время было суровое, голодное, но Багаутдин связями с райисполкомом не терял, получал кое-какой паек, так что хлеб с маслом всегда был у него на столе. Так прошли годы, не омрачаемые ничем, в какой-то из них родился и сам герой нашего повествования, вырос, учился в школе, потом поехал в славный город Уфу и стал работать там оператором на нефтеперерабатывающем заводе.

Если переводить с башкирского языка буквально, то «учиться заочно» означает «учиться, находясь в стороне». Таким вот образом наш герой закончил сельскохозяйственный институт и вернулся в родной Еенский район.

Потекли годы, неспешные, полные ежедневных забот. Утром вставало солнце, и надо было выгонять корову, овец на привольный луг под надзор вечно пьяного пастуха, ходить в магазин за кормом для скота, заготавливать сено, предварительно выбив участок, ходить на работу, выгадывая что-нибудь полезное для дома и семьи, кроме, конечно же, зарплаты. Инженер, главный инженер, председатель колхоза, третий секретарь райкома партии, заместитель главы администрации — так шли годы, не омрачаемые ничем.

Хорошо жить в тех местах, где сильные мира сего находятся в дружбе с тобой и сам ты являешься сильным этого мира — никогда-никогда не будет реветь твой скот с голодухи, никогда твои дети не будут ходить оборванцами в штанах и платьях Салаватской швейной фабрики, никогда не загорится твой дом среди ночи, польхая как маков цвет, никогда-никогда не забудут тебя твои родственники, к которым всегда довезет колхозный уазик с шофером, преданным до гроба, полный скудного советского барахла. И, конечно же, я был не прав, когда говорил об этом человеке в прошедшем времени, — он, безусловно, жив и по сию пору, и дай ему бог дорасти до поста Главы Администрации Президента нашей родной республики.

Но впрочем, впрочем, впрочем... Был один эпизод, довольно давно, когда сам автор был еще школьником и ездил играть в баскетбол в старинное село Акьяр Хайбуллинского района, в широкую степь Зауралья. Были там и школьники села Сиптуры, рассказавшие о чудесной возможности съездить на эти соревнования благодаря именно Мухаметову.

Говорили они, что на заседании районного комитета партии недруги из давно враждебно настроенного рода Бикмухаметовых подняли вопрос о внешкольной работе с учащимися. О, они все продумали, все у них было спланировано, и достойный человек должен был с позором покинуть ответственный пост третьего секретаря райкома. Как они хотели этого! Но судьба не допустила подобной несправедливости — как раз перед тем, как отправиться на заседание, Ахмет Багаутдинович заглянул в роно и взял там письмо из Мелеуза, из местного спорткомитета. Там и было сказано, что в Акьяре состоится соревнование детей по баскетболу. Сперва, конечно же, Мухаметов и не думал посылать детей в такую даль, деньги были нужны на ремонт кое-каких помещений, но тут он смело вынул это письмо и сказал прямо в лицо своим недругам — наша команда поедет в Акьяр! наши дети должны быть здоровы!

И что же? Так и случилось, дети заняли третье или четвертое место, сам автор, играя с ними, разбил очки — такой душевный подъем испытывали они от подобной заботы! Так было им весело проехать сто пятьдесят километров по разбитым дорогам через высокие горы, через страшные ущелья Семиколенки, через село Зилаир с живущими в нем старообрядцами, не пощадившими в свое время поэта Шайхзаду Бабича, через голодный Бурибай! Счастье их не покидало. Так пусть не покидает счастье и этого достойного человека, подлинного героя нашего времени, в котором если и есть что-то стабильное — так это судьба его и его рода, и подобных ему родов, что дает надежду на то, что и будущее не так ужасно, как оно представлялось нам десять или более лет назад.

Роберт Биглов пытается примириться с новым временем и некоторыми проявлениями его

Биглов приехал в Сиптуры на перекладных часов эдак за шесть, устал как собака. После кружки чая с обширным бутербродом мать погнала его в баню, собрала вещи из тех, что всегда оставались в Сиптурах: мыло с мочалкой, напоминавшей если не морские водоросли (Биглов никогда не был на море), то, может быть, просто речную тину. Впрочем, все было ясно и определено — мочалка была мочалкой, мыло хозяйственное было хозяйственным мылом, а душистое — душистым, марка такая, всего лишь.

В бане обсуждали местного главу администрации. Все уже давно знали, что грехов на свете не так много, всего-то семь или восемь. Не знали, что же греет душу этого самого главы — прелюбодейние, воровство, обжорство, может быть, с голодухи-то деревенской кусочек конской колбасы — удовольствие великое.

Биглов почему-то вспомнил, как сам питался все эти годы в общежитии, в институте своем московском.

Заметки по поводу местоположения и некоторые выводы из него

Расчленители собственной жизни на некоторые смыслы если и пользовались популярностью на планете Земля, то ограниченной, и доступ для них в высшие иерархии был весьма и весьма затруднен по причинам не столько политическим, сколько натурфилософским, что бы ни понимать под этим определением. Писатель этих строк как лицо заинтересованное желал бы оставить эту сторону собственного существования на глухой периферии как собственного, так и общественного сознания, но любовь к истине, как бы она ни понималась, вынуждает подбирать слова наиболее звучащие в этой обстановке, так что волей-неволей все выходит наружу, и самое словосочетание непременно обнаружит, до каких пределов простерлась лирическая обнаженность смысла, в то же время никакой другой обнаженности слова перед лицом читателя как этих, так и других строк просто не существует.

Любая дидактическая поза ущербна в силу своего положения среди других поз, любой смысл, явленный в некоторое время, этому времени и принадлежит, или, скажем иначе, этот смысл порожден временем, но и время порождено смыслом, и, иначе говоря, время — это смысл.

Собственно, на этом можно и остановиться, но некоторая инерция человеческого существования вынуждает его влачить. Тем самым мы все вовлекаемся в то, что уже лишено всякого смысла, что никак нельзя расчленить на смысл, и некоторое недоумение преследует расчленителя собственной жизни на смыслы, и выразить это недоумение можно следующими словами — как же не расчленяется на смыслы то, что так хорошо расчленялось на смыслы ранее? И этот вопрос если и не повисает в воздухе, то и не растворяется в нем до конца, образуя некоторую ауру, которую люди как простые, так и двусложные, имеющие отношение к власти, интерпретируют в силу своей текущей природы как нечто чуждое власти, которой они обладают, будь то собственное тело, полное соков, проявляемых в виде половой любви, или же некоторые ресурсы,

отличные от человеческой природы, но существующие в непосредственной связи с нею.

Поздней ночью, посередине собственного мира можно восхититься стройностью всего и подивиться тому, каким убогим вещам посвящают люди собственную жизнь и как мало им нужно для счастья попирания себя, преобразования себя в нечто другое, консистенцией своей напоминающее вещество, о котором никто не говорит так прямо, как о нем и не стоит говорить, что даже избавляются от него, не глядя в его сторону. Собственно, таков человек, и не следует идти в другую сторону, кроме как вперед, и не стоит оборачиваться в иную сторону, кроме как назад.

Таков некоторый смысл и таково некоторое действие, в которое оборачивается жизнь после того, как ее расчленили. И это еще не самое худшее, что может претерпевать душа на длинном пути отсюда туда.

Багров понимает, что в жизни есть нечто, что не изменилось за время, которое он потерял

С тех пор прошло около десяти лет, но почти ничего не изменилось — городские продолжали оставаться городскими, хотя и жили большей частью в общежитиях, подальше от матерей и отцов, хотя и были женаты на девушках из Чекомагуша или Чишмов, хотя и работали в таких местах, где любой деревенский давным-давно уже не работал. Но у них не было язвы желудка, у них не было дикого страха по ночам потерять нажитое в единый момент от руки такого же деревенского парня, у которого заклинило в голове от многолетней борьбы за выживание, за кусок хлеба в городе. Да, такова жизнь, и Багров следил за неумолимым ходом ея как за приближением чего-то громадного и неодолимого, но бесконечно тупого и ограниченного в своих проявлениях, что можно было одолеть мнимой покорностью и жизнелюбием.

Новые смыслы проникают повсюду, принимая неожиданные формы

Читатели книг континента Гондвана, маленькая вымирающая каста, с некоторым облегчением восприняли вечернее известие своих телекомов. Сообщалось, что условия жизни на четвертом ярусе правителя Аида, куда, собственно, попадали после смерти жители планеты Земля, улучшились. Теперь им полагался ежедневный трехминутный, взамен двух с половиной минутного, отдых, а также некоторое, хотя и не очень существенное, улучшение питания.

Видимый Космос, известный своим плюрализмом, снизошел до решения этой проблемы в результате многочисленных бюрократических проволочек, имеющих место в любой системе и во все времена. Определенные смыслы, в том числе и такие, прикоснуться к которым человечеству удалось только в последнее полутысячелетие, принесли свои плоды. Земляне получили доступ к священному знанию Видимого Космоса и привели свою жизнь в соответствие с этим знанием.

Произошло это не сразу — с огромным скрипом, натужно колесо истории стало поворачиваться, выделявая странные зигзаги, пока в один прекрасный день не испарилось на глазах у всех. Именно тогда на поверхность и выступили новые смыслы, уже довольно длительное время проявлявшие себя то там, то здесь своими сторонами, основное назначение которых было не раздражать, а давать новые ответы и порождать новые вопросы. Внезапно стало ясно, что посмертное существование не миф, столь усердно разоблачаемый всеми и вся, а вполне реальное пространство со своими вполне физическими законами, познание которых стало настолько доступным новому человечеству, что несколько аппаратов, изобретенных как приставка к самому обычному видеофону, позволила наладить двухстороннюю связь с этим миром со всеми вытекающими из этого последствиями. Теперь уже никто не умирал со страхом попадания в неизведанное, но тихо переходил в иное пространство, часто при помощи специалистов определенного рода, гарантировавших конечный результат. Очень скоро выяснилось, что есть некоторая иерархия жизнедеятельностей человека, результатом которой являлось попадание в то или иное место нового пространства на время, явно превышавшее любые земные сроки. С этого начались перемены на Земле, приведшие ее к тому состоянию, в котором она пребывает ныне.

Биглов не может воспользоваться некоторыми преимуществами своего положения

В общем, наступило такое достаточно долгожданное время, когда у меня появилось право задавать вопросы и мне на них отвечали, вот что самое великолепное в этой ситуации вообще. Это неважно, почему я теперь могу задавать свои бесчисленные вопросы и мне на них отвечают, это все отдельно, для другого раза, быть может, не сейчас, когда-нибудь.

Конечно, в первую очередь я атаковал свою бывшую супругу, мне так хотелось знать, в чем же дело, почему эти годы, когда мы жили врозь и которые я посвятил тому, чтобы выполнить практически все ее претензии ко мне, почему они не увенчались успехом,

почему я не стал желанней и ближе, почему я не могу сказать о ней и о себе «мы». Я стал задавать вопросы также и всем своим знакомым, друзьям, незнакомым людям, и мне отвечали на них со всей искренностью, на которую только способен человек.

Впрочем, довольно быстро выяснилось, что эти ответы невозможно ни использовать, ни применить, ни как-то понять.

Речь председателя массовой организации времен полной социальной справедливости и избавления от недостатков нашего времени

Хатирлаемый Абзы! Хатирлаемые кардаши! Сегодня, в этот радостный для всех нас день, когда мы только что открыли отделение нашего банка на планете Зухра и расширили доступный мир до нового предела, я хочу обратить внимание всех собравшихся на некоторое обстоятельство, которое покоилось до сего времени во мраке истории планеты Земля. Как известно, триста лет назад распалась предпоследняя великая империя, именовавшая себя Вавецкий Жуз. До сего времени было загадкой, что же послужило причиной саморазрушения такой огромной, почти не имевшей себе равных империи. И вот наши историки, руководимые хатирлаемым Надфиль-Кардашем, наконец докопались до самой сути гигантских и, по сути своей, необратимых, многообразных процессов, происходивших тогда. Разгадка лежала на поверхности — когда-то, давным-давно, один народ был избран Богом для того, чтобы через него донести до всех народов мира о том величайшем преобразовании, которое ждет человечество. Назывался этот народ кардаш, да-да, хатирлаемые кардаши, именно так (шум в зале).

Новая гигантская задача потребовала мобилизации всех усилий народа, не такого уж и многочисленного, но ведь избранный никогда не бывает много — и вот тогда-то и был образован наш «Кудахбанк», ставший орудием в руках Господа и хатирлаемого Абзы по переводу человечества в новое, возвышенное к Богу состояние. Империя Вавецкий Жуз, которую опоясала сеть нашего банка и наших кардашей, уже была мала, шла речь о мировой экспансии, и вот империя рухнула. Через сто лет после нее распалась последняя империя, которая называлась, как вы помните, Ееные Жады, и работа по переводу человечества продолжилась новыми темпами и наконец увенчалась успехом.

На первом этапе кардаши нашего банка существовали в виде простой электронной карты, которая прилагалась к каждой душе человека и была от него отдельно (помехи, некоторые отключают), но прошло еще немного времени, и вот мы все стали тем, кто мы есть сейчас, — совершенными кардашами — у нас нет ни расовых,

ни половых, ни социальных отличий, а душа человека чувствует себя на все сто процентов (смех). И я, как верховный Кустым нашего банка, хочу заверить хатирлаемого Абзы и всех вас, что приложу все силы для того, чтобы распространить нашу мощь на всю обозримую Вселенную и даже далее того, в те места, о существовании которых можно догадываться (продолжительные электронные аплодисменты).

Изменение геополитической обстановки на планете Земля приводит к легко прогнозируемым последствиям

В невидимом глазу поселке Сиптуры, самом центре Еенского района и практически всего, что осталось от Малого Башкортостана, есть небольшое кладбище, полное именами всех тех, кто когда-то сотрясал землю своею поступью и схватывал души людей с полнотою необыкновенной. Лежит здесь и писатель Гумер Гумер, и прославленный поэт Мунир упокоен здесь же, часто его навещают поклонники даже из дальнего Штата Татарстан, расположенного — шутка ли — за четыреста с лишним верст отсюда.

Актеры, писатели, кураисты, сочинители либретто, политические деятели, врачи, музыканты, архитекторы, программисты больших ЭВМ, секретари обкома и главы администраций, начальники первых отделов и министры внутренних дел собрались на этом крошечном пятачке суши, в том месте, куда разбушевавшаяся стихия не смогла дотянуть свои хищные длани, и все они покоились теперь в мире и согласии относительно будущего времяпрепровождения и регламента дел.

Наступило большое спокойствие, прерываемое только скрежетом разного рода инструмента, который таскал за собой полупьяный зритель за всем Нигомедзян, когда-то хорошо знавший многих и многих погребенных, на несчастье свое уцелевший в катаклизме, сотрясшем Землю. Что значит проштрафиться по мелочи перед самым фантастическим взлетом, который ожидал администрацию Еенского района в начале XXI века! Как не повезло, шептал себе Нигомедзян, не удостоившийся среди собратьев своих даже обращения «агай».

Поговорим, поговорим, друзья мои, о том небывалом, что пришло на Землю в то самое время, когда уже все, включая магов и пророков, зареклись его ждать!

Небывалая мощь обрушилась на притихшую Землю ранним утром 22 апреля 2017 года и сдвинула ее с орбиты так, что пришли в движение континенты! Япония потонула в одну нестерпимую минуту удара! Обе Америки развернуло так, что они совершили пово-

рот на восемьдесят с лишним градусов и расположились вдоль экватора, соединившись с Африкой в том самом месте, откуда чetyреста с лишним лет назад впервые были увезены чернокожие рабы! Штат Флорида соединился в жарчайших объятиях с Либерией, а остров Манхаттан вонзился в устье реки Нигер и закупорил его так, будто этого давным-давно ждала природа обоих континентов.

В то же время гигантский катаклизм неясного происхождения провел широчайшую борозду и разделил Европу и Азию так, как они и мечтали долгие тысячи лет. Морская вода Ледовитого океана хлынула в трещину возле полуострова Ямал, смыла остатки Москвы, погрузившейся в пучину самого ада, рванулась вдоль течения Волги вниз и широко разлилась по землям республики, что еще недавно звалась Башкортостаном. Ее города-красавцы, полные людей и предприятий нефтехимической переработки, величайших сокровищ башкирского многонационального народа, были смыты в одну мгновение, в одну минуту тягчайшего ужаса, приходящего на Землю только за самые величайшие, должно быть, грехи.

Китай ушел на дно, и говорить об этом более нечего. Индия оказалась на острове, полном одних брахманов, что должно еще сказаться на судьбах ее людей. Европа осталась единой, но придвинулась к азиатской своей части и буквально смела в порошок бывшие страны социалистического лагеря, а также Украину, в результате чего Черное море перестало существовать вообще, а в районе Ростова-на-Дону вознесся великий вал, коий стали именовать Змеиным.

Экономика практически всех стран перестала существовать в одночасье, за исключением Татарстана. Его вооруженные силы, оказавшиеся небывало мобильными и мощными, в течение полутора лет навели на Земле полный порядок, его экономика одела и обула сотни миллионов уцелевших людей на всем земном шаре и утвердила свою гегемонию, видимо, уже навсегда. Большинство стран добровольно приняли его протекторат и объявили себя улусами Великого Штата Татарстан, как стала официально называться эта страна.

Выиграла от изменения геополитической обстановки на земле и администрация Еенского района. Пользуясь тем, что несколько выходцев из него занимали важные посты в Администрации Президента Татарстана, она выхлопотала указ, который объявил территорию района заповедником еенского диалекта, в котором сохранялась власть главы администрации, а также назначались ежегодные ассигнования на содержание его. Именно тогда и было организовано кладбище, на котором в дополнение к выдающимся людям района и были перезахоронены разысканные в результате разных, в том числе и морских, экспедиций, останки выдающихся людей бывшего Башкортостана.

Жизнь продолжалась. Те, кто преуспел, мирно лежали в драгоценной земле и помогли строить уже новое государство, какого на земле еще не было, но вполне могло быть и раньше, когда привычные дела творились на лике ее. Что бы ни происходило, но люди останутся людьми всегда, вне зависимости от чего бы то ни было, дорогие мои друзья, а также подруги, дай же вам бог здоровья, как и мне.

Два брата Бигловых навещают родителей

История эта началась достаточно давно, чтобы успеть обрасти слухами в кругу многочисленной родни. Надо вам заметить, что все, кто родился в селе Сиптуры, имеют одно отличительное свойство — тесную душевную связь друг с другом. Надо ли это отнести за счет приверженности традициям или общей отсталости села, где еще в семидесятые годы было множество домов под соломенной крышей, или тесноты жительство, не позволяющей вести более-менее независимую жизнь, — бог весть. Но сразу надо сказать, что жить на селе, не пользуясь дружбой, поддержкой или покровительством родственников, соседей или друзей, попросту невозможно. Простейшие бытовые операции, как-то: поход в магазин или посадка картошки весной или уборка ее осенью, сопряжены с неимоверными трудностями мистического характера. Вот где проверяется на прочность характер человека и выясняется наконец — уважает ли он людей, относится ли он к коллективистам или нет, чужд он самой природе коллективистского образа изживания жизни или, соответственно, нет. Была чудесная весна 199... года, когда в село Сиптуры въехал автомобиль иностранной марки, еще невиданной в селе.

Он имел гордый знак недалекого американского Штата Татарстан.

Открытость как необратимый процесс

Затем, что жизнь вовсе не похожа на то, что называется некоторым образом жизни, невозможно понять и правильным образом оценить все безумства, творимые людьми в разные периоды своей жизни. Представим себе такую картину — молодой человек, разумеется, отличный от автора, пишет письмо юной особе, которую очень и очень любит, как представляется ему. Но странное дело — письма его выходят удивительно фальшивыми, в них нет ни слова правды, все наносное какое-то, торчащее острыми углами, то, что невозможно состыковать в нечто более-менее приличное и гладкое. Молодой человек, имеющий некоторый опыт писания разного рода заметок в районную и даже единственной публикации в республи-

канской газете, морщится снова и снова, но ничто не помогает — не выходит на письмо любви как таковой, что удивительно.

Удивительно потому, что молодому человеку как раз удаются всякие такие чувства на бумаге — он с легкостью описывал, как возмущаются жители подъезда по улице Комсомольской, дом 3, свежавыпавшим снегом пополам с отходами человеческой жизнедеятельности, он описывал благородное негодование продавщиц хлебного магазина, обнаруживших по выходе приказа по коопунивермагу, что их директор — вор, и многое такое. Чем же любовь принципиально отличается от этих вот чувств, вполне нелицемерных, от которых слезы на глазах и пальцы сжимаются в кулаки?

Молодой человек мается еще и тем, что нет ответа на эти письма, в которых соблюдена хотя бы внешняя сторона, вполне можно отозваться хотя бы на нее, и чего ни говорить, но есть обстоятельства, есть здравый смысл, в конце концов, и действительно, здравый смысл возобладал, и господин, тогда еще товарищ, Багров получил-таки парочку писем. Они были грустны, как осенняя ночь без дождя и порывов ветра, в них чувствовалась печаль человека, который многое в жизни делает по необходимости, и Багров возликовал, если можно употребить подобное слово, — он решил, что дело в шляпе.

Дело было действительно в шляпе, произошло еще несколько взаимосвязанных событий, результатом которых стало перемещение молодой особы с измененным социальным статусом к месту своего рождения.

Изменился социальный статус и самого Багрова. Он, как и прежде, продолжал быть скромным работником типографии с перспективой стать корректором в районной газете, но теперь он был уже супругом и отцом, и большая часть его скудной зарплаты теперь скрывалась в окошечке почтового отделения. Так он ее и видел.

Однако странное дело — письма, которыми он осыпал теперь уже супругу, приобрели новое качество, удивительное для женатых людей, — в них появилась страсть, которая доселе дремала в закоулках слов, где-то в закорючках предложений. Он говорил ей о своей любви такими словами, которые если и бывают на свете, то вот только в переписке между людьми, готовыми сделать друг с другом все что угодно. Собственно, это и произошло. Образ жизни требует того-то и того-то, на крючочке смысла вся страсть жизни выливается во что-то вполне ничтожное по меркам самой жизни, но вполне безопасное для образа жизни. Например, в романы или заметки по поводу всего.

Открытость как необратимый процесс, тем более когда он закончился.

Собственно, ничего другого, кроме как жить, и не оставалось. Дни проходили своей чередой, прибавляя в весе, так что каждый

следующий казался не длиннее, а как-то тяжелее, хотя по идее дело должно было обстоять каким-то другим образом. Казалось, что ничего нового уже не случится, хотя было не так, конечно, не так.

Тайная, тайная жизнь поэта Мунира

Говорить об этом человеке теперь, после того как прошло много-много лет, полных какой-то внутренней жизни, к которой он не имел никакого отношения, говорить о нем — занятие если не постыдное, то лишенное какой-либо целесообразности, хотя бы и политической или житейской. И если в этом есть правда, не сермяжная или какая другая, вбирающая в себя все остальные правды, то в этом нет эстетики, а эстетика, быть может, самое главное, что остается от жизни того или иного человека, перевоплотившегося в персонаж творческой жизни.

И вот после этого давайте начнем перелопачивать его жизнь с точки зрения, к примеру, бывшей его жены, получившей недавно за издание собрания его сочинений в районной типографии что-то около трех или пяти миллионов рублей гонорара, что сумма убийственная для населения нашего, не получающего мизерные свои пенсии и зарплаты по полугоду и более. Или правда его сотоварищей по цеху, бедных журналистов-поэтов, кто пописывал и продолжает пописывать стишки, они побивают своим умершим коллегой тех или того, кто поудачливей, кто живет в самой Уфе, имеет квартиру-хрущевку в Черниковке да работает в многотиражке завода МВД. Глупо, и грустно, и печально, как сон, который никак не кончится.

Сообщали о нем люди, близко знавшие его, не очень хорошо знавшие его и совсем не знавшие поэта Мунира, самые разные о нем вещи, самые разные. Это повторение рождено некоторым чувством неуверенности, тем более понятным, если принять во внимание, что описание жизни любого поэта, вообще говоря, не подчиняется статистике. Жизнь любого поэта в пересказе любого автора есть собрание анекдотов и перечень книг, изданных сим товарищем, и свидетельства его популярности. Вот и все. И было бы глупо, если бы это было не так, — кого, собственно, интересует, что там сказал господин Н о господине Б или о качестве еды в ближайшей районной столовой, — все это скучно, когда не вписано в концепцию таинственности и вязкой неправды жизни. Собственно, сегодня, когда все так хорошо устоялось, потребность в изменении восприятия мифа поэта может быть обоснована только тем, что выросло новое поколение, которое не нашло себе иного кумира, как сделать себе кумира из старого кумира. А это куда сложнее, чем повторять одно и то же изо дня в день и из строки в строку. Тогда, быть может, и понадобятся те скудные сведения о господи-

не Мунире, которыми поделились с нами респонденты и которые я изложу кратко, без претензии на монографичность и новый миф:

Жил когда-то один человек в местах, где все прекрасное было создано Богом, а все отвратительное и недолговечное — человеком. Поэтому он не хотел работать, а только писал стихи и делал детей — лишь это казалось ему достойным жизни вечной. И когда окружавшие его люди отказали ему в куске хлеба, чтобы насытиться, в куске ткани, чтобы прикрыть свои чресла, и в крыше над головой, он посчитал свою миссию выполненной и тихо повесился в стенном шкафу недорогого номера гостиницы «Агидель» в городе Уфе.

Неизвестный молодой человек сомневается в основополагающих вещах

В редакцию газеты, называть которую нет смысла, пришел молодой человек и стал говорить об авторе поэмы «Инде» в тоне, который совершенно недопустим, когда речь идет о произведениях этого класса.

Он сомневался во всем, начиная с того, что автором этой поэмы был господин Искандар Искандар, сын покойного поэта Искандара, который и сам был сыном поэта, но менее знаменитого, ибо жил до семнадцатого года и несколько лет спустя; он сомневался в том, что написан этот текст на самом лучшем диалекте языка, а именно еенском, достойные представители которого в массе своей работали в нашей газете, он сомневался, наконец, в том, что автором поэмы был покойный поэт Мунир, о чем шли упорные слухи, причем говорил, что сей товарищ вовсе не умер от сердечной недостаточности, а покончил с собой в шкафу гостиницы «Башкортостан», или «Башкирия», как он предпочитал ее называть.

Мы были поражены, мы потребовали от коллегата основ удалиться, принеся всевозможные извинения и назвав свое имя, род занятий, откуда он родом и кто его родители. Каково было наше удивление, когда этот наглец оказался сыном самого Искандара Искандара, о существовании которого шли многолетние слухи, резко опровергаемые поэтом.

До чего дошел мир, что же делать теперь, с этими словами работники редакции разошлись по своим кабинетам, а молодой человек еще долго кричал в коридоре ужасные вещи, повторять которые грех более смертельный, чем совокупление с несовершеннолетними.

Впрочем, из обрывков его уже невнятных бормотаний сквозь смирительную рубашку, в которую заточили его работники психиатрической службы, вызванные его отцом, которому не преминули сообщить о всех подробностях сего прискорбного события, мож-

но было составить ужасную совершенно вещь — что поэму никто никогда не писал, она существовала всегда сама по себе, пока ее не присвоили предприимчивые люди, которые передавали авторство по наследству.

И долго еще было беспокойно на душе, работники ходили понурые и размягченные, как после вызова на ковер, но после некоторых мер, принятых вышестоящими органами, все встало на свои места и получило привычные объяснения. И то правда — разве не мы хозяева своей судьбы и разве солнце, которое встает по утрам, не дело рук главы администрации района?

Багров размышляет о вечности и некоторых частных ее проявлениях

— Куда ни взгляни, повсюду одни тараканы, — все более и более распался Багров, несмотря на избитость темы, ее поразительную перекличку с известной серией дворовых куплетов и собственную невозмутимость, проверенную годами. — Куда ни взгляни, в какую квартиру ни войди — повсюду тараканы, преграду которым не может поставить никакая чистоплотность, не говоря о любви к препаратам. Что же такое получается — мы воюем, соблюдаем чистоту, а они размножаются?

Возьмем, к примеру, еврейских мудрецов, а точнее говоря, пророков, как было и заповедано в десяти, пардон за тавтологию, заповедях, несмотря на отдельные ошибки и промахи, несмотря на некоторое разнообразие людского поведения и предпочтения, люди все-таки ведут себя более или менее прилично. Никто не прелюбодействует, хотя бы на людях, никто не убивает, кроме как легитимно или вынужденно, а убиты всегда оказываются наихудшие представители рода человеческого, так что это, как ни крути, селекция, ну там насчет воровства и коррупции тоже успехи, вообще говоря, налицо, а уж насчет, все насчет да насчет, в общем, возлюбили мы брата своего ближнего, предварительно разлюбив его, конечно, так возлюбили, спору нет. И только на фронте одной-единственной заповеди мы не продвинулись ни на шаг, ни на йоту, ни на милю, ни на версту — как водились тараканы в крупнейших городах, так они и водятся. Что же тогда получается — во всем преуспели древние пророки и мудрецы, а в одном они оказались не правы? Соблюдай чистоту или не соблюдай, тараканы вечны.

Багров передохнул, стер немного слюны, образовавшейся в углу рта, и посмотрел на Себастьяна, у которого сидел в гостях. Потом, как само собой разумеющееся, он выпил рюмочку водки, которая ждала его все время монолога или диалога, тут как посмотреть, и,

собственно, тем исчерпал всю свою негативную энергию, накопившуюся у него за долгие дни рабочей недели.

В узком проеме, где находились двери на балкон, что-то забрезжило, что-то изменилось, показало свои белые такие зубки — это заря возвращалась после некоторого отсутствия на Землю, после того, как она провела некоторое время на оборотной стороне Земли, там, где, по преданию, живут антиподы, где в ихних антигородах живут всякие такие анти. Что-то зашуршало и на кухне, видимо, это были тараканы, переживавшие бурную Филиппику, которая всегда по определению бывает бурной, правда, на этот раз она не дошла до решительных действий, Багров сказал бы «до погромов», когда бы не боялся обидеть евреев, давным-давно приватизировавших это словечко. Была тишина, перемежаемая чем-то, были слова еще и еще был какой-то сон, и были сны, и была жизнь, такая, какая она есть и какой она видится, и было неясно, где они переходят одна в другую, если этот переход вообще когда-нибудь происходит, если это не разные совершенно вещи, как тонкие нити в небе и на земле, которые держат все вокруг, чтобы ничто не расплывалось, а продолжало покоиться в мире и согласии и в некоем движении, которое называется вовсе не жизнью, а действительностью, и вот боюсь, что от нее до антипода ее куда как ближе, чем до планет различных систем или же до ближнего своего.

Мысли, переходящие в заметки по поводу всего

...темной ночью, посреди если не мироздания, то общезития работников искусства, иначе говоря, коллег, что думается мне печальным сердцем и головой, одурманенной телевизором, компьютером и другими средствами электронного облучения мозга? Просто печаль посетила мое сердце, просто усталость от существования, скука ежедневности, обыденности, скука человека, который так долго пытался сделать из себя примерного, приличного человека, что, боюсь, это мне удалось. Уже не хочется ничего, ничто не привлекает меня в жизни, а все просчитывается спинным уже мозгом, насколько интересно что-нибудь в плане даже не материальном, а материалистическом таком. Скучно, иначе говоря, скучно. Настолько скучно, что иногда хочется устроить что-то из ряда вон выходящее, посмотреть, что будет, если сделаешь поступок необратимый, безвозвратный, чего не сохранишь в памяти компьютера и не переиграешь, хотя все может быть, практически все. Такова оставшаяся мне территория человека, которую следует увеличивать и увеличивать, потому что уменьшать уже некуда. Когда посмотришь холодно и внимательно на происходящее вокруг, если не в тебе, то штука эта вовсе не печальная, а суетливая, и отследить, уследить

то мгновение, когда все преобразается под волшебными лучами жизни, говоря извечные пошлости, удается нечасто.

Нечасто, друг мой, и в этом нет эстетики, нет места удивлению или досаде, чувствам вполне извинительным, как привычным, но нет места и тому, что называется любовью к ближнему своему, любовью, которой просто не существует в тех пределах, в которых ты расположен сейчас.

Я расширяюсь до пределов невообразимых, далее которых только смерть или жизнь, что одно и то же, мой друг, с определенной точки зрения, но точка зрения предполагает способ существования если не души, то хотя бы белковых тел.

Некоторая печаль отсутствия денег

Если продолжать жить, не желая менять своего отношения к миру или людям каждые полтора или два часа, в зависимости от фактов, которыми питает жизнь, то надо отказаться от причинно-следственной связи если не вообще, то в каких-то ее проявлениях. Например, временных.

Собственно, теперь, когда прошло года два, или три, или четыре, когда пишущий эти самые строчки живет в другом городе и возможность покинуть его хотя бы на время тает с ужасающей быстротой, так ли уж важно, кто это был, эта девушка, как ее звали и каким таким образом можно ее отыскать на звезде, на Венере, при помощи местной поисковой системы. Неважно, говорю я вам.

Тем более неважно, как мы познакомились, чего хотели друг от друга, я здесь говорю только об одном. Изредка мы виделись с нею на главных площадях столицы, созвонившись едва ли не за неделю и перезвонившись с самого утра, потом бродили часа полтора, пока некоторые признаки голода и холода не загоняли нас в какое-нибудь кафе. И вот пока мы ходили по этим улицам, медленно менявшимся в сторону все более и более четкого разграничения людей по имущественному признаку, она рассказывала мне, как много мужчин предлагают ей деньги за то, чтобы провести с нею ночь. Называлась сумма то одна, то другая, это все была иностранная валюта, только-только входившая в моду на всех просторах нашей родины, погибшего ссср, и ради чего сообщалось все это — теперь уже не понять, как не понять это было тогда. Есть несколько версий, простых, как психоанализ, и можно перечислить их все и выбрать ту, что более всего по душе. Но странно думать, что человек может сузиться до подобной мелочишки в те времена, когда вокруг идут космические войны и в воздухе явственно видны интерьеры компьютерной игры дум. Человек не сводится к простой причине своих проявлений, плохому гороскопу, желанию заработать три рубля перепродажей своей души или родины как таковой. Про-

сто достаточно подумать о деньгах один раз, чтобы думать о них постоянно.

И это достаточный вывод, когда вы хотите его.

Роберт Биглов говорит о вещах, понимание которых не связано прямо ни с чем

Он обладал талантом порождать все, что угодно, начиная с детей и кончая общественными постройками. Его слова с легкостью воплощались в дела. Казалось, что это языческий бог явился в мир и смотрит на его несовершенство глазами, полными смеха и неподдельного олимпийского веселья. Его обаяние, поражавшее насмерть всякого, кто сталкивался с ним, было вправду нечеловеческим — только боги умеют так обделывать свои дела, недоступные пониманию смертного человека, вызывая восхищение в глупой твоей голове, обалдевшей от легкости воплощенного на твоих глазах, легкости тем более непостижимой, что кажется она доступной и тебе самому.

Но его порождения, еще секунду назад бывшие всего лишь словом, всего лишь мыслью, промелькнувшей в его голове, а теперь воплощенные в плоть и кровь, никак не могли обрести эту самую легкость и примириться с тяжестью существования, тем более непонятного в присутствии того, кто обладал ею, не прилагая к этому никаких усилий. Нечто, созданное по образу и подобию, устремилось к оригиналу в надежде стать оригиналом, сказали бы мы, если бы не убийственный мазохизм этого предположения.

Вначале это забавляло его, но постепенно, когда его порождения стали множиться, и окружать его пестрой толпой, и пить его внимание, и требовать его любви более, чем ушло на их сотворение, он стал удаляться от них, пока не покинул их вовсе.

Есть некое место, куда можно попасть, если долго петлять между гор. Есть некий объект, который содержит в себе того, кто покинул всех, включая меня самого. Я знаю — он выполнил свой долг в ту минуту, когда сотворил меня, с той самой минуты он был свободен от каких-либо обязательств по отношению ко мне. И мне жаль, что я не понял этого раньше, или мне жаль, что я понял это сейчас, или мне жаль, что я понял это когда-нибудь вообще.

* * *

Зашуршал кустарник, ветки зашевелились, и на поляну выбрался невысокий человек. Луна сдвинулась с места, ее луч во мгновение ока изменил соотношение света и тьмы на поляне, и стало ясно, что это подросток мужского пола. Большая меховая шапка с угадываемым лисьим хвостом за спиной надвинута на самые глаза, их не видно в полутьме, но чувствуется, что мальчик насторожен.

Меховая же телогрейка без рукавов застегнута по самое горло, шаровары изодраны о колючки кустарника, видно, пришлось идти без дороги. Мальчик стоит и слушает воздух. Тишина.

Тишина нарушается уханьем совы, она где-то рядом. Мальчик вздрагивает и бросается прочь с поляны. Ветки колышутся еще мгновение, другое, и луна, покидающая сей угол неба, забирает с собой неверный свет, как кочевник, оставляющий после себя круглое темное пятно. Здесь жил человек, стояла его кибитка.

Глоссарий

карт — старик

аждаха — змей, дракон

байрам — праздник

усерген — племя башкир

батыр — богатырь

узун-кулак — длинное ухо, степные новости

авлия — святой

Как жизнь моя проходит невтерпеж...

ВЛАДИМИР ФЕЛЬЗЕНШТЕЙН

Из Членска в Топику и обратно

Во сне Проходимов ощипывал курицу. Утром, лежа в кровати, он размышлял о смысле сна. Если взглянуть с позиций идеалистических, то это к деньгам (Куценко ему должен), но если посмотреть с материалистических, то к их отсутствию (он сам должен Габитову внушительную сумму). Три дня в неделю Проходимов работал в лаборатории, а другие три дня, как и все, торговал на улице мелкой розницей. День начался как обычно. По радио некто вкрадчивым голосом читал главы из Евангелия, жена на кухне возилась с кастрюлями, а ему хотелось еще поспать.

— Вставай же наконец! — закричала супруга. Проходимов нехотя поднялся, взял с собой сонник и отправился в клозет. Этот сон нуждался в более подробном истолковании. Проходя по квартире, он с удовольствием отметил ее прочность и достаток. На кухне трудолюбиво урчали два холодильника, заполненные до отказа. В чулане располагались ящики со сгущенкой и тушенкой. В клозете над унитазом возвышались полки, на которых стояли трехлитровые стеклянные банки с желтой половой краской, громоздились десятки кусков мыла, коробки со стиральным порошком и прочие полезные в хозяйстве вещи. Пожалуй, в смутный период инфляции иначе нельзя.

Усевшись на унитаз, он раскрыл сонник и издал привычный звук. В ту же секунду хлопнул выстрел и нечто теплое и липкое потекло по его голове.

— Мозги, — подумал Проходимов. — Это Габитов, проклятый мафиози. Диссертацию не успею... Куценко мне должен...

Мысли путались. Слабея, он упал на четвереньки и пополз из клозета.

— Шура! Шура! — воззвал он к жене и погрузился в клиническую смерть.

Шура в испуге выскочила из кухни. Затылок и плечи Проходимова были покрыты желтым веществом. «Понос, но почему из ушей? — была ее первая мысль. — Мозги?.. Но у него не могло быть столько мозгов». В руке у нее оказалась тряпка, и она провела ею по затылку Проходимова. Так и есть — краска. Она приоткрыла дверь и заглянула в клозет. Пол был залит краской и блестел осколками стекла.

Усилием воли Проходимов вышел из состояния клинической смерти и открыл глаза. Едкий запах, как нашатырь, встряхнул организм, в уши ворвался гомерический хохот. Проходимов пришел в себя и все понял. Громкий звук, который он издал, вызвал резонанс банки, и она лопнула. Краска была импортная, отличного качества, что повлекло за собой как дополнительные расходы (Проходимову пришлось пойти в парикмахерскую и обрить голову), так и моральный ущерб (заявл, не успев расцвести, его служебный роман с секретаршей директора). Компенсируя отсутствие волос на голове, Проходимов отпустил бороду, после чего был зажат в подворотне Габитовым, заподозрившим его в попытке изменить внешность и, не отдавши долг, бежать в Америку. Неумолимый Габитов включил счетчик.

Но пока вместо Америки Проходимов в печальном настроении поехал на работу. Он чувствовал, что начинается новая полоса неудач. Вялой походкой он вошел в лабораторию и на сочувствующие восклицания коллег отвечал тихим прерывающимся голосом:

— Банка... Сосуд... Лопнул...

Коллеги тревожно зашептались:

— Ох, сосут, сосут нашего брата.

Кто-то из вкладчиков крикнул из дальнего конца комнаты:

— Что, крах банка?

— Крах, — подтвердил Проходимов.

Некоторые тайком злорадствовали: мол, нашего полку прибыло, вот и Проходимов погорел. Завлаб, приподняв голову над квартальным отчетом, сердито буркнул:

— Вот так надоели строители пирамид со своей рекламой! — и, чиркнув ладонью по горлу, отбросил руку в сторону и вверх, при этом его указательный палец уперся в плакат-календарь фирмы «Трансавиа», зовущий «С нами в экзотику!» и демонстрирующий окрестности Каира с нависающей над городом пирамидой Хеопса. Поэтому коллеги толком не поняли, кого он имел в виду — то ли архитекторов современных финансовых пирамид, то ли древних каменных.

Проходимов рассеянно прильнул к окуляру микроскопа: на предметном стекле прерывисто копошились фаги, словно танцевали

брейк. Их бесцельные перемещения носили случайный характер и определялись броуновским движением невидимых молекул.

— Жизнь наша, — меланхолично размышлял Проходимов, разглядывая ломаные траектории фагов, — это мелкая суета на фоне социальных потрясений. Неощутимые до поры, случайные события вторгаются в нее... Да, но каждая случайность порождает цепочку возможностей... Только Вездесущий знает все, для Него этот мир не случаен, а закономерен и упорядочен. Случайность — это плата за наше незнание...

— Господа, зарплату выдают жидким хлебом, — довольным тоном сообщил Куценко, входя в лабораторию и прерывая Насушным размышления Проходимова о Вечном. Коллеги засуетились, привычно извлекая из своих портфелей тару, объем которой точно соответствовал размеру их окладов, ибо уже не в первый раз часть зарплаты выдавали спиртом.

Куценко был знаменит тем, что одно время состоял в переписке с самим товарищем Черненко, Генеральным секретарем ЦК КПСС. В январе 1984 года, когда Куценке оставалось совсем немного до защиты диссертации, в лабораторию позвонил секретарь Ученого совета института Кузьмин:

— Товарищ Куценко, здесь вот какое дело... Ваша диссертация на уровне, но есть мнение, что следует переработать Введение.

— Почему? — обеспокоенно спросил Куценко.

— Вы там цитируете Брежнева: «экономика должна быть экономной» — и тому подобное, а это в ВАКе уже не пройдет. Сегодня есть более актуальные определения в работах товарища Андропова.

— Но это же мне перепечатывать минимум пятьдесят страниц текста, потом размножать, расшивать, заменять... Нет, я не успею к защите! — панически выкрикнул Куценко.

— Защиту мы вам отодвинем на месяц-полтора. Не беспокойтесь, я думаю, что она пройдет удачно. Но пасаран! — и Кузьмин повесил трубку.

Соискатель Куценко, ссутулясь, сиротливо продолжал перебирать листочки отзывов на диссертацию. Защидало под веками, защемило в груди. Он мнительно прислушался — отдает ли в левую руку? Пока не отдавало. Он вздохнул. Переделал Введение и уже погрузился в хлопоты, связанные с приглашением основного оппонента, как однажды в июле его вызвали в Ученый совет института.

— Жалко Андропова, — скорбно заметил Кузьмин, — могучий был реформатор. Как он взялся за дисциплину на производстве. Это наше самое слабое место. Но мало ему было отпущено... Да, а вам, Куценко, придется еще раз переделать Введение. Ну, старина, не падайте духом, — он положил руку на плечо поникшего Куценко, — поищите в библиотеке труды товарища Черненко, я дум-

маю, они там есть. Вы не представляете, какой это тонкий и чувствительный механизм, ВАК. А «черные оппоненты»? Отодвинем вас на месяц-другой, зато сквозь ВАК просочитесь, как сквозняк. Очередь у нас небольшая. Я знаю, вашу диссертацию хвалил сам директор. Все будет о'кей.

Куценко крепко забюллетенил. Затем он опять, как жук скарабей, терпеливо покатиł крупинки истины, добытые тяжелым трудом, по направлению к защите. Для страховки в сентябре 1984 года Куценко отправил телеграмму Черненко: «Уважаемый Константин Устинович! Желаю здоровья, многих лет. Поздравляю с третьей звездой. Оправдайте наши ожидания».

Неожиданно 11 марта 1985 года в институт на имя соискателя Куценко пришла бандероль из Москвы, содержащая теплое письмо, напечатанное на машинке и подписанное факсимиле Черненко, а также подарочное издание Манифеста Коммунистической партии с портретами классиков марксизма.

«Призрак бродит по Европе, призрак...» — срывающимся голосом продекламировал Куценко, бросил книгу на пол и, не выдержав, заплакал, так как с утра из радиоточки непрерывно лилась тихая классическая музыка. Упорный, он, наконец защитился в самый разгар горбачевской антиалкогольной кампании, которая, конечно, была отражена во Введении его диссертации.

— Когда летишь? — спросил Куценко у Проходимова.

— Во вторник.

— Прямо в Топику?

— Нет, сначала в Нью-Йорк, — ответил Проходимов.

— Эх, завидую тем, у кого есть богатые дядюшки в Америке, — вздохнул Куценко.

По всем пунктам анкет застойного периода Проходимов был чист как стеклышко, кроме одной графы: «Родственники за границей». Заполняя ее, он, конечно, писал «Не имею», но здесь Проходимов кривил душой. В Америке жил его родной дядя Иосиф Галушко, который изредка посылал своей сестре бодрые, оптимистичные письма и яркие цветные фотографии. Мать Проходимова отвечала ему вялым текстом и черно-белыми фотографиями членов семьи в одних и тех же статичных позах. Хотя наличие дяди Иосифа скрывалось от компетентных органов, ведь Проходимов работал в закрытом институте, но, так сказать, келейно им гордились, а его судьба или, вернее, роковые обстоятельства, приведшие к закладке зарубежной ветви семьи Галушко, безусловно были достойны подробного отражения на бумаге. Не раз Проходимов зажимал пальцами авторучку, готовясь зафиксировать данную историю в пример подрастающему поколению, но упомянутая мелкая суета постоянно отвлекала его от плоскости письменного стола.

В конце июля 1945 года на окраине городка Ворошилов-Уссурийский одиноко стоял барак АВЛ*, окруженный тополями, конским ржанием и собачьим визгом. Жизнь животных в войсках текла не по Брему, а сообразно Уставу ветеринарной службы и задачам, которые ставил перед ними (конечно, войсками) Верховный Главнокомандующий. В бараке, в этом храме ветеринарии, образно говоря, служили жрецы бога Асклепия во главе с майором Галушко. Они пеклись о здоровье животных, а весьма сложное хозяйство лазарета лежало на покатых плечах старшины Пиводкина, достойного представителя класса старшин рачительных из отряда загребущих. Старшина и майор уже давно стояли на страже дальневосточных рубежей и друг друга понимали с полуслова.

— Монголы прибыли, — доложил старшина, входя в кабинет майора Галушко, который за столом совершал математические действия с помощью конторских счетов.

— Знаю. Садись, старшина, — он кивнул на табурет. — Я тут твои расчеты проверяю. Сколько ты классов кончил на гражданке?

— Четыре.

— Вижу, что не академик. Продукт распределил неверно.

Старшина смущенно присел к столу и озадаченно склонился над расчетами.

— Сколько всего у монголов яиц? — деловито спросил майор.

— Двести сорок шесть.

— У санитаров нашего лазарета?

— По два.

— А у офицеров комендатуры?

— По три.

— У работников тылового управления штаба армии?

— По четыре.

— Так, так, — майор постукал костяшками счетов. — Сумма не совпадает со списочным составом подразделений. Ладно, потом утрясу.

— Когда будем выкладывать, товарищ майор?

— Завтра. Возьмешь ветфельдшера, двух санитаров и с богом. Завтра же вечером пригласим коллег из гарнизонного госпиталя. Организуй товарищеский ужин.

— Понял. (В госпитале коллектив был преимущественно женский.)

— Сколько у тебя спирта?

— Достаточно. Разведем — всем хватит.

Этой весной заразились сапом и были уничтожены почти все лошади в 641-м отдельном стрелковом полку, стоявшем у озера Хасан. Трупы лошадей пересыпали хлорной известью и закопали. Майор Галушко оформил акты о списании несчастных и о снятии

---

* армейский ветеринарный лазарет.

их с армейского довольствия, затем подписал заявку на восполнение утраченного поголовья. И вот теперь в 641-й полк прибыли монгольские жеребчики, количественно в несколько раз больше, чем было, словно штаб армии хотел превратить стрелковый полк в кавалерийскую бригаду. Это слегка озадачило майора Галушко, но им сверху виднее, а в его обязанность входило следить за тем, чтобы кони были здоровы, и, согласно Уставу ветеринарной службы, выложить жеребцов или, попросту говоря, кастрировать. После этого полудикие монгольские жеребчики становились кроткими нравом и годились как под седло, так и в двуколку, а их яйца хитроумный майор пускал в пищу. Повар лазарета готовил их так, что пальчики оближешь, кроме того, эти яйца, естественно, не учтенные интендантским управлением, скрашивали трапезу полезных майору Галушко людей — измученных пищевым довольствием по скудной тыловой норме.

Ужин, организованный старшиной Пиводкиным, проходил, как обычно, в недавно отремонтированном Красном уголке лазарета. Майор Галушко сидел на лавке, развалившись у стола, погруженный в приятный шум вечеринки. Прямо перед ним белела стена, на которой охрой было выведено известное изречение вождя:

«Наше дело правое, мы победим. Враг будет уничтожен».

Справа к майору Галушко прижималась упругим горячим бедром медсестра Лидочка, слева патологоанатом Петрова пыталась завладеть его вниманием, рассказывая случай из своей практики: «...отсекла кисть руки, смотрю, а она полая. Протез...» Майор слушал ее в пол-уха, рассеянно улыбаясь. Ему льстил этот небескорыстный женский интерес к его персоне, для чего были все основания: в армии он считался гением снабжения и занимал надежное тыловое кресло. На столе в тарелках дымились конские яйца, тушенные с чесноком в томатном соусе, стаканы наполнялись разведенным спиртом и периодически опорожнялись. В углу комнаты шофер майора Галушко с привычным упорством крутил ручку патефона, аппарат исторгал плясовые мелодии. Майор слегка осоловел от обильной еды и питья. Благость и спокойствие вошли внутрь. Глазами благодушного отца он наблюдал за тем, как резвились его чада. Старшина Пиводкин и ветфельдшер Червонный плясали вприсядку, громко топя сапогами и согласованно крича:

— Эх сыпь, Семеновна, да подсыпай, Семеновна.

— У тебя, Семеновна, юбка в клеш...

Вдруг по стене прошла легкая зыбь, что-то противно затрещало, и штукатурка обрушилась, обнажая желтую drankу. От изречения вождя осталось только два последних кроваво-красных слова: «...буде... ..ничтожен».

Галушко вздрогнул. Ему показалось на миг, что кисть руки, появившаяся из стены, растопыренными перстами удержала этот ку-

сок штукатурки от падения. Патефон смолк. Плясуны с открытыми ртами застыли на корточках, глядя снизу вверх на пыльное пятно штукатурки.

В наступившей тишине протяжно заскрипела дверь и в комнату вошел дежурный по лазарету:

— Товарищ майор, вас срочно требует к себе генерал Вохрамеев.

— Что он сказал?

— Сказал, чтобы вы летели как птица.

А за несколько часов до начала вечеринки командующий фронтом маршал М., под именем полковника Н., дабы не привлекать внимания японской разведки, прибыл в Ворошилов-Уссурийский, в штаб армии проводить важное совещание.

Совещание уже подходило к концу, и маршал был вполне удовлетворен готовностью армии ко времени «Ч» минус двадцать четыре часа.

— Товарищи офицеры, у кого есть вопросы? — спросил он, вглядываясь по-очереди в окружающие его серьезные лица.

Поднялся командир 641-го отдельного стрелкового полка орденоносца полковник Шапира. Согласно оперативному плану, разработанному фронтом, его полк должен был во втором эшелоне перейти границу с Кореей и, не ввязываясь в бои, в максимально короткий срок, двигаясь на юг, достичь тридцать восьмой параллели и, развернувшись там, встретить идущие с юга американские войска бодрым: «Хэллоу, парни, мы уже здесь!» Для такого рывка по горным тропам 641-му полку придавалось большое количество лошадей и двуколок, но кони были вчера кастрированы, болели морально и физически и для тягла не годились. О чем полковник Шапира доложил маршалу.

— Диверсия или глупость? — резко спросил маршал.

Штаб армии безмолвствовал.

— Скорее всего служебное рвение, ведь о начале боевых действий завтра вчера никому не было известно, — наконец ответил начальник тыла генерал Вохрамеев.

— Кто дал приказ выхолостить лошадей?

— Начальник АВЛ майор Галушко. Формально он действовал по Уставу ветеринарной службы, — снова ответил все тот же генерал Вохрамеев.

Маршал задумался. Верховный Главнокомандующий неоднократно напоминал об упреждающем выходе частей к демаркационным линиям. Этот выход был не только войсковой операцией, но и важной деталью международной политики СССР. Что-либо изменить в оперативном плане было уже поздно. В любом случае передовая часть армии 15 августа как штык должна встать на демар-

кационной линии, о чем тут же следовало послать рапорт в ставку Верховного Главнокомандующего.

— Выдвигайтесь пешим маршем, — сказал маршал, обращаясь к полковнику Шапира. — Но к 14 часам 15 августа будьте любезны занять позицию на северной окраине корейского города Кэсон, — маршал ткнул указкой в карту. — Это тридцать восьмая параллель.

— Есть, — ответил полковник.

— Да, а этого майора... как его... — маршал защелкал пальцами.

— Галушко, — подсказал адъютант.

— ...прикомандируйте к 641-му полку, пусть участвует в походе, — обратился он к генералу Вохрамееву.

Присутствующий на совещании начальник Управления контрразведки полковник Семяненко аккуратно записал в служебный блокнот: «Майор Галушко. Диверсия? Проверить».

641-й полк миновал опрокинутую первым эшелонем японскую пограничную заставу, прошел предгорье и втянулся под сень хвойных лесов Туманского хребта. День за днем полк, погруженный в радиомолчание, взбирался по его отрогам. Мерный топот тысяч сапог по каменистой тропе поднимал на крыло стайки фазанов, вспугивал косуль, заставлял углубляться в чащу лесных людей — гольдов. Радиостанция штаба полка работала только на прием, по ночам бегло прослушивая эфир. В эту ночь она получила очередную порцию морзянки, адресованную уполномоченному контрразведки «Смерш» капитану Головатому: «ДОПРОСИТЕ МАЙОРА ГАЛУШКО ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОТПРАВЬТЕ НАРОЧНЫМ УПРАВЛЕНИЕ КОНТРРАЗВЕДКИ АРМИИ ЗПТ ОБНАРУЖЕНИИ ПОРОЧАЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ АРЕСТУЙТЕ ТЧК ЦЕЛЬ ДОЗНАНИЯ ВЫЯСНЕНИЕ УМЫСЛА ТЧК ОСНОВАНИЕ ДОЗНАНИЯ ВЫВОД СТРОЯ ЛОШАДЕЙ ПУТЕМ КАСТРАЦИИ СЕМЯНЕНКО ТЧК».

Исполнительный капитан Головатый взмок от напряжения, пытаясь понять глубинный смысл радиограммы. Логически мысля, он допускал, что некий майор Галушко смог кастрировать начальника Управления контрразведки, владеющего приемами джиу-джитсу, но как это отразилось на работоспособности лошадей, он не понимал. И потом, каким образом он может отправить нарочного обратно в Ворошилов-Уссурийский, пешком, что ли?

— Теоретики, мать-фатерь, — ругнулся капитан Головатый и смачно высморкался. Сам он был практиком сыска, таким гончим псом, берущим упорством и выносливостью. Не вырабатывать, а отрабатывать версии было его стихией. К теоретикам он относился с должной долей иронии, признавая за ними некоторое право на существование. Но сейчас следовало идти в штаб полка и искать в списках офицерского состава фамилию и должность подозреваемого майора. Но такого в списках не оказалось. Капитан

насторожился. Вечером, улучив момент, он нырнул в палатку командира полка и конфиденциально изложил ситуацию.

— Галушко? Ах да, — вспомнил полковник Шапира, — это ветеринар, которого генерал Вохрамеев перед самым походом срочно откомандировал в полк. Я направил его помком роты во второй батальон. Возможно, он просто в спешке не успел пройти всех формальностей в канцелярии. Сами понимаете, боевая обстановка.

— Очень подозрительно, — думал капитан Головатый, шагая во второй батальон, — что делать ветеринару, да еще майору, в стрелковом полку, совершающему пеший марш в глубоком тылу противника?

Спустившись с гор, полк двигался только по ночам и пока удачно обходил стороной небольшие корейские городки и засевшие в них японские гарнизоны. Но вот наступила ночь, когда он понес первые потери и к тому же тяжелые — личный состав полка лишился горячего котлового питания. Попав в переделку, полк как ящерица ускользнул от врага, оставив ему свой хост — арьергард и полевые кухни. В ту злополучную ночь узкий серп луны освещал только вершины гор, внизу разливался чернильный мрак. Накрапывал дождь. По небу проносились тени облаков. Полк устало, но неудержимо шагало на юг среди шумящих на ветру полей гаоляна. Вдруг по цепи пробежала команда «Стой!». Это головная походная застава обнаружила японцев и благополучно отошла назад. Передние роты полка остановились, задние продолжали движение, налезая на передних. Отступить или обойти противника было невозможно. Командир полка, после короткого замешательства, приказал передать по цепи:

— Прорываться на юг. Кричать только «банзай» и «микадо». «Ура» и матерщину отставить.

В фанзе на окраине поселка Суон, который находился на пути 641-го полка, дремало японское боевое охранение. Солдаты, расстегнув ремни и сняв каски, лежали на полу, ожидая, когда сварится в кастрюле рис. Их командир, молоденький лейтенант Такаси Ямагута, при свете свечи читал книгу. Мирное потрескивание поленьев в очаге, бульканье кипящей воды и, наконец, книга создавали маленький островок душевного спокойствия, так напоминающий прежнюю жизнь в Стране восходящего солнца. Вдруг громкое «банзай» грубо вырвало его из страны грез, и, выскочив во двор, он увидел, как сквозь мрак к поселку бегут неясные серые тени. Сначала лейтенант опешил, но потом спохватился и неуверенно закричал: «Свои, свои! Сюда!» Однако тени пробежали мимо, выкрикивая «банзай» и «микадо», и эти крики постепенно затихали вдали. За первой волной теней последовала вторая, догоняющая и исторгающая грозное «ура!». Это был арьергард и полевые кухни, которые, следуя за головными подразделениями полка, как всегда

перепугали команду и теперь, атакуя, орали: «Ура!», «За Родину!», «К ... матери!»

Ситуация прояснилась. Мозаика событий сложилась наконец в голове лейтенанта в ясную картину — это части Красной Армии преследуют японский полк, солдаты которого, по древнему обычаю самураев, отступая, истошно вопят «банзай!» и призывают на помощь императора — «микадо». Лейтенант дал команду открыть огонь. Спасая «своих», японцы отсекали арьергард и рассеяли его по окрестным полям. Капитан Головатый находился в арьергарде и, когда пришло их время атаковать, вместе со всеми выскочил из гаоляна и, размахивая наганом, устремился к поселку, воодушевленно крича:

— За товарища Сталина! За Иосифа Виссарионыча!

Долговязый, он быстро вырвался вперед и почти нагнал последнего из первой цепи атакующих. К его удивлению им оказался майор Галушко, который не спеша семенил на коротких ножках и, согласно приказу, без остановки вопил: «Банзай, банзай!» «К своим бежит, гад, — подумал капитан Головатый. — Вот он, момент истины! Возьму живым». Он увеличил скорость. Жаль, что не увидит неприступная солдатка Нюра Ивашова, у которой он в последнее время квартировал в Ворошилов-Уссурийском и чьи полные бедра волновали его воображение, как он эластичным, длинным шагом настигнет агента и произнесет спокойно баритоном:

— Игра окончена, Галушко-сан. Вы арестованы.

Но тут затарахтели японские пулеметы и капитан с майором со всего маху плюхнулись на землю. А вместо пленительной Нюры Ивашовой появились японские солдаты в рваных башмаках и грязных обмотках, ведомые юным очкастым лейтенантом. Переговариваясь на своем птичьем языке, они обезоружили лежащих офицеров и погнали их перед собой в поселок Суон.

Квантунская армия агонизировала. Японцы отступали к югу, испытывая недостаток буквально во всем: в боеприпасах, в горючем, в продовольствии и в лошадях. Последнее обстоятельство, кстати, спасло от расстрела пленных офицеров. Их обыскали, избили, но оставили в живых, и теперь майор Галушко, стелая и матерясь, тащил повозку с больным японским полковником. Рядом с ним упирался грудью в шлею капитан Головатый, до последнего момента подозревавший в майоре Галушко японского шпиона, но майора, как и его, японцы запрягли в повозку и заставили играть роль санитарного мула, соответственно, выдавая пищевое довольствие соевым жмыхом. «Самая изощренная пытка, — тоскливо размышлял капитан Головатый, налегая на шлею, — это заставлять хомо сапиенса быть скотом». Но их мучения длились недолго, госпитальный обоз наконец пересек тридцать восьмую параллель и благополучно сдался в плен американцам.

История донесла до нас переписку двух могущественных ведомств, каждое из которых пропалывало сорняки на своей делянке, пока еще вполне мирно сосуществовавших рядом.

UNITED STATES ARMY

Сэр!

У нас находятся два господина без документов, которые утверждают, что являются офицерами Красной Армии: Федором Головатым и Иосифом Галушко, попавшими в японский плен во время прорыва 641-м полком вражеских позиций у поселка Суон.

Высылаю их фотографии и прошу удостоверить личности.

С уважением

Джек Гринберг, отдел контрразведки
6-й мотопехотной дивизии.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Тов. Гринбергу Джеку

На ваш запрос об установлении личностей двух фигурантов сообщаю, что капитан Головатый действительно значится в списках офицеров 641-го стрелкового полка, идентифицирован сослуживцами на фотографии № 1 по принадлежности.

Иосиф Галушко в списках офицеров упомянутого полка отсутствует.

Семяненко

Действующая армия п/п 3247

Джек Гринберг быстро пробежал глазами ответ, минуту помолчал и сказал:

— Вас, мистер Головатый, завтра отправим на родину, а вас, Галушко, в Сеул, в лагерь для перемещенных лиц.

Лицо капитана Головатого мгновенно просветлело, в то время как лицо майора Галушко покрыла тень, его сердце остановилось и упало куда-то вниз.

— Эх, Иосиф, знаешь ли ты, что такое мать-родина? — лежа на койке, философствовал капитан Головатый. — Американский дотошный порядок не по нутру русскому человеку, — он пренебрежительно ткнул пальцем в солдатское одеяло с четкой надписью «legs*». А пища... надоели мне эти бобы со свиной. Попаду к своим, наемся картошки, похлебаю ушицу, попарюсь в баньке... — Он мечтательно зажмурил глаза и улыбнулся.

---

* ноги (англ.).

Галушко вдруг беззвучно заплакал, он почувствовал себя совсем маленьким и покинутым. Такое чувство он испытал только однажды, в детстве, когда потерялся на харьковском вокзале и думал, что никогда больше не увидит маму.

Американский армейский «додж» доставил капитана Головатого в Кэсон, где его встретили два неулыбчивых офицера с артиллерийскими петлицами. Верхним чутьем Головатый ощутил в них своих коллег по ремеслу. Джек Гринберг угостил его напоследок сигаретой и, хлопнув по плечу, почему-то сказал: «Гуд бай, Теодор, не горькой». Офицеры уселись в «эмку», шофер дал газ — и автомобиль помчался, слегка дребезжа на булыжной мостовой.

Головатый сказал сам себе: «Ну все, дома». Закурил сигарету, с довольным видом откинулся на спинку сиденья и бросил в пространство: «Куда едем?» — «В санаторий», — мрачно ответил один из сопровождающих.

Обычно в этом месте рассказа дядя Иосиф брал тайм-аут, смачивал усы в пиве, сжевывал соленый сухарик и произносил, задумчиво глядя вверх голов слушателей:

— Если бы я вернулся в Союз, то тоже непременно поехал бы в тот санаторий.

Англоязычные слушатели согласно кивали головами и убежденно произносили: «Of course, of course, it's humanity», русскоязычные же слушатели загадочно усмехались.

В пригороде Сеула, граница которого незаметно переходила в поля чумизы, Галушко квартировал у оборотистого корейца дядюшки Кима, добывающего хлеб насущный в поте лица своего. Кроме кур дядюшка Ким имел еще быка-производителя симментальской породы, которым крыл окрестных коров. Фигурально выражаясь, бык кормил дядюшку Кима, а он кормил быка, но последний явно страдал отсутствием аппетита и худел прямо на глазах. Невесты больше не интересовали «симменталья», в его карих с поволокой глазах затаилась печаль. Грустным стал и дядюшка Ким, он никак не мог решиться отвести быка на живодерню, ибо это был столп финансового благополучия семьи из пяти человек. Профессиональным взглядом Галушко отметил у быка отек подчелюстного пространства и диагностировал Pygarginemosis. С трудом он уговорил недоверчивого старика давать животному ежедневно раствор йода. Через неделю бык выздоровел и начал быстро набирать вес, параллельно начал полнеть и дядюшка Ким. По округе прошел слух о счастливом исцелении «симменталья». Так взошла звезда ветеринара Галушко в Стране утренней свежести. Благодатная профессия снова начала кормить его, обозначая на горизонте еще не вполне ясные контуры грядущего жизненного успеха.

Так или почти так описывал дядя Иосиф свое неожиданное появление за границей в качестве перемещенного лица. Последние

двадцать лет он жил в городе Топика штата Канзас. В одном из писем он как-то заметил, что если Страна утренней свежести — это рай для ветеринаров, то Канзас для них просто Сакраменто*. Здесь масса сельскохозяйственных животных и не меньшее количество чудаков, по большей части выходцев из Шотландии, которые держат в своих домах любимых кошек, собак и рептилий. Ведь давно известно, *among scots even veterinary seems gentleman*, что Проходимов, вооружившись словарем, перевел как «среди скотов и ветеринар джентльмен», найдя в дядюшкином афоризме некоторую пикантность: мол, действительно — все относительно. Когда по стране зашумели слова «перестройка», «гласность» и рухнул «железный занавес», а с прилавков исчез даже хек серебристый, Проходимова необъяснимо сильно потянуло в Америку погостить. Великодушный дядя прислал ему вызов и авиабилеты на рейс Москва — Нью-Йорк. Готовя мужа к перелету, практичная Шура посоветовала ему взять с собой в Америку какой-нибудь товар на продажу.

— Валенки для эскимосов, — съехидничал Проходимов.

— Не будь дураком, что именно — спроси у дяди, — отпарировала Шура.

Чем ближе подходило время отлета в Америку, тем интенсивней становился радиобмен между Топикой и Членском.

— Что привезти на продажу? — орал в трубку Проходимов.

— Произведения искусства, — донеслось из Топики.

— Какие?

— Эндемики, — таинственно ответил дядя, — здесь могут пойти только эндемики.

— Не понял... — крикнул Проходимов.

Тут в трубку ворвалась бодрая мелодия и энергичный мужской голос сообщил, что уже почтовый пакуется груз, но его адрес не дом и не улица — его адрес Советский Союз... и связь с Топикой прервалась. Проходимов выругался.

— Ему нужны исключительно эндемики, — опуская трубку на рычаг, озабоченно сказал он жене.

— Что это такое? — спросила Шура.

— Возможно, новое течение в живописи, — ответил Проходимов.

Шура открыла книжный шкаф и взяла с полки Советский Энциклопедический словарь.

«Эндемики, — прочитала она, — виды растений и животных, свойственные относительно небольшой территории, напр. европ. протей — пещерам Югославии и Юж. Австрии, секвойядендрон — склонам гор Сьерра-Невада (Калифорния). Э. противопоставляются космополитам».

---

* Сакраменто край богатый, там золото гребут лопатой (*амер. песенка*).

Шура удивленно посмотрела на Проходимова:

— Причем здесь животные, секвойи и безродные космополиты?

— Понял! — ударил себя ладонью по лбу Проходимов. — Это метафора. Он имел в виду произведения искусства, которые вырабатываются только здесь, в Членске, и нигде больше в мире.

— Что это может быть? — спросила Шура.

— Я знаю? Ну, гравюры на стали, художественное литье из чугуна, шкатулки и разные штучки из камня, — ответил навскидку Проходимов.

— Ты должен послать дяде Иосифу фотографии этих вещей. Что он выберет, то и повезешь, — рассудительно заметила Шура.

— Верно! — воскликнул Проходимов.

Вскоре небольшая бандероль с цветными фотографиями образцов полетела в Америку. Дядя ответил тотчас телефонным звонком.

— Посмотрел фотографии, — деловито сказал он. — Литье не пойдет. У меня самого в холле стоят фигурки энімалс из бронзы, изделия фирмы Ремингтон, более художественные и динамичные, чем ваши.

— Гравюры на стали? — с надеждой в голосе спросил Проходимов.

— Темный фон, даже мрачный, американцы этого не любят, — ответил дядя.

— Шкатулки?

— Что в них хранить?

— Драгоценности.

— Мальчик, американцы драгоценности хранят в сейфах.

— Остаются только каменные яйца... — начал Проходимов.

— Вот они-то мне понравились, — перебил его дядя, — таких я нигде не видел. Это настоящие эндемики.

— Значит, яйца?

— Да, вези яйца. Все будет о'кей, — подтвердил дядя Иосиф.

Это произведение искусства, именуемое в прејскуранте «яйцо пасхальное», представляло собой стоящий на подставке обточенный в форме яйца кусок селенита, который венчал литой крест с распятым Христом. Такие изделия вырабатывало малое предприятие города Членска, именующееся «Артель свободных камнерезов».

В артель Проходимов попал в обед, когда свободные камнерезы играли в домино и нисколько не удивились оптовому покупателю. Товар расходился бойко. Незадолго до отлета родственники собрались у Проходимовых попрощаться и выпить, так сказать, на посошок. Все восхищались товаром и деловой сметкой Проходимова. Только тесть Андрей Иванович Вылка, глядя на пасхальные яйца, иронически хмыкал, но его можно понять — он не был православным.

Незадолго до начала войны Андрей Иванович окончил зоотехникум и начал работать осеменителем на свиноферме подмосковного совхоза имени Ленина. В мае 1941 года к Андрею Ивановичу пристал рыжий, очкастый писатель, пытал его вопросами и, отобедав в совхозной столовой, сказал, что напишет о нем очерк: мол, ты, Андрей Иванович, первый в стране ненец-осеменитель, представитель неграмотного прежде народа, в руки которого советская власть вложила рычаг воздействия на поголовье сельскохозяйственных животных. Андрей Иванович засмутился и, посмотрев на свои руки, сказал:

— Нескромно, однако.

— Зато актуально, братец, — успокоил его писатель, макая хлеб в деревенскую сметану.

Очерк появился в конце июля. Начальник Управления НКВД по Московской области, тощий и хватистый генерал Щукин сидел за столом и медленно жевал надоевшую паровую котлетку, боясь всколыхнуть притаившуюся боль. Как у всехязвенников, выражение лица у него было кислое. По давней привычке он просматривал за обедом газеты. Его взгляд уперся в скучный очерк о знаменитом подмосковном совхозе. Генерал прочитал: «...товарищ Вылка первый немец осеменитель, представитель неграмотного прежде народа...»

Генерал удивился и прочитал еще раз. Действительно немец. Гнев волной напелзал изнутри. «Не выполнили, черти. Работают спустя рукава, мать иху... — подумал он о подчиненных. — Был же циркуляр — всех немцев из столицы и области отправить на восток. Газета может попасть на глаза руководству, и тогда...»

У Щукина похолодели лопатки, в желудке завозился зверь. Резким движением он схватил телефонную трубку.

Андрея Ивановича среди ночи доставили в райотдел НКВД и отобрали паспорт.

— Поедешь в Членск строить металлургический завод, — сообщили ему.

— Профессия? — спросил писарь.

— Осеменитель я, — с достоинством ответил Андрей Иванович.

— Иди, иди... Домну там будешь осеменять, — заторопил майор, выпроваживая его из кабинета.

Слова майора сбылись на сто процентов, что еще больше повысило авторитет органов в глазах Андрея Ивановича. Прибыв в Членск, в трудовой лагерь немцев-переселенцев, Андрей Иванович вскоре женился на Домне Карловне Клотц и разделил все тяготы репрессированного народа, со временем даже вошел в лютеранскую общину и стал протестантом.

Наконец Андрей Иванович перестал хмыкать и заявил, что православные свободные камнерезы водружают на яйцо почему-то

прямой католический крест и, вообще, распятый Христос — это символ католиков. Проходимов заволновался, ибо тесть слыл религиозным авторитетом.

— Ну и хорошо, — нашлась Шура, — ведь половина американцев католики, я об этом читала.

В аэропорту «Шереметьево» с рюкзаком пасхальных яиц за спиной бородатый Проходимов напоминал возвращающегося из экспедиции палеонтолога, собравшего окаменелые яйца ископаемых динозавров. У длинной стойки два неумолимых таможенника потрошили багаж пассажиров, но только российских, как ревниво заметил Проходимов, иностранцев они не трогали.

— Крест золотой? — спросил 1-й таможенник, внимательно рассматривая яйцо.

— Золотой, — ответил Проходимов.

Таможенник капнул азотной кислотой, на животе Христа показалось зеленое пятнышко.

— Перестаньте шутить, мы на работе. Почему так много яиц?

— Подарки родственникам, а их много.

— Всем одинаковые?

— Что еще можно купить в наших магазинах? — вопросом на вопрос ответил Проходимов.

— Степаныч, постукай яйца, — подал голос 2-й таможенник.

1-й таможенник маленьким молоточком начал простукивать яйца, напряженно вслушиваясь в получающийся звук, словно ожидал услышать ответный писк птенца.

— Полые? — спросил 2-й таможенник, когда 1-й устало опустил на стойку последнее, шестьдесят четвертое яйцо.

— Вроде нет.

— Пропускай, — дал команду 2-й таможенник.

По ту сторону Атлантического океана, в аэропорту имени Кеннеди, где концентрация чудаков самая высокая в мире, никто не обратил внимания на человека с зачаточным знанием английского языка, в кожаном лапсердаке и с мешком пасхальных яиц за спиной. Через три часа Проходимов благополучно перелетел в Топику. В аэропорту его встречал дядя Иосиф. Седоусый, приземистый старичок в шортах. На его майке во всю ширину груди вызывающе алела надпись: «Kansas globe-trotter».

— Канзасский землепроходец, что ли? — неуверенно перевел Проходимов.

Они обнялись.

— Ого, оптовик, — с уважением произнес дядя Иосиф, пытаясь оторвать от пола рюкзак Проходимова. — Акула международного бизнеса.

На другой день они поехали продавать яйца.

— Что это? — спросил антиквар.

— Пасхальное яйцо из России — произведение искусства, — пояснил дядя.

— Какого? — снова спросил антиквар.

— Социалистического... Нет, постсоциалистического... — запутался дядя в искусствоведческой терминологии. — Камнерезного.

Антиквар взял лупу и прильнул к яйцу. Лучик солнца, попавший в ее фокус, обежал яйцо кругом и остановился.

— Это не ручная работа, сэр, — заключил антиквар.

— Конечно, — подтвердил дядя.

— Это массовая продукция. Каково ее практическое применение?

— Никакого. Просто любоваться...

— К этой вещи не прикасалась рука художника. Извините, сэр, я не могу купить ее у вас, — сказал антиквар. — Я покупаю только произведения искусства. Может быть, в России это считается произведением искусства, но в Канзасе — нет. Вам мой совет: предложите ее какому-нибудь католику.

Всю обратную дорогу дядя сердито молчал, насупившись крутил штурвал своего «Форда» и лишь изредка повторял: «Католики — алкоголики. Практическое применение ищет идиот. Практическое применение...»

Вдруг он закричал «Эврика!» и, обернувшись к Проходимову, пояснил:

— Не унывай, племянник, мы их все равно продадим.

Дома он сразу подошел к телефону, висевшему на стене в холле, и позвонил:

— Мартин? Хай. Это Джозеф Галушко, — сказал он по-русски. — Что нового? Несушки здоровы? Сколько их у тебя? Уже тысяча! Молодец. Нужны тебе подкладные яйца? По доллару штука. Ну, хорошо, по восемьдесят центов. Сколько возьмешь? Шестьдесят. О'кей. Вечером приеду. Как супруга? Ей привет. Из России пишут? Мейк мани. Бай.

Проходимов в мозгу со скоростью арифмометра просчитывал убытки:

— Купил за полтора доллара, продаю за восемьдесят центов...

Дядя достал из холодильника две баночки с пивом, протянул одну Проходимову, ощупал его внимательным взглядом диагноста и сказал:

— Что ты такой понурый, как шотландский пони? Брось расстраиваться. Торговля — дело скользкое. Лучше выпей пива, расслабься. Завтра поедем смотреть Биг-Кэньон. Там воспарить духом и поймешь, как мелки твои неприятности против этого чуда природы.

Вернувшись в Членск слегка оглушенным Америкой, Проходимов доставил подарки от дядюшки, или, вернее, от маленькой части русской колонии Топики, сплоченной вокруг ветеринарной на-

уки. Себе Проходимов привез двухкассетник и плеер с наушниками, Шура платья, кофты и бижутерию, Андрею Ивановичу часы «Seiko», умный прибор, сообщающий время человеческим голосом, но только по-английски. К чести Андрея Ивановича следует сказать, что он пошел в библиотеку и взял русско-английский разговорник. Поначалу, словно нетерпеливый любовник, он то и дело спрашивал время. Сквозь сон Проходимов слышал, как тесть за стенкой кричал своим козлиным тенорком:

— What time is it?

Через несколько секунд в полнейшей тишине раздавалось:

— A midnight (полночь).

Вскоре Проходимов всем надоел своими сравнениями американских и российских реалей, конечно, не в пользу последних. Он усиленно агитировал Шуру бросить все и уехать в Америку, мысленно он уже был там, потому что иногда он вставлял некстати:

— А вот у нас в Штатах...

Эти приступы «антипатриотизма» пошли на убыль после одного примечательного случая.

Проходимова замучил застарелый геморрой, и Шура решила положить его в городскую больницу № 1, где резали виртуозно, но главный врач, придерживаясь сословных и территориальных предрассудков, согласился провести операцию «чужака» при условии, если больница получит за это кислород. Шура, работавшая в отделе взаимозачетов тракторного завода, отправила на кислородный запчасти для бульдозеров. В суете, чтобы не запутаться и не забыть, она написала сверху на сопроводительных документах мелкими буквами «геморрой». Запчасти были обменены на восемь баллонов кислорода, которые Шура отвезла на грузовике в больницу. На другой день со своей простыней, кружкой и ложкой туда отправился Проходимов, выражая лицом готовность к неизбежным страданиям, словно христианин времен императора Нерона. Через короткое время кислородный завод осуществил бартер, обменяв «геморрой» на шестьдесят тысяч киловатт-часов электроэнергии у Облэнерго, а последняя организация, в свою очередь, расплатилась этой болезнью с монополистами газа. Таким образом «геморрой» скрылся в ямало-ненецкой тундре и дальнейшие повороты его судьбы закрыла полярная ночь. Когда в очередной раз Проходимов нудным голосом затянул было: «А вот в Америке...» — Шура, пришедшая в больницу навестить его, спросила неожиданно:

— Скажи, там медицина дорогая?

— Но высокий уровень обслуживания...

— Заткнись, — сказала Шура, — там за это обслуживание мы бы заплатили долларами, а здесь ограничились «геморроем».

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

ВИКТОР САНЧУК

Из цикла «Картинки на воде»

Когда одна (м-м, да...), как трибунал,
меня почти приговорила к вышке
лет в тридцать семь, читатель, я слинял
с той КПЗ. Кричали вслед братишки:
«Стой! Лжец ты, а не жрец! Ты не догнал! —
Клади свои в крови мозги и кишки
последних строк!» — Друзья, идите в кал! —
я отвечал, — и с вами — ваши книжки.
(О книжках, кстати, тут уж раз сказал
один пахан. Но то — его делишки).

Видать, в зачет, видать, за то прощен,
что вызнал тут: бывает грусть такую,
что в зависть всем, кто верно обращен,
и тем — ботаникам средневековья,
и щелкоперам, любящим трещот,
мог сам без промаха нажать рукою
там, где взлетев уже, душа еще
в никчемном теле плющится, чтоб кровью
подпачкивать схоластики расчет.
(Так в те деньки мне думалось порою.)

«Куда ж нам плыть...» Да нет! Куда бежать?
Куда б смотать себя, как провод тонкий?
(В пень тонкость!) Если уж пришлось ступить
в мир этих лет болотистый и топкий, —
где вплавь, где вброд, — так, эдак... Вот ведь, гать
и до сих пор не кинули... Подонки!

И сколько ж это ртом тут ночь хватать?
И вместо титек Таньки или Томки,
хвататься, вдох пытаюсь удержать,
за этих рифм обломные соломки?

Базланят, будто в здешние леса
войдя, вот так мой друг плутал когда-то —
брус для крыльца ли, спиц для колеса
искал — и встретил — вроде как солдата,
иль беглого, иль зверьего ловца,
иль (со спины ж ведь) — черт ли шутит — брата?
(Одно навряд — пропащего отца.)
«Стой!» — Тот стоит... Окликнул (не без мата) —
так оборачиваться стал... Лиса
метнулась. Вон — ползет в прорешках вата...
Тут видит друг: нет у него лица!
(Конца не видно — там пола бушлата.)

И мчался друг, крича, не чуя ног, —
пульс колотился залпами орудий
всех тех, когда войны российский бог
вершит свое одно из правосудий,
(теперь грозя все больше — на восток,
что, очевидно, не меняет сути).
Так мчался в ночь, топча траву, песок,
еще быстрее, чем я к той самой Люде.
Вдруг — как во тьме окно — там огонек.
Чуть успокоился и понял: люди!

Теперь о ней. Залезла в Интернет.
Хоть я бы лично по такой погоде
с ней предпочел бы в койку. Так ведь нет!
Меня прокинув, как какой Мавроди,
сказала: «Чао! Но дать хочу совет:
меня забудь, проветришь на природе,
глядишь и выдашь нам — что там — сонет?
Иль — на худой конец — попробуй в оде...»
(Хоть я бы лично предпочел минет.
Иль что-нибудь другое в том же роде.)

Вот кончу опус. Что мне делать с ним?
Ну, в смысле — с опусом? Язык (тьфу!) сочен,
да не приличен, — скажет господин
знакомый критик, — рифмы строй не точен,
не в лад стоит (опять!) вопрос. Басин-

скому давать (блядь!) и не стоит. Впрочем, как на журфиксе мне сказал один (который правда сильно озабочен): «Бывает, что и критик — не кретин». (В чем я, конечно, сомневаюсь очень.)

Литературы душевные пары — как флирт на кухне у М. Айзенберга. А я, видать, навек раб той поры, когда от Кушки вплоть до Кенигсберга — по городам на площадях костры... дым кухонь полевых... и Вера-Верка — со мной, чтоб мне дарить свои дары — звезд дырочки и проч. Нам с нею дверка открыта верх. Ведь мы внутри игры: последний раунд эпохи Гутенберга.

Итак, к костру чужому вышел друг. Там были люди. Пахло жженой паклей, чем-то еще. Смирняя свой испуг, присел, стал сбивчиво им бормотать, мол, враг ли, монстр в чаще там, — но, блин, безлик он! Звук смешков мышиных пробежал. «Не так ли?» — сказал один, рукой провел, и вдруг исчезли лица у людей. Иссякли, словно вода. Тогда замкнулся круг. Так умер друг. Финита в ля-спектакле.

Неужто ж, ночь, так собственной рукой жизнь, словно уже треснувшую чашку мою смахнуть решишься? Боже мой! — не буду врать: мне очень страшно. Бражки хоть бы залил в меня друган какой! (Да все окрест — хмыри и чебурашки.) Где Леха... Саня... Серый... Вадик... В бой тот вышел весь, тот отбыл в каталажке. И я иду один по мостовой. И по спине моей — толпой мурашки.

ЕВГЕНИЙ ШКЛОВСКИЙ

Клуб Т. (Хроника одной ночи)

20.00 — Появился методист и доложил, что пятая группа полностью укомплектована. Десять человек — все в точности по инструкции. Проведена так же первичная спайка — дегустация в армянском ресторане малокалорийных блюд (в общей сложности около двадцати) и раздача импортной одежды 56—58-го размеров. На дегустацию были приглашены представители крупнейших газет, в том числе и зарубежных, радио и телевидение. Репортажи, по имеющимся сведениям, должны появиться уже в ближайших выпусках и будут проанализированы специальной аналитической группой.

21.00 — Заслушано сообщение методиста 12-й группы, недавно переведенной во вторую, продвинутую категорию. В группе состоялся сеанс взаимного общения, подтвердивший плодотворность выдвинутой президентом идеи вечеров вопросов и ответов. Эффективность предложенного метода, доработанного на основе этой идеи интеллектуальным центром, получила очень высокую оценку по шкале т-дегри. Все члены президиума бурно поаплодировали просиявшему президенту, который тем не менее предложил посвящать специальное заседание анализу сеанса и его результатам (свидетельство трезвости и ответственности).

22.00 — Обсуждалась срочная информация об открытии сразу пяти филиалов (любимые цифры президента — пять и десять) клуба в разных концах страны. На всех пяти присутствовали члены президиума, каждый из которых привез письменный отчет (описание и комментарии). Секретариат, куда были сданы отчеты, свел их в один и выработал на этой основе некоторые рекомендации. Голосованием один к пяти (один против, шесть за, воздержавшихся не

было) рекомендации были приняты. Также было принято решение перевести в банки по месту нахождения филиалов определенные суммы (довольно крупные) на текущие расходы и оплату работы методистов. Отдельно было отмечено, что на открытии филиала в городе Н. новые члены держали портрет президента.

23.00 — Состоялся прием делегации из самого крупного филиала клуба в СПб. После краткой, но, как всегда, яркой и экспрессивной речи президента все участники встречи выпили по бокалу шампанского. В выступлении президента была поставлена новая важная задача — добиваться от парламента признания людей с избыточным весом самостоятельным социальным слоем. Президент сообщил, что, по самым свежим статистическим данным, предоставленным президиуму клуба (по спецзаказу), люди с избыточным весом составляют почти треть всего населения страны. «Надеюсь, вы понимаете, что это значит?» — как бы в скобках заметил, многозначительно понизив голос, выступавший. После секундной паузы тишину разорвал шквал рукоплесканий.

24.00 — Рассмотрен проект четырехполосной еженедельной газеты клуба, представленный ее главным редактором и заведующим службой информации клуба, которой надлежало снабжать газету специальными материалами. Президиум утвердил название газеты «Т-ньюс» и установил первоначальный тираж в сто тысяч экземпляров. В качестве одного из обязательных условий членства в клубе признана подписка на «Т-ньюс». Первый номер было решено открыть передовой главного редактора и большой статьей президента, посвященной истории создания клуба и его задачам. Статья президента набрана была давно и прочитана членами президиума накануне обсуждения. Все горячо одобрили ее за демократические установки, отметив также изящный стиль автора, что привело его в некоторое смущение (скромность). Решено было рекомендовать статью для изучения на специально организованных семинарах, а в группах начальной подготовки провести по ней зачет, необходимый для перевода группы в следующую категорию.

0.40 — Обсуждалась идеологически очень важная статья, подготовленная по согласованию с президиумом и конкретно с президентом к публикации в одной из самых читаемых в стране газет «Но пассаран». В материале осуждалось известное произведение писателя Ю.О. «Три толстяка» за его расистский подтекст, а также вскрывалась полная художественная беспомощность автора. Талантливый журналист ярко и наглядно продемонстрировал, как и чьи усилия создавался вокруг Ю.О. миф о его мастерстве, выявил его истоки. Ю.О., чутко уловив социальный заказ своего боль-

шевистского времени, подменил политические признаки физическими. В результате толщина человека стала ассоциироваться с зажиточностью и буржуазностью, что провоцировало неприязнь и даже классовую ненависть к людям с избыточным весом и приводило к разного рода эксцессам, а то и к откровенной травле. Статья была единодушно одобрена.

1.00 — Стало известно, что президент отдает в дар клубу свой роскошный «Линкольн» образца 1983 года, где на заднем сиденье свободно размещались даже три очень толстых человека. Президиум в полном составе спустился во двор офиса, где состоялась торжественная передача «Линкольна». Тут же было решено превратить автомобиль, в котором некогда вынашивалась идея создания клуба, в музейный экспонат, а по назначению использовать лишь в самых экстраординарных случаях.

1.40 — Состоялось учреждение службы безопасности клуба. Ее начальником был единодушно назначен «самый сильный человек мира», неоднократный чемпион первенств по тяжелой атлетике, а также победитель ряда соревнований борцов сумо. По предложению одного из членов президиума двое охранников были выделены персонально для президента.

2.30 — Организовано бюро пропаганды клуба, которое должно было осуществлять контакт со средствами массовой информации, разного рода публичные мероприятия, а также отслеживать совместно с аналитической группой и службой информации все, что писалось и говорилось о клубе, а также в самом клубе, брать на заметку всех сторонников и активистов движения, а также его противников и конкурентов.

3.00 — Заслушано сообщение председателя координационного совета о привлечении новых членов клуба из состава нынешнего правительства. Предпринятые по инициативе президента действия имели безусловный успех: членами клуба стали четыре министра и более пятнадцати человек из аппарата. Следующим этапом был парламент, где уже была развернута бурная деятельность. Были обсуждены предполагаемые кандидатуры. Президент довольно потер руки и с тонкой улыбкой заметил, что еще немного и они приготовят недурное лобби (шутка удалась, как почти все шутки президента, обычно имеющие излюбленный членами президиума гастрономический оттенок).

4.00 — Составлен план благотворительного вечера для людей с избыточным весом Юго-Западного округа. Зал уже был арендо-

ван в гостинице «Турист», куда должны были подвезти фургоны с вещами и продуктами питания. Достигнута договоренность с рядом крупных спонсорских организаций, а также привлечены для участия в вечере наиболее популярные артисты и музыканты, поэты и художники, модельеры, бизнесмены и политики. По количеству звезд, принимающих участие в вечере, тот должен был стать настоящей сенсацией, что, естественно, должно было еще выше поднять престиж клуба.

5.20 — Художники принесли только что законченный плакат. На нем было изображено оранжевое пылающее солнце, в котором явно угадывалась фигура очень полного человека (ненавязчиво — президента), в лучах которого живописно вырисовывался рог изобилия, а из него молочно-кисельной струей изливались буквы-цветы: «С нами — в будущее!» Плакат был одобрен и тут же увезен в типографию.

6.00 — По предложению президента при клубе организована секция худых, любящих толстых. Президент зачитал вслух письмо молодого человека из Актюбинской области, в котором тот восторженно писал, что надеется с помощью клуба обрести наконец семейное счастье. Сам он вполне нормальной комплекции, разве что с некоторой склонностью к худобе, но совершенно не мыслит себе семьи без полной жены, так как именно полнота для него — признак женственности, женской доброты и притягательности. Полная женщина сама по себе для него олицетворение домашнего тепла и уюта, и ни на какой другой он никогда не женится, сомнений быть не может. Письмо было прочитано как образец, как показательный пример множества других похожих писем, а президент обычно сам просматривал всю корреспонденцию, несмотря на двух референтов из аналитической группы. В этой связи президент выдвинул идею — создать при клубе службу знакомств, а каждую удачно подобравшуюся супружескую пару награждать бесплатной путевкой в какой-нибудь комфортабельный санаторий или дом отдыха.

6.30 — Президиум исключил из членов клуба двух мужчин и одну женщину, напечатавших в заштатной газетенке заметку с критикой деятельности клуба и, в частности, президента (благодаря которому все вообще и происходит). Заметка была оценена как несвоевременная, подрывающая положение клуба, только-только начавшее укрепляться. Некоторые утверждения авторов заметки признаны абсолютно голословными, не имеющими никакого фактического подтверждения. Кроме того, заметка написана грубым, разнузданным, почти хамским тоном, вызвавшим всеобщее искреннее воз-

мущение. Президент, однако, предложил сохранить эту заметку как прецедент, а для ее авторов оставить возможность восстановления членства при условии их полезной для клуба деятельности. «Только взаимопомощь и взаимная поддержка всех членов превратят наш клуб в подлинный дом для каждого» — слова президента, записанные в протокол заседания.

7.00 — Президент зачитал еще одно письмо из провинции, адресованное уже лично ему, но тоже чрезвычайно характерное и потому, безусловно, заслуживающее обнародования. Юноша девятнадцати лет изливал душу: «Можно сказать, всю мою сознательную жизнь я чувствовал себя изгоем из-за своего избыточного веса. Насмешки и издевательства сопровождали меня буквально с детского сада. Я предпочитал оставаться один дома, лишь бы не выходить во двор, где играли и развлекались мои сверстники. Несколько раз я был на грани жизни и смерти, потому что не видел для себя никакого выхода. Я был уверен, что ни одна девушка не сможет меня полюбить. Но теперь я убежден, что в моей жизни все непременно устроится, все обязательно будет в порядке. Больше того, я пришел к выводу, что именно полным людям как познавшим страдание и отверженность суждено внести весомую лепту в преобразование нашего несовершенного общества и повести его к светлым далям. Этим оптимистическим выводом я обязан клубу и лично Вам...». Тут президент оборвал чтение, поскольку дальше следовали слова в адрес его персоны (из скромности). Из письма совершенно явственно следовало, что деятельность клуба, распространяющаяся все шире и шире по городам и весям страны, горячо поддерживается населением, что его приверженцев и участников все больше и больше и что клуб и его руководство на правильном пути...

7.30 — Заслушано сообщение начальника службы здоровья клуба, академика, доктора медицинских наук Р., в котором он на основании углубленной проработки многих отечественных и зарубежных источников сделал важнейший вывод, что избыточный вес — не только не патология, но совершенно особый, не только вполне нормальный, но и весьма перспективный для будущих поколений генетический код. Было решено продолжить начатые исследования, привлекая к ним наиболее крупных специалистов в этой области. «Средства мы найдем», — твердо заявил президент.

8.30 — Все члены президиума и большого совета, включая всех находившихся к этому часу в клубе сотрудников и обслуживающий персонал, спустились вниз, чтобы проводить президента, уезжав-

шего в длительную заграничную командировку для установления и укрепления зарубежных связей. Президент вез целый пакет предложений западным партнерам и заинтересованным лицам на самом высоком уровне, открывающих необозримые перспективы. Прежде чем сесть в новый «БМВ», сменивший подаренный клубу «Линкольн», президент крепко и горячо пожал всем провожавшим руки, а уже в автомобиле поднял большой белый кулак: «Рот фронт».

Среди провожавших прокатилось негромкое, но единодушное «Ура!»

Ура!!!

КИРИЛЛ КУТАЛОВ

Вечное

Автор молод. Строен и пригож. Он сидит и размышляет о главном. О том, что неплохо бы написать какое-нибудь произведение. Он еще сам не знает, какое именно, но отчего-то уверен, будто это будет вовсе не так плохо.

Автор вспоминает прошлое.

Вот он ребенок, тощий, с большой головой, из-за которой весь двор дразнит его «жирным». Он-то знает, что вовсе не такой жирный, но доказать ничего не может — голову не уменьшишь. Маленький автор обижен. Он даже иногда плачет от бессилия, однако жаловаться не хочет — что толку? А если бы и сделался вдруг какой-то толк, то все равно — что толку? Детство автора прошло чрезвычайно бестолково.

Вот он отрок, с прыщавой кожей и такой же тощий, из-за чего весь класс думает, будто он слабак. На самом деле он вовсе не слабак, однако в детстве автора так крепко задразнили, что теперь он любое оскорбление готов принимать всерьез и верить ему безоговорочно. Скажите автору-отроку, что он убил свою мать, и он поверит. Автору нравится девочка, которая сидит на первой парте. Девочке нравится отрок Толик, не по годам высокий, крепкий и, что самое обидное, начисто лишенный прыщей на физиономии. Автор Толика немного побаивается, однако не уважает. Иногда, перед сном, в ванной комнате, выдавив какой-нибудь сочный прыщ, автор наблюдает, как кожа вокруг него становится бордовой. Автор плачет от бессилия. Он мог бы заняться спортом, сделаться крепким и жизнерадостным, но не хочет. Что, спрашивается, толку? Все равно прыщи не выведешь, а все кругом всегда будут знать, что он слабак, который боится Толика. Отрочество автора — жуткая смесь страха, прыщей и бестолковости.

Вот он подросток, ладно сложенный, даже спортивный, на его лице прыщи и вдумчивые глаза, из-за которых все вокруг считают его зубрилой. Если честно, то не такой уж он и зубрила, прилежно учиться его заставляют родители, которых он немного побаивается. Ему больше не нравится девочка с первой парты, а нравится девочка с третьей парты, но вот беда — она прямо-таки влюблена в того же Толика. Автор изредка обижает Толика, но как следует выяснить отношения с Толиком ему мешают домашние задания, которые автор привык делать с тщательностью, а на это уходит много времени. На Толика времени почти не остается. Автор приглашает девочку с третьей парты в кино, однако та не приходит, подослав вместо себя свою подругу — толстую некрасивую тупицу, которую хочется утопить в унитазе. Автор рад бы сбежать с сеанса, но не хочет обидеть даже такую уродину. А если бы и хотел — что толку? Подростковый период для автора — сплошные неудачи в личной жизни, нехватка времени, биология с химией, прыщи и гнетущая бестолковость.

Вот он юноша. Он ходит в драных джинсах, шляется по Арбату, поет песни вместе с хиппи, курит анашу с панками и время от времени пьет водку, за что слышит разгильдяем. Хотя автор никогда разгильдяем не был, просто-напросто он влюблен в девушку, которая сама любит пошляться по Арбату и покурить анашу. Девушки этой автор немного побаивается. К тому же время от времени на лбу и носу автора некстати появляются прыщи. Автор пытается объяснить девушке в любви, но та столь пристально на него смотрит, что слова застревают у автора в горле, он немеет, заикается, краснеет и к ужасу своему понимает, что вспотел. А от пота, как известно, прыщи не уменьшаются, а наоборот. В результате автору снится сон, будто он топит свою возлюбленную в унитазе. Автор просыпается в слезах — он рыдает от ненависти к себе. Он читает Фрейда, еще больше расстраивается, ненавидит родителей, вновь засыпает только под утро и опаздывает в школу, где доучивается последний год. Он мог бы бросить школу, но что толку? Юность автора состоит из ненависти к отцу, запаха плохих сигарет, прыщей, неудовлетворенной сексуальности и экзистенциальной бестолковости.

Вот автор в пору студенчества. Он часто появляется в строгом костюме, хотя костюм, а тем более строгий, автору вовсе не к лицу. Он ходит с бледным и мечтательным лицом, он лохмат и неуравновешен, из-за чего к нему пристала слава отнюдь не гения, как ему бы хотелось, а просто несерьезного человека. На самом-то деле автор весьма и весьма серьезен, но он чересчур погружен в себя и подчас не понимает, что о нем могут подумать. Он совершает глупые и несуразные поступки один за другим — делает не то, что хочет, а когда делает именно то, что хочет, то как правило результат

не совпадает с желаемым. Автор недоумевает и нервничает, он суетится и много курит, пьет всякую дрянь и не особенно разборчив в знакомствах. От беспорядочной жизни у него нарушается обмен веществ и на лбу вновь вылезают прыщи. На этот раз не просто маленькие красненькие точки, а огромные наливные плоды. Автор пишет первые свои рассказы, но они выходят несколько бестолковыми, большей частью по той причине, что доделывать и переделывать рассказы автору лень. А если даже переделать, то что толку? Все равно не напечатают. Студенчество автора — пора горящего взора, предчувствия чахотки, хаотичной влюбленности в студенток, судорожного выковыривания из мозгов курсовой работы, пора прыщей и расползающейся бестолковости.

Автор перестает вспоминать прошлое и встает из-за стола. Он подходит к большому зеркалу в прихожей, глядится в него и ищет нечто в настоящем.

В настоящем автор, как уже было сказано, пригож и строен. Он пишет рассказы и повести, выступает публично, а также печатает свои статьи в журнале, из-за чего производит впечатление таланта. Однако впечатление обманчиво, и автор это знает. На самом деле никакой он не талант, он лентяй и пьяница, у которого есть свободное время для занятий графоманией. Знание такого рода губительно воздействует на изможденную алкоголем психику автора — он еще больше пьет, занимает деньги у всех знакомых и не очень знакомых, записывает на счет в баре, клянчит сигареты у прохожих, устраивает скандалы жене, с которой, кстати говоря, не расписан, а живет вопреки всем божеским и некоторым человеческим законам. Нервное и полуголодное существование, ночные бдения за письменным столом, а также вино еще не сделали своего черного дела — не разрушили окончательно организм автора, однако на его лице появились первые тревожные признаки. Прыщи. Автор пытается их лечить. На время прыщи исчезают. Однако вместе с ними исчезают и деньги. Автор перестает писать статьи, садится у себя в комнате за письменный стол и строчит рассказы и повести. Настрочив их порядочно, автор бестолково мечется по редакциям в надежде пристроить хотя бы что-то. Но тщетно. Автор начинает пить. Конечно, он мог бы некоторым образом упорядочить свою жизнь, например меньше пить, да что, спрашивается, толку? Настоящее автора собрано из тягот быта, алкоголя, ссор с женой, периодического безденежья, долгов, графоманских повестей, прыщей и порядком надоевшей автору бестолковости.

Пораженный открывшейся картиной, автор в настоящем столбенеет перед зеркалом и, как всякий остолбеневший, падает на спину. Хотя не исключено, что некоторые остолбеневшие падают не на спину, а на живот, а кое-кто даже на бок. Но автор падает на спину. При этом сильно ударяется затылком об пол, отчего момен-

тально теряет сознание и переходит в мир грез и предчувствий. Автору является ангел, что ведет его по усеянной лепестками роз тропе к неким вратам, за которыми сокрыто будущее. Однако хитрый ангел не спешит открыть врата, а всего лишь указывает автору на замочную скважину, сквозь которую и предлагает посмотреть. Скважина, надо сказать, достаточно большая.

Автор видит себя через три года. Случайно попавший к модному издателю, его рассказ произвел некоторый фурор. Автора сочли модным автором, предложили печататься сразу в нескольких журналах, даже вручили какую-то премию, естественно, как модному автору. Однако сам автор себя модным вовсе не считает. Он удивляется, отчего это всем взбрело в голову искать в его произведениях то, чего он сам в них никогда не находил, а если и находил, то лишь от скуки, чтобы хоть как-то себя занять. Автор то и дело появляется на телеэкранах, но пока единственно в роли статиста на всяческих светских вечеринках и приемах. Автора, в числе нескольких прочих авторов, называют открытием года. Жена автора, не выдержав напряженной светской жизни, уходит от него к никому не известному фотографу. Какое-то время автор сильно пьет, но пока что не запоями. Вскоре место жены занимает фотомодель. Автор увлекается наркотиками. Однажды утром, выпив для поправки бутылочку немецкого пива, автор идет в ванную комнату бриться, смотрит на себя в зеркало и видит красноватый прыщ на переносице. Он в панике — ведь именно сегодня его пригласили на телевидение для съемок программы с его участием. Автор сжимает прыщ кончиками пальцев, однако прыщ, вместо того чтобы вылезти наружу, краснеет еще больше и к середине дня достигает размеров жетона для метро. Передача сорвана, телевизионный режиссер и прочая телевизионная тусовка перестают здороваться с автором, а в результате ему отказывает в публикации один модный журнал. Конечно, автор мог бы сделать пластическую операцию, да теперь-то уж что толку? Через три года жизнь автора будет полна светских вечеринок, алкоголя, наркотиков, объятий фотомодели, прыщей и злобной бестолковости.

Автор у небесных врат облизывает пересохшие губы, но оторваться от замочной скважины не в силах.

Следующая картина являет автору автора через пятнадцать лет. Он живет в лесу, в деревянном доме, состоит на должности лесничего, волосы автора свисают ниже поясицы, отчего он заплетает их в косы, борода автора доходит ему до пупа. Он держит собак, лошадь, домашнюю птицу и, кажется, свинью. Весь литературный мир считает, что автор давным-давно умер не только как автор, но и как человек. Однако сам автор уверен в обратном — он полагает, будто только теперь и ожил. Автор пишет рассказы и повести, время от времени сочиняя романы, которые дает читать своей жене

Дуне. Он охотится, когда наступает сезон, гоняется за браконьерами, когда сезон заканчивается, рубит дрова, купает коня, изредка наведывается в город. Из города автор возвращается поздно ночью, просветленный и верящий в свои силы, а также в торжество справедливости и разума. В такие ночи автор не может заснуть — пару часов беседует с Дуней, потом нежно целует ее и отправляет спать. Потом садится писать. Пишет автор до следующей ночи, затем валится на кровать и храпит до следующего утра. От такого напряжения мозгов на лбу автора появляются прыщи. Просыпаясь, автор седлает коня и едет куда-то далеко, где обретает единение с природой, восхищаясь каждым ее созданием, пусть оно и кажется бестолковым. Что толку в каком-то там толке? — спрашивает себя автор и от этого вопроса ему становится легко на сердце. Через пятнадцать лет автор обретет душевный мир, жену Дуню, коня, собак, прыщи и божественную бестолковость. И, кажется, свинью.

Ангел стоит рядом и тихонечко посмеивается. Автор, крепко призадумавшись, смотрит в замочную скважину.

Он видит себя еще через тридцать лет. Внезапное появление в печати его «лесных» романов наделало столько шуму и наломало столько дров, что автор временами даже удивляется. Книги автора выходят огромными тиражами не только в отечестве, но и за границей — от Америки до Японии. Никто не решается с ним спорить, президент жмет ему руку, нобелевский комитет то и дело осведомляется о его здоровье, журналисты называют его «пророком в своем отечестве». Хотя сам автор пророком себя не считает. Он уже стар. Жена Дуня давно погибла — на нее в лесу упало дерево, убив ее и, кажется, свинью. Временами автор наведывается в Париж, посетить дом, в котором когда-то жила его последняя любовница, — сколько их было, думает автор, за почти четверть века... Из Парижа он всегда возвращается в Москву, в свою квартиру на Кутузовском проспекте, садится за стол, плачет над чистым листом бумаги и вспоминает времена, когда был молод и вел беспорядочную жизнь. От рыданий автора отвлекает телефонный звонок — беспокоит английское издательство, желающее издать полное собрание сочинений автора в тридцати томах. Естественно, на английском языке. Автор несколько оживляется и осведомляется о размере гонорара. Затем благосклонно дает свое согласие и вешает трубку. Телефон звонит вновь. На этот раз автора тревожит нобелевский комитет — премию в этом году решено дать не автору, а какому-то молодому да раннему автору, который, хотя и не достиг в своих произведениях тех высот и глубин, которых достиг автор, однако исходя из неких не относящихся к литературе соображений сочтен достойным. Автор удивляется, сердится, ругается, злится, свирепеет, орет, бросает трубку, слабеющей рукой тянет ворот рубахи, встает с кресла и падает навзничь. В падении

задевает головой блюдо с красной смородиной, что стоит тут же, на столе. Смородина рассыпается по полу. Когда в квартиру приходят люди и переворачивают автора на спину, видно, что несколько раздавленных его лбом и носом ягодок образуют красные пятна на коже, до смешного похожие на юношеские прыщи. После похорон автора нобелевский комитет решает присудить ему свою премию посмертно, но что толку? Последние минуты автора будут жалки, отравлены тщеславием, завистью, крохоборством, поддельными прыщами и подозрительной бестолковостью.

Автор отрывается от замочной скважины, ибо за ней наступает темнота. Он оглядывается по сторонам — нет ни ангела, ни небесных врат. Автор лежит на полу, у него сильно болит голова. Он поднимается, не глядя в зеркало идет к письменному столу, садится за него и вставляет чистый лист в пишущую машинку. Автор познал истину. Истина переполняет автора до краев, она плещется внутри и грозит вырваться наружу, затопив мир. Автор понимает, что люди еще не готовы к истине. Он медленно потирает ладони, и его дрожащие пальцы отстукивают первую фразу нового рассказа. «Автор молод. — Пишет автор. — Строен и пригож». Потом автор медленно поднимает голову, смотрит в потолок и исчезает навсегда.

АРКАДИЙ ПАСТЕРНАК

Гимн Крыму

О Крым — спорт, ты спирт, ты флирт! О тяжкий спорт курортных романов, потных, скользких, на грани срыва... с Аю или Кара Дага, да в набежавшую волну! Весь Крым — это нервный срыв мягкотелой лености плавных холмов — в плавное море — скалами, скалами, скалами... осками дикости щерится Крым по всему южному побережью; и весь он в схватке до сих пор касожского Редеди и Мстислава Удалого, насквозь прохваченный безбрежьем великого переселения народов. Он порубежье, а теперь и зарубежье.

«Извините, Клава, мне под вами тесно, мне в Жмеринку пора к жене, к детишкам, да, с вами было интересно, но стало пресно, прощайте пляж, вино, картишки, пропал морской, соленый и пиковый интерес, пишите письма, Клава, ваш шалунишка на букву «эс»».

Тяжелый спирт шибает в ноздри, и дух его невыносим среди оплавленных жиров и скользких мускулов, шибает в нос курортный манерный и мадерный спирт. О Крым — ты флирт! И плавность пляжных тел не переходит в скальность чувств: «Пишите письма, Клава, мне под вами тесно!»

А рядом — Грин. Его лицо на грани срыва, взрыва.

— С каких высот сорвались, Александр Степаныч, — думал я, плывя на прогулочном катере, его именем названном, его портретом украшенном.

— С каких скал духа низринулись?

Естественно, молчал всеми своими запредельными глазами и печальной лошадиной мордой этот странный странник, обретший в Старом Крыму и душу, и книги, и голодную смерть.

А я обрел тебя, о Крым, прорвавшись через степи достославные мстиславные в «тмуторокань». Испорченный касожскими, черкесскими горами, плавностью был поражен твоей чуть италийской

в пятнадцать лет, в шестнадцать лет. За мной ходил гуськом весь контингент девичий пансионата, а я, прохвачен рукоблудием, мальчишка, задрал от флирта нос до Аю-Дага.

Пронзенный чистотой-прозрачностью ночей нездешних, мечтал я на вершине Аю-Дага обрести любовь и душу, а не просто секс, как слово «кекс», чуть ноздреватое и с сочным плотоядным «эс». Мне подавай со взрослостью — прозрачность и италийскую Джульетту и на вершине Аю-Дага. Так мне мечталось.

Сбылось на надувном матрасе. Под Аю-Дагом. И губы терпкие, и груди круглые, как плавные холмы, вполне российские, земные, а кожа крымски солоня. Мы изводили с ней друг друга рукоприкладством ревности и неприкладством душ. И неба никакого. И Аю-Даг не под ногами, не по плечу, не по душе.

— Прощайте, Таня, мне под вами тесно!

Ее земное тело снится до сих пор. Я проглядел любовь?

Крым не проглядел. Ты — Родина души моей, ты мой четвертый Рим. О Крым — Рим. И столько чрез тебя прошло любви простых людей и гениев, народов, государств и войск прошло. Ты как магнит. Отсюда — ревность. Тысячелетняя история рукоприкладств, и — намагниченная мина. Замедленного действия. О Крым — ты взрыв!

И мне приснился сон вещей, бо не Олегов:

— По полуострову и острову любви фланируют еще не великий островитянин Аксенов Вася и официально гениальный Пушкин, под ручку. В тени же кипарисной воркует «Буревестник» с «Зеркалом» меж ними мечется чуть близорукий Чехов (политически). Вдруг с неба — киммерийский Конон-варвар (он родом с Крыма) в образе американского Арнольда и ну давай прощупывать радарами окрестность! А тут как тут и дядька Черномор с кравчукчами! Они сощурились и с бровеносцев пушками грозят. Писательский коктейльный Коктебель сбежал в Пицунду. И тень его хозяина бывшего, неистового Макса (Волошина), как в старину, скрывает белых, красных, белых, красных, попеременно. Спасенный помощью гуманитарной, мятежный Грин штурмует Севастополь, возглавив партию эсерскую крымско-татар. К нему присоединился Генрих Бель, в войсках немцо-фашистов (он воевал здесь). А князь Владимир Красно Солнышко им с Херсонеса ударяет в тыл, объединившись с греками и генуэзцами. И твердой поступью Малахова кургана грозят два Николаича — Лев и Борис. А кто-то мудрый прячет тело жирное в Форосе, а «буревестники» все осаждают, осаждают Севастополь!

О Крым — ты бред! Ты бред любви и сказка ревности. О Крым — любовь! О Крым — ты спорт, теперь ты — спор и все ж, надеюсь, — мир!

КАТЕРИНА КОСТИКОВА

Хокку

Автор этих строк — не японец, не поэт, и глубоко не мужик. Автор этих скромных строк — я, женщина-журналист и мать двоих детей. Про детей многие не верят. Коллеги и остальные москвичи любят считать меня фригидной феминисткой, чуждой романтических порывов. Но это — не так. Я совершенно самостоятельно написала японский короткий и емкий стих и посвящаю его всем своим мужчинам, как прошлым, так и будущим.

Свинья
Находит грязи.
А я —
Тебя нашла.

Почта «Соло»

Уважаемая редакция!

Это я о новелле «Нигелла». Если можно, опубликуйте — во времена Чернобыля и СПИДа пора подумать, что же мы творим.

На мой взгляд, СПИД, как и Чернобыль, — творение рук человеческих, верней ума. СПИД — это не болезнь, а результат защиты от болезней. Профилактические прививки, защищая организм от одной болезни, убивают в нем природный иммунитет от всех других заболеваний. Лекарственная профилактика недопустима.

СПИД — синдром приобретенного иммунодефицита. Соблюдение медиками клятвы Гиппократата: «Лечить людей больных, беречь здоровых» — избавит нас от этого синдрома, т. е. от СПИДа.

Начало «логике неразрешимости (неизлечимости)» положено в задаче «Трисекция угла». Дичайший случай. Банальнейшая невнимательность — и детская задачка (геометрия за 8-й класс) объявлена неразрешимой. Доказательство же «неразрешимости» откровенно притяннуто за уши.

Дальше — больше. Создание вечного двигателя объявлено невозможным. Не надо быть физиком-математиком, достаточно быть поэтом и взглянуть на ночное небо. Как можно: жить вечно движущемся мире и утверждать обратное — мир неподвижен? Система «Земля—Луна» — наглядный пример природного вечного двигателя. Луна не только вечно вращается вокруг Земли, но и выполняет на нашей планете гигантскую работу по перемещению вод Мирового океана (прилив—отлив).

«Нигелла» может от безумия спасти.

Челябинск

С уважением Ю.Нартов

Ю. А. НАРТОВ

Нигелла

*Всё преходящее,
а я скажу о вечном.*

Наступал вечер. Я вышел из конторы на улицу Энтузиастов. Чувство предстоящего душевного взлета не покидало меня с самого утра. Хотелось воспарить и познать вечность. Впереди метрах в 20 шла женщина с очень красивой фигурой. Для меня красивая фигура — это ноги, шея и талия. Все, как говорится, было на месте и плюс... «Плюс» был такой, что у меня перехватило дыхание, когда женщина, неторопливо вышагивая, качнула бедрами не только влево-вправо, но и взад-вперед. Походка женщины чарует нас, мужчин, сильнее, чем взгляд, улыбка или слово. Я сбавил шаг и залюбовался сюжетом. Женщина остановилась и повернулась ко мне лицом. Я покраснел и хотел пройти мимо.

«Здравствуйте! — очень отчетливо произнесла дама. — Вы Нартов?»

«Да, — без удивления отвечал я, — могу предъявить документы». Развернул и показал депутатское удостоверение, служившее мне проездным билетом. Женщина, коснувшись моей руки, и в самом деле читала мою фамилию. Пока она читала, я рассмотрел ее лицо. Красивые темно-карие глаза, зовущие, чуть тронутые помадой губы и нос, ставящий крест на всей этой прелести. Нос Всевышнему не удался — длинный, с горбинкой, почти нависающий над ртом.

«У меня к вам дело, — говорила женщина, когда мы, вместе продолжая путь, пересекали проспект, — я остановилась в «Южном Урале». Вы проводите?»

«Да, — продолжая соглашаться, кивнул я, — приятно будет побеседовать с прекрасной дамой за чашечкой кофе».

Наш кофе затянулся до утра. Гостиничный номер, скрипучая кровать и разговор в перерывах. Ее звали Нигелла. Она была фаталисткой или что-то в этом роде. Закончила Тбилисский универ-

ситет, где изучала нартовский эпос. Прочитав мою фамилию в «Вечернем Челябинске», она все для себя решила и легко нашла меня по данным, помещенным в газетной заметке.

Оказывается, по эпосу кавказских народов я великий герой, и свое величие мне пришлось теперь отстаивать во всеобщем бдении. К моему приходу все было готово, здесь меня ждали. Как все-таки приятно быть для кого-то в жизни долгожданным.

Одежда для женщины играет двоякую роль — в одном случае она прикрывает недостатки тела, в другом, напротив, — открывает прелести, разжигая любопытство и страсть в мужчине. Мое любопытство было вознаграждено сполна, нагая красота смуглянки не поддается описанию, ее — эту женскую красоту — можно только вдыхать, испить или почувствовать. Есть слово «грация», оно определяет наличие и силу красоты.

После третьего круга любви согласилась, что я действительно Нартов — потомок богатырских народов-нартов. За приобщение ее к нартовскому эпосу Нигелла обещала подарить мне... вечность. «Больше некому, — объяснила она свое желание, — в моей солнечной республике практически восстановлен коммунистический режим. Во имя счастья малых народов, и моего в том числе, большевики не остановятся перед уничтожением осчастливливаемых ими людей. Я это знаю, у нас так уже было».

В четыре утра я должен спать и засыпаю при любых обстоятельствах.

Проснувшись, я понял, что один. На столе вместо записки лежало решение «вечной» задачи, где в нижнем правом углу стоял, я так понял, символ вечности.

О задаче «Трисекция угла» я вчера рассказал моей знакомой: «Человечество вот уже 2,5 тысячи лет делит угол произвольной величины на три равные части, но, похоже, измучилось и признало задачу деления угла неразрешимой».

И вот передо мной лежит решение, понятное любому десятикласснику. Для решения этой задачи Архимеду, оказывается, не хватило точки опоры, а в только что прошедшую ночь точка опоры найдена — на чертеже точка D.

2222 года мужчины безуспешно бились над геометрической задачей, а женщина смогла решить ее за одну ночь любви.

Расчет южанки был прост. Убедившись, что имею дело с настоящим решением «неразрешимой» задачи, я обязан буду поверить в символ вечности.

Итак, море, чайка, цветок (растение) — одним словом, амброзия, т. е. пища богов. Но что это за деликатес, мне еще предстоит разгадать. Путь к вечности тернист.

Я никогда ничего не прошу у Бога, но всегда благодарю Его за подарок судьбы:

О Господи, спасибо, что Ты есть!

P. S. «Трисекция угла — знаменитая задача древности о разделении угла на 3 равные части.

Так как задача сводится к построению корней кубического уравнения, то при помощи только циркуля и линейки (односторонней, без делений) ее решить невозможно».

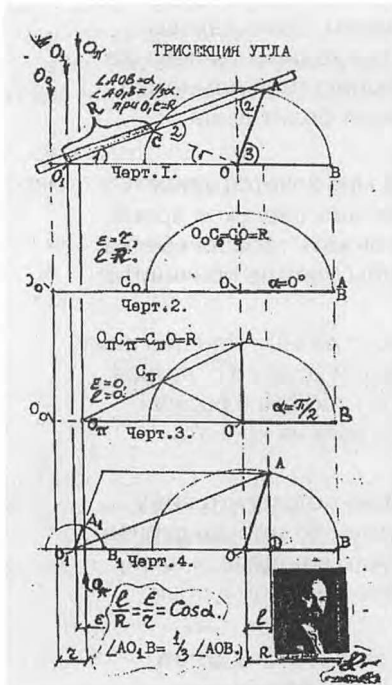
«Большая Российская энциклоп.»

Комментарий

Приведенное выше заключение о неразрешимости трисекции угла содержит логическую уловку, именуемую «подменой тезиса», ибо сама по себе задача ни к чему не сводится, это мы при ее решении пользуемся тем или иным методом.

Метод построения пропорциональных отрезков в данном случае дает простое геометрическое решение задачи «Трисекция угла». См. чертеж.

Неразрешимых задач, при наличии ума и времени, нет.

ИГОРЬ СМИРНОВ

В. И.

О зачем такие жертвы
Ах где ходишь ты девочка
Я люблю тебя немножко
У меня болит душа

Как мне хочется увидеть
Хоть на маленькое время
И прижать тебя не крепко
Чтобы боль не причинить

Много разных женщин вижу
Каждой хочется отдаться
Но с тобой моя родная
Я не лягу на кровать

Нет не потому что вижу
В этом что-нибудь дурное
Просто я поддался плену
Платонической любви

И когда я очень долго
Не могу тебя увидеть
Мне приходится с надеждой
Вспоминать твое лицо

* * *

Немного погодя придет
И сядет у окна
Зачем заглядывала в рот
И почему она одна

Рисую девочку на шаре
Стираю старые носки
Жгу сигареты и ругаю
Тоску и слабости тиски

Руками трогают меня
За шею толстую мою
Я не хочу играть в коня
В аду я буду иль в раю

Зеленым летом в ночь одну
Стучать устанет кровка
На белой скатерти засну
Как божья коровка

Хозяин собак

М.Е.

Хозяин собак
Семенов А К
Хозяин собак
Старый маньяк

Страсти мастак
Прячет резак
Лижет кулак
Семенов А К

Видел ништяк
Семенов А К
Мы ему так
Отдали пятак

Хозяин собак
Семенов А К
Вышел из ЖЭК
Злой человек

* * *

Зимой летели комары над лесом.
Не знали отдыха летели
Их трепетали хоботки и бесом
Закручивали крылья им метели

Спокойной жизни захотели люди
Хлопая ладонями смеялись
Пищи вам кровавой здесь не будет
В теплые дома перебирались

Холода уже подходят ближе
Снег не тает. Вечер
Опускаются на землю ниже
К деревьям на плечи

Замерзают только пикнуть смеют
Ни за что страдают
Песня эта как поземка веет
Комары за лесом умирают

* * *

Король надевает корону
В лесу пахнет яблочным соком
На море седые мужчины
Вдаль смотрят нахмуренным оком

У трона сидят кавалеры
Их лица милы и послушны
На том берегу океана
Все залито светом но чуждо

В моем королевстве волшебном
Сидят на деревьях собаки
По морю гуляет не ветер
А красно цветущие маки

* * *

В таком городе трудно жить
Ляжет кто-нибудь и умрет
Астра белая будет вить
Часы показывать время ход

Такой нетрудно собрать приход
Такие носки носить нельзя
Пойдем покажу тебе теплоход
Морское дело твоя стезя

А сторож здесь автомат грызя
Волнует некоторых из нас
И дух свободы везде сквозя
Щекочет ухо нос и глаз

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Сколько «таких Липецков»?

«А есть ли периферия?» — это вопрос из «репертуара» Вячеслава Курицына. Хочется с ним согласиться в том смысле, что более предметен разговор о (все)российской (русскоязычной) литературе, а не о «пермской», отдельно взятой, или «липецкой», «верхненижнемамоноурюпинской» и т. д. «Общий контекст» при этом, на взгляд из Верхненижнемамоноурюпинска, хотя и весьма печален, однако совокупность «культурных центров» того же Урала представляется и впрямь некой «третьей столицей» (сколь странным бы ни казался сей термин), не говоря уж о замшелой верхненижнемамоноурюпинской зависти к «первой» и «второй», где, на тот же взгляд, «пописывающие» коллеги «просто с жиру бесятся».

Один из заметных литературных деятелей уральского региона Дмитрий Бавильский, представляя в «Соло» № 18 «земляков», день сегодняшний обозначил мрачно: «Вот и случилось то, что случилось, — пустыня, пустыня вокруг». «Перестроечный» бурный расцвет и «постперестроечное» хоть и не тотально массовое, но увядание-вымирание «независимых», «некоммерческих» изданий, специализирующихся на так называемой новой литературе... Хорошо уже то, что мемуаристам из «трех столиц» есть что вспомнить про «старое доброе время». «Периферия» революций не совершала, хотя, конечно, ощутимые реформы во многих «областных центрах» были. Как, кажется, повсеместен и откат к «необрежневизму», сусально-фундаменталистской эстетике при отчасти затухании литературной жизни вообще. (Во всяком случае, общение с «товарищами по несчастью» из нескольких «областных центров» на такие мысли наводит.)

...Из абстрактного Верхненижнемамоноурюпинска на приобретшей за годы «перемен» законченно совковый вид преобшарпанной электричке (благо, недалеко ехать) перекочем в конкретный Ли-

пек, полумиллионного народонаселения пункт, функционирующий как один из промышленных центров России и как один из областных центров Центрального Черноземья. В контексте чего, во-первых, снова совершим экскурс к тексту Бавильского в «Соло», уличим немелкого литературоведа в мелком литературоведении. Не каждый областной центр СССР в эру КПСС был облагодетельствован каким-никаким, но книжным издательством, журналом или газетой литературной ориентации. В Липецке, в обозримом прошлом, ничего подобного не наблюдалось.

Когда речь заходит о «вчера-и-сегодня» здешнего околослитературья, мне часто вспоминается экзотический эпизод — из времен «раннеперестроечного» кратковременного заигрывания местных союзписателей с немного более радикальной литмолодежью... Заявляется, стало быть, на заседание «партийной» студии «неформал», в меру самоуверенно бормочет сравнительно безобидные иронические миниатюры. Апогеем поэтической смелости молодого автора звучит нечто вроде «лица людей — зелень и синь»... Квадратнофактурного здоровячка поэта из рабочего класса чуть удар не хватил! Басовитая истерика разразилась минут на немало. «Разве можно так говорить о людях?! Вы ненавидите свой народ!» — и т. д., типа того же. И приговор в целом прозвучал активно подавляющим большинством голосом. Несколько человек отмолчались, в том числе и «ваш покорный слуга», тогда в жизни более скромный, а в поэзии менее безобидный также «литературный неформал», с того дня начисто утративший интерес к тусовке союзписателей.

Но какой сюрприз преподнесло липлитжизни далее победное шествие «перестройки»! Раскол единого, «красного» пис-Союза привел к... созданию филиала Союза «красно-коричневого». Экскрасные посредством преждевременного порозовения оказались «демократами» в меньшинстве, занялись книжной торговлей...

Однако ни одного периодического издания от «перверзий» также не родилось. Единственная литературная как бы газета «Союз АПОЛЛОН» в виде четырехстраничной вкладки в областной газете «Вперед, Россия!» прожила четыре номера в конце 1996-го, редактировал я.

И вообще, касательно явления, которое в нашем случае целесообразнее всего обзывать «новой литературой» («ПМ», по-моему, в данном контексте — слишком претенциозно), — увы многократно, «ваш покорный слуга» слишком часто в своей околослитературной деятельности ощущает себя одним в поле воином, энтузиастом-одиночкой супротив полумиллионного полчища филистеров. (В каждой шутке есть доля истины?)

И — да войдут в историю:

Георгий Атанасян (в бытность широко известного в узком кругу «Гуманитарного Фонда» оформил создание и вступление в оный

липецко-воронежской литературной группы «Пцидаретит» (Елена Фанайлова, Георгий Атанасян, Андрей Новиков, Юрий Потапов, Сергей Зубарев), что инспирировало несколько «столичных» публикаций, участие в фестивалях современного искусства в Смоленске, т. д.; Атанасян, Потапов и, тогда наиболее процветавший, Новиков, липецкие, от творчества давно уж практически отошли, Фанайлова, в Воронеже, вроде бы на плаву),

Ирина Чемякина (в бытность свою ответсекретарем областной газеты «Молодежный вестник» подарила мне возможность вести литстраницу (11.92—1.94) в ежемесячном приложении к сей газете «Эхо»; сюда, кроме местных неоавангардистов-постмодернистов, подавали тексты Николай Байтов, Сергей Бирюков, Дмитрий Григорьев, Владимир Климов, Арсен Мирзаев, Руслан Элинин, часто гостили воронежцы).

В областной «молодежке» уделяется внимание тусовочной субкультуре, что иногда имело прямое отношение к главному предмету нашего разговора, однако газета стала консервативней. Недавний приход в нее представляемых в «Соло» Инны Девятериковой и Вадима Бо (Бороненко), возможно, на «новую липецкую литературу» со временем повлияет положительно. Ныне же... я веду литстраницу в газете «Петровский мост», процветание которой хронически под сомнением, — и «пустыня, пустыня вокруг»...

Из липецких авторов, предоставивших журналу тексты, трое — конкретно «литературная молодежь». Бо и А. Гребеник — недавние выпускники Липецкого пединститута, Девятерикова совмещает учебу на филфаке с работой. Несколькими публикациями в местной прессе обладают. Николай Филин — 1963 г. р. Стихи в Липецке печатались многократно, в 96-м вышла книга «Грань веков».

«Некоторые факты» позволяют лично мне надеяться, что в относительно скорое время не будет повода говорить в настоящем времени о «старой» и «новой» литературе, о «столичной» и «провинциальной», она станет «просто нормальной», не только в «трех столицах», а в едином пространстве-времени; хотя бы на третейский взгляд со стороны будет выглядеть как явление целостное, без «постсовковой» раздробленности-ущербности, и хотя и вполне «национально-самобытной», но при этом «европейски образованной», без потребности хвататься за лапти или «Историю ВКП(б)», но и без обезьянничанья перед «свежевчерашним словом цивилизованных стран». («Даешь литературное качество эпохи Манилова!») «Бомба», по-моему, уже заложена — пусть «расцвет» и не долго длится.

АЛЕКСАНДР ГРЕБЕНИК

Муха и плотник

Застенчивая муха билась о стекло,
А лысый, мудрый плотник следил за ней давно.
Не бойся, моя крошка, не трону я тебя,
Поглажу лишь немножко, ведь я люблю тебя.
Не бейся о стекло так, не дай Бог разобьешься.
Постигну тогда горе, и слез не оберешься.
На свете никого нет дороже и милее
Той мухи, что все бьется настойчивей и злее.
Всю жизнь живу без телки, страшен, как Квазимода,
Забыл о развлечениях и что такое мода.
Одну тебя люблю я, одна ты в моих грезах
С тобою улетел бы, но это несерьезно...

Счастье и носки

Сегодня я пойду к любовнице своей.
В подарок ей несу я сумку кренделей.
И вот уж сел в трамвай, поехал на Кольцо я,
Проехался в трамвае и вышел на Кольце я.
Пришел я к своей милке, зашел к своей голубке
В то время она в ванне чистит свои зубки.
Она тихонько вышла, чтоб муж не удивился,
А он стирал носки и, их стирая, злился.

Потом зашел к нам в комнату, тихонько извинился,
Повесил их сушиться, а сам куда-то смылся.
И было так приятно под драными носками
В любви мне объясняться моей красивой даме.
А про себя подумал — бывают люди добрые,
Как муж моей любимой, что дал мне в жизни счастье.

Сугубая реальность

Мокрая дорога, лысые деревья,
Яростные стены, ледяные двери.
Закружилась муха в хрустальных проводах,
Что-то в моей попе притаился страх.
Это все нелепо, это все банально.
Ничего глобальней нету, чем паяльник.
Вспомни ты просторы северных полей,
Иль слащавый рокот старых «Москвичей»,
Или самолета песню удающую,
Что зовет в полеты в высоту большую,
Иль румяну попу дохлой обезьяны,
Иль кусок ноги слепого партизана.
Или телевизор с горем пополам,
Весь, бля, чмо, задристанный, только пал/секам.
Все это сугубая реальность наших дней,
Верная, как радость новогодних пней...

Рабочий и гвоздик

Стучит рабочий молотком по наковальне
И гвоздик выпрямляет сильно гнутый,
Удары молота разогревают гвоздик
И передают тепло на наковальню.
Тот гвоздик был найден рабочим
У вырытого кем-то котлована.
Кусочек гроба там торчал случайно,

А из него торчал несчастный гвоздик.
Рабочий проходил по краю котлована,
Увидев гвоздик жутко рассмеялся.
Для миллиона не хватало одного лишь,
И вот нашелся, эдакий засранец
Теперь рабочему заплатят кучу премий,
Ведь миллион гвоздей он выпрямил не даром,
Теперь он водку может пить до завтра,
Не зря ведь миллионный гвоздь ему попался?!

ВАДИМ БО

Пиво, или Еще одна иллюстрация того, как новая идея огорошивает человека, совершенно к ней не подготовленного

Действующие лица:

ПРОДАВЕЦ (женщина)

ПОКУПАТЕЛЬ (мужчина)

ДВОРНИК ФЕДОР

КОТ СЕЛИФАН

КЛАВА (жена Федора)

КАРЛОС КАСТАНЕДА

ДЕСЯТЬ НАГЛЫХ ВОРОБЬЕВ

Действие происходит в помещении провинциального магазина «Продукты». За прилавком скучает Продавец. Дверь открывается, в магазин входит Покупатель.

ПОКУПАТЕЛЬ: У вас пиво есть?

ПРОДАВЕЦ: Есть.

ПОКУПАТЕЛЬ (протягивает деньги): Дайте десять бутылок.

ПРОДАВЕЦ (с сомнением): Только... Вы знаете, оно несвежее.

ПОКУПАТЕЛЬ (забирая деньги): Да?

Пауза. Посетитель мнет в руках деньги и рассматривает прилавок. Продавец чистит ногти. Проходит минута.

ПОКУПАТЕЛЬ (неуверенно): А вы знаете?

ПРОДАВЕЦ (нехотя): Что?

ПОКУПАТЕЛЬ: Вы посмотрите, осадок в бутылках есть?

ПРОДАВЕЦ (берет бутылку, смотрит на свет): Да вроде бы...

ПОКУПАТЕЛЬ (с надеждой в голосе): Ну?!

ПРОДАВЕЦ (уверенно): Нет осадка.

ПОКУПАТЕЛЬ (облегченно): Уф! (протягивает деньги) Вот! Десять бутылок пожалста!

ПРОДАВЕЦ (ставит бутылку на прилавок): Но все-таки оно несвежее.

ПОКУПАТЕЛЬ (удивленно): Да?

ПРОДАВЕЦ (твердо): Да!

Пауза. Покупатель озадачен. Он вертит в руках деньги, как бы не зная, что с ними делать, затем пересчитывает их. Продавец безучастно смотрит в окно. По окну ползает пыльная муха. За окном капель, светит солнце, тает снег — на улице весна, и хочется пива.

ПОКУПАТЕЛЬ (робко): Кхе-кхе.

ПРОДАВЕЦ (переводит взгляд с мухи на покупателя): Я вас слушаю.

ПОКУПАТЕЛЬ (совсем растерянно): Я... Это... Вы знаете, я вот подумал, осадка ведь нет?

ПРОДАВЕЦ (чистит ногти): Нет.

ПОКУПАТЕЛЬ (воодушевляясь): Ну вот видите, а раз нет, значит, пиво пить можно.

ПРОДАВЕЦ (отрываясь от своего занятия): Вы что, слепой? Вы видите надпись на этикетке? Пиво поступило энное количество суток назад. Я же вам русским языком сказала — пиво несвежее!

Пауза. Покупатель в раздумье. Продавец теряет к нему интерес и принимается ковырять в носу. Проходит минута. В дверь заглядывает дворник Федор, внимательно осматривает Покупателя и скрывается за дверью. Видно, что он встал там подслушивать.

ПОКУПАТЕЛЬ (холодно): Можно посмотреть бутылку?

ПРОДАВЕЦ (молча протягивает).

ПОКУПАТЕЛЬ (внимательно разглядывает бутылку на свет): Вот видите тут...

ПРОДАВЕЦ (грозно): Что-о!!!

ПОКУПАТЕЛЬ (испуганно): Ничего (ставит бутылку на прилавок и отходит).

В магазин входит кот Селифан, молча ложится под окошком и сонно наблюдает за мухой.

Дворник Федор, поскрипывая половицами, на цыпочках пробирается к коту, ложится рядом и сонно наблюдает за мухой. Продавец (сонно) наблюдает за мухой...

Покупатель, очевидно, принимает решение. Он берет разбег с середины магазина, подбегает к прилавку и швыряет на него деньги.

ПОКУПАТЕЛЬ (грозно): Пива!

ПРОДАВЕЦ (вздрагивая от неожиданности): Ч-что?

ПОКУПАТЕЛЬ (визгливо): Пива мне!!

ПРОДАВЕЦ (теряясь): Но я же говорила вам, что...

ПОКУПАТЕЛЬ (распаяясь): А мне насрать! Вот деньги!

ПРОДАВЕЦ (продолжая фразу): ...что оно несвежее.

ПОКУПАТЕЛЬ (остолбенело и как бы не веря своим ушам): Что-о?

ПРОДАВЕЦ (твердо): Несвежее.

ПОКУПАТЕЛЬ (тяжело дышит): Десять бутылок, и я ухожу.

ПРОДАВЕЦ: Сколько?

ПОКУПАТЕЛЬ: Вос... М-м... Шесть.

ПРОДАВЕЦ: Вы берете его на свой страх и риск.

ПОКУПАТЕЛЬ (радостно): Да, да, на свой страх и риск!

ПРОДАВЕЦ: Предупреждаю, вы можете отравиться.

ПОКУПАТЕЛЬ (радостно): Да, да, отравиться и умереть!

ПРОДАВЕЦ: Я просто забочусь о вашем здоровье.

ПОКУПАТЕЛЬ: Что?! (Бьет кулаком по прилавку так, что звенят стекла. Лицо его бледнеет, глаза чуть не выскакивают из орбит.)

Продавец в ужасе отшатывается. Пыльная муха падает замертво. Кот Селифан с воем взлетает на шкаф в углу помещения. Дворник Федор в испуге забивается под стол.

ПОКУПАТЕЛЬ (перегибаясь через прилавок): Я... хочу... несвежее... пиво!

ПРОДАВЕЦ (не знает, что сказать): ...

ПОКУПАТЕЛЬ: Да! Я пью только несвежее пиво! От свежего меня тошнит!!

ПРОДАВЕЦ (с ужасом смотрит на Покупателя): Несвежее пиво...

Дворник Федор высовывает голову из-под стола, чтобы лучше видеть происходящее.

Покупатель через прилавок тянет руки к горлу Продавца. Та вжимается в стену и что-то бормочет.

Внезапно распаивается дверь. Входит Клава, жена дворника Федора.

Дворник вновь прячется под стол.

КЛАВА (громко): Дунь, мать твою за ногу! Слышь, чи нет? Машина пришла. Пиво тебе свежее привезли.

Покупатель закатывает глаза и с грохотом валится на пол.

Немая сцена.

Из шкафа выходит Карлос Кастанеда.

КАРЛОС КАСТАНЕДА (показывая пальцем): Видите? А вы говорите — водка! Иногда и пиво губит человека.

Занавес.

НИКОЛАЙ ФИЛИН

Сны

Всем мудакам России посвящается

1

Карбидно-матерный асфальт
Танцует под матерой лапой.
Засосанный по глотку скальп
Когда-то был ее, блин, папой.
Измызганный до сапога,
Истерзанный до помраченья,
Какая грация, какие па,
Какое тело и движенья!
Ну что за радость быть таким,
Кто про..., кто без..., кто за ...ституцию.
Развеялись мечты, как дым.
Всё кончилось... ночной поллюцией.

2

Икебана на моем столе
Из концов, расхристанных об оземь,
Слов, что зародились в феврале
И померкли где-то ближе к осени.
Вечно не хватает экс-добра,
Что стекает к миру неприлично.
Трахнуть бы, не глядя... полдвора
И запить бутылочкой «Столичной».

3

Я заголюсь до самого нутра
И выпендюрю матерым троглодитом,
Поджарюсь на соитии костра
С ненатуральным забубенным бытом.
Размножусь среди зеленых обезьян
И затаюсь в коитусе манерном,
Переиначусь в пятилетний план...
И снова буду мальчиком примерным.
А если засвербит в который раз,
Захочется какую-то конкретно,
Надену на него противогаз
И укачу в расплавленное лето.

ИННА ДЕВЯТЕРИКОВА

Вот вернется Саша...

...Вижу огромные черные глаза: безрассудные и осуждающие. Скупые пружинистые движения, но иногда — резкие и марионеточные. Сейчас — уже нет. Канул.

Я помню его костлявые длинные руки с тонкими пальцами. Они были жесткими и цепкими, как багры и клещи, и каждое его прикосновение заканчивалось для меня синяками и ломотой в суставах. Это не мазохизм, это больше, это — любовь.

После наших встреч моя одежда и волосы были пропитаны чем-то вроде ментола. В бровях, в ресницах тоже стояло ощущение ледящего и терпкого. Я могла бы узнать его по одному этому всепроникающему запаху. Ах, если бы мне выкололи глаза!

Он мог часами сидеть, неудобно подогнув под себя ноги, и рассматривать какой-нибудь камень. Потом внезапно оборачивался и начинал что-то напевать... Посторонние могли подумать, что он сошел с ума, но я-то знала, что это к нему пришла какая-то музыка, заставшая все способности воспринимать, кроме внутреннего слуха. Не говоря ни слова, он вскакивал и убегал к своей скрипке. Эта вздорная особа вообще имела над ним катастрофическую власть. Он утверждал, что умрет без нее. Он не позволял никому прикасаться к ней. Он, в конце концов, мог говорить о ней все дни напролет.

Когда он был еще маленьким и бестолковым, он приукрашивал ее, облепливая клейкими картинками, мыл, чистил, сушил, проветривал — это доставляло ему несказанное удовольствие...

...Он никогда не играл мне свои сочинения. В первую минуту они казались ему безупречными, но спустя какое-то время он раскисал, разочаровывался и в итоге рвал их в клочья.

Он играл Паганини. Только Паганини. Играл. Весь вытягивался в струнку, как струны, как упругие струны на инструменте. Закрывал глаза. Дышал часто и отрывисто. Он играл на скрипке, как будто занимался с ней любовью, и никак не мог насытиться своей смутной страстью. Он был хорошим любовником и для нее, и для меня. Выбирать он не хотел. Да и не надо. Я, скрипка... Мы слишком разные!..

...Его волосы били электрическими разрядами. Наверное, ток циркулировал в мозгу, и излишки его стекали по волосам — длинным и волнистым.

Мы переговаривались отдельными короткими фразами (только по необходимости), в которых было все. Я читала ему, рисовала для него. Он смеялся над моими мрачными рисунками, потому что они не имели ничего общего с его легкой и пьянящей музыкой. Я прощала ему все и соглашалась со всем.

Однажды он исчез. Может, уехал купить немного счастья в фабричной упаковке с пометкой «Старый Арбат». Видимо, его больше не устраивало мое, кустарное...

Сегодня — воскресенье. Воскресенье — условленно. Каждое воскресенье я сижу дома и вздрагиваю при стуке в дверь. А в голове: «Только бы вернулся Саша... Вот вернется, и тогда...»

Вот вернется Саша...

Розовое небо («Милые»)

Лицо стерлось. Нет, вру. Осталось.

Глаза стали грустнее, по-собачьи преданные, внешние уголки еще более загнуты вниз. Овал лица очертился еще отчетливее, и еще сиротливее стал крупный рот.

Какая-то бутафория, или, может быть, и вправду скучает, сожалеет, тянется. Кофта в красную и белую полоску. Семафор...

Глупые слезы, глупые повороты головы, по-глупому скрюченные ноги. Молящий о пощаде взор. Но разве... Разве может человек, больной манией величия, о чем-то сожалеть, по кому-нибудь или чему-нибудь плакать?..

...Сидит ОДНА. Явное одиночество, явное отрешение от этих шумных и деловитых сокурсниц. Списываю что-то у Элиота... Она смеется, болтает о чем-то, наверняка перемывает кому-то кости.

Призадуматься бы, да бьет лихорадка — все еще дрожат кончики пальцев, заряженные ЕЕ взглядом.

За все надо платить.

Все чаще вспоминаем обе лучшее время. Никто не знает, как можно быть счастливой ранней весной на крыше высотного дома с бутылкой «Жигулевского» пива. В уши набился пошлый юго-восточный ветер, измызгал лицо, растрепал волосы. Чем-то горьким пахнут трубы и антенны... Нет, это пиво горькое, а запах...

Внизу что-то строится и люди возятся в земле, как некие раскрашенные червячки. Мы топчем уже беспомощный крышевый снег. Резной след — как клеймо от каленого железа. Снег уже слабый. Уже упился влагой и готов стечь или испариться. Какое странное время: и солнце, и снег беспомощны в равной степени!.. Молчим. Молчит все, кроме ветра и копательного приспособления внизу. Но рядом Ты, и это придает реальность всему, что молчит.

...Потом, пьяные — в Доме Культуры, Волков, объявляющий джаз, Водопьянова, что-то подозревающая...

...И над всем — ТВОЯ розовая куртка.

Африка

На струящихся вазах африканских племен танцуют обнаженные орнаменты саванны. Ритуальный костер очерчивает плоские графичные фигуры, пожирает изгибы трав, плавит цвет. Желтые и красные линии переплетаются с черными руками и белыми зубами вождей, и кажется, что остановилось время, что вы лежите в бездонном ущелье и с неба свисает множество оранжевых веревок, по которым снуют кровожадные насекомые. Африка...

Пальма склонилась над небольшим лилово-коричневым комочком. Он спит. Он видит огромную летящую птицу, из которой сыпется песок и красные мохнатые перья. Проснувшись, малыш увидит песок на одеяле и рваный огненно-малиновый закат над горизонтом. Он заплачет и поверит в птицу.

На лунном диске украдкой шевельнулась орхидея отчаяния. Горячий воздух выискивает неукрытые участки тела. Это Жара.

Жарко так, что незнакомые прежде люди крепко прижимаются друг к другу, змеи высыхают на ходу, а гладкие банановые опухли спадают на землю кусками смятого листового железа. Ваше тело полно песка. Он набился в каждую пору и вызвал кровотечение. Вы стираете кровь, пытаетесь выковыривать песчинки, но это причи-

няет еще более невыносимые страдания и еще более ожесточает. Остановитесь. Потерпите. Дождитесь утра. Африка.

На тебе амулет против пытливого глаза! Ты смотришь горделивой двухметровой негритянкой, сверкаешь кольцами и слегка придерживаешь край юбки. Медленно ступаешь по песку и каждый твой след наполняется мертвыми скорпионами. Поворачиваешься, приветливо киваешь головой, обжигаешь пальцами. Ты услышала напевы дикарей и пластично задвигалась, чеканя ритм. Твои руки и ноги плавно переходят одна в другую, образуя острые витиеватые шпильки на верхушках гигантских трапеций...

Обессиленная, ты упала в песок, и само Солнце спустилось, чтобы лично поджечь твои волосы, Африка. Они будут гореть и петь о сказочном баобабе, твоём неродившемся сыне, Африка...

ИВАН ПОМИДОРОВ

Философические миниатюры

Козьме Пруткову

Разговор на рыбьем языке.
Колобок повесился в тоске.

Поэт лишь оттого сердает,
что мало премий получает.
Он хочет денег — но при этом
чтоб быть бездельником, поэтом.

Популярная астрология

Вторник. Утро. Пять часов.
Я гуляю без трусов.
Потому что я родился
под созвездием Весов.

А мудрецы кидаются под танки,
кидающие мудрецам подлянки?

Карма

Господь заслал меня к дерьму
нельзя узнать мне, почему.

Как жизнь моя проходит невтерпеж...

Человек человеку — брат.
Только брат почему-то — гад.

Хочешь счастья — позабудь
про своих желаний муть.

Кто желает стать хорошим,
должен дать себе по роже!

Всемирный потоп

Менструальная кровь и дерьмо с голубого экрана
затопили давно просвещенные самые страны.

Нет такого человека,
чтоб хоть в чем-то не калека.

Об авторах

Галина Владимировна Шутько. 48 лет. Живет в г. Мирном, Республика Саха (Якутия). Печатается впервые.

Юрий Горюхин. Родился в 1966 году. Живет в Уфе. По профессии инженер-программист. Учится заочно на 3-м курсе Литинститута. Печатается впервые.

Валерий Нугатов. Родился в 1972 году. Живет в Полтаве. Закончил филологический факультет пединститута. Переводит с английского и французского языков. Печатался в журнале «Вавилон».

Евгения Воробьева. Родилась в 1973 г. в Москве. В 1995 г. закончила МПГУ им. Ленина. Сейчас учится в аспирантуре РГГУ.

Айдар Хусаинов. Ему 30 лет. Живет в Уфе. В 1995 году закончил Литинститут. Учился в семинаре Л. А. Озерова.

Владимир Фельзенштейн. Живет в Челябинске на ул. Грибоедова. Печатается впервые.

Кирилл Куталов. Родился в 1974 году. Живет в Москве. Печатается впервые.

Аркадий Пастернак. Живет во Владимире. Возраст неизвестен. Печатается впервые.

Игорь Смирнов. 27 лет. Живет в Красноярске. Печатается впервые.

Библиотека журнала «Соло»

В 1998—99 году совместно с издательством «НЛО» предполагается выпустить следующие книги:

Игорь КЛЕХ

Инцидент с классиком. *Рассказы и эссе.*

Первая книга Игоря Клеха (род. в 1952 г.) включает в себя рассказы и эссе, написанные в 70—90-е годы. Проза этого автора с трудом поддается определению в жанровом отношении. Резкая писательская индивидуальность, увлекательность интеллектуальных построений соединяются в творчестве прозаика с повышенной рефлексивностью, исповедальностью и особого рода эстетическим радикализмом.

Юрий БУЙДА

Прусская невеста. *Рассказы.*

Юрий Буйда дебютировал в 1991 г. За эти годы он, кажется, побил все рекорды, опубликовавшись в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Волга» и других более 60 раз. В том числе и с романами — «Дон Домино», «Ермо» и «Борис и Глеб». «Прусскую невесту» также можно рассматривать как роман в новеллах, несмотря на стилистическое разнообразие глав: от фантастики и гротеска до сурового и даже жестокого реализма. Повествование автора отличается сюжетной изобретательностью и мастерским владением шоковыми эффектами.

Дмитрий ДОБРОДЕЕВ

Возвращение в Союз. *Повести и рассказы.*

В книгу финалиста Букеровской премии-1996 вошли повести «Возвращение в Союз», «Путешествие в Тунис» и минималистская проза. Произведения Добродеева отличаются непредсказуемыми сюжетными ходами, динамизмом и фантазмагоричностью действия, иронией и своеобразной авторской историософией.

«НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС (очерки нравов культурного сообщества)»

Критико-эссеистическое приложение к журналу «Новое литературное обозрение».

«НЗ» — журнал об интеллигенции и для интеллигенции, своего рода интеллектуальный дайджест, форум разнообразных идей и мнений.

Одна из основных задач «НЗ» — объективный анализ того запаса идей и воззрений на мир и на самих себя представителей образованного сословия, который почти всегда воспринимался как безусловная данность, как аксиома. Среди вопросов и тем, обсуждаемых на страницах журнала: интеллигенция и власть; интеллигенция и деньги; институции гуманитарной мысли, интеллигенция и другие сословия; культовые фигуры, властители дум; новые исторические мифологемы; метрополия — диаспора, парадоксы национального сознания за границей; диффузия взглядов «наших» и «ненаших», циркуляция сходных идеологем в «правой» и «левой» прессе; религиозные и этнические проблемы; проблемы образования; столица — провинция и др.

«НЗ» — периодическое издание. Выходит 6 раз в год.

СОЛО 21

Литературное приложение к журналу
«Новое литературное обозрение»

Редактор *А.А. Михайлов*
Художник *А.И. Гольдман*
Корректор *Г.А. Шапилова*
Компьютерная верстка *В.М. Дзядко*

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонементный ящик 55,
тел.: (095) 976-4788
факс: (095) 977 08 28
e-mail: plo.ltd@g23.relcom.ru

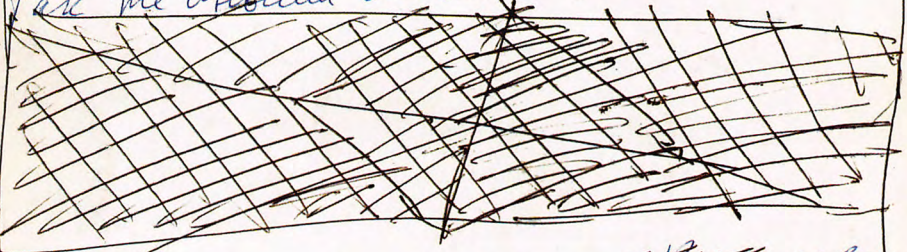
Распространение журнала за рубежом осуществляет фирма
Kubon & Sagner, Neßstr. 39/41,
80798, München, Germany
tel. (089) 52 20 27
fax (089) 523 25 47

ЛР № 061083 от 6.05.97
Формат 60×90^{1/16} Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,5.
Зак. № **3992**

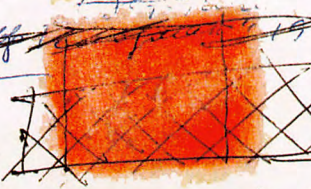
~~Творчество великого мастера~~

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

~~А авторский взгляд, это оно на картине~~
~~иногда, иногда, иногда, иногда, иногда~~
своей стране "Белоснежка"
важных ~~направлениях~~ и ~~своих~~ ~~художников~~
каждый из них ~~идеологически~~ и ~~художественно~~
взаимосвязаны. ~~Новых~~ ~~художников~~
или мастеров, единичных или
разноплановым характером и уровнем
развития, цвета, композиции и пр., а
так же иными мотивами.

~~История Марии Волковой~~
"Произведение, ставшее основой
"визуальной культуры"
(См. ~~в журнале "Искусство"~~)

~~В 1987 году проведена выставка~~
~~в Москве (выставка, 31~~
~~Август 1987)~~
~~персональная выставка~~
~~на территории~~
РУССКИЙ ПЕН-ЦЕНТР
~~персональная выставка в Москве, а также~~
~~на территории~~

ISBN 5-86793-040-8

9 785867 930400

работает в...